

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Перспективы мировой экономики 6

Н.Извеков

С учетом исторического развития автор анализирует особенности процесса глобализации и обращает внимание на такие проблемы современности, как истощение и нехватка природных ресурсов, диспропорции в развитии науки, демографические проблемы и их влияние на развитие мировой экономики. Эффективные меры по решению данных проблем будут способствовать повышению уровня безопасности в мире.

Россия в современной системе международных отношений 13

С.Конопатов

Автор приводит краткое определение системы международных отношений, рассматривает нормы и правила международных отношений в современном мире, характер нового миропорядка, место и перспективы в нем России, состояние отношений с европейским Западом.

Взгляд в день завтрашний 21

А.Исаков

Пытаясь ответить на вопрос, что несет миру глобализм – спасение или катастрофу, автор рассматривает позитивные и негативные стороны этого процесса, их влияние на будущее развитие человечества, в том числе на судьбу России, и предлагает меры, которые необходимо предпринять, чтобы достойно выйти из возможных потрясений социального и природного характера.

Кавказская политика Центра

30

Д.Халидов

Анализируя федеральную политику Центра на Кавказе в конце XX – начале XXI в., автор указывает на ее антиинтеграционный, противоречивый, а порой и провокационный характер, выражающийся в коррупционной практике взаимоотношений с республиканскими элитами, политике двойных стандартов в отношении мусульман и их сложных взаимоотношений с органами правопорядка, разращении республиканских элит и правоохранительных органов практикой “теневого политторга”, идея “слияния-поглощения” субъектов РФ в регионе, и предлагает меры по исправлению сложившейся ситуации.

Перспективы гражданского общества в России

42

В.Черный, Л.Есяян, К.Волков

Отталкиваясь от формулы, что формирование гражданского общества является одной из задач успешного развития демократии, авторы рассматривают роль гражданского общества и его взаимоотношения с государством, возможные конфликты между ними, а также проблемы и перспективы становления гражданского общества в России и его влияние на обеспечение национальной безопасности.

Национальные особенности отношения к инновациям

51

Б.Паршивцев

Указав, что сегодня в России инновации становятся предметом внимания со стороны руководства страны, автор на примерах реализации российских открытий показывает, что большинство из них находят истинное признание и внедрение пока зарубежом, возвращаясь в Россию уже в виде готовой продукции. Расплачиваясь за нее полновесной монетой, мы поддерживаем чужую экономику, способствуя удушению своей собственной.

Чтобы не допустить этого, необходимо все российские инновации доводить “до финиша” именно в самой России, тогда многократно окупятся все вложенные затраты.

Становление института президентской власти в России

60

М.Васильева

Проанализировав попытку копирования на российской почве президентской формы правления таких демократических стран, как США и Франция, где в отличие от России превалирует либеральная модель государственного устройства, автор констатирует, что это не означает установления в стране демократических принципов, а постепенное формирование в России полупрезидентской системы правления может быть эффективным лишь с учётом национальных политических традиций.

Российская парламентская трансформация: что на выходе?

68

С.Обухов

Анализируя трансформационный процесс в России последних двух десятилетий, сопровождавшийся кардинальным изменением роли и значения институтов представительной власти, автор указывает, что “на выходе” этого политического процесса общественная поддержка существующей в Думе четвертого созыва доминантно-партийной

системы оказалась ниже, чем парламента в начале распада однопартийной советской системы (конец 80-х годов). Это, по мнению автора, объясняется доминирующим в общественном мнении отношением к результатам реформ, недовольством их несоответствия целям “демократического транзита”, заявленным в конце 80-х годов.

Тенденции российского и европейского федерализма 77

Ю.Бойко

Рассматривая факторы, влияющие на процесс формирования межнациональных отношений в полиэтничном государстве применительно к развитию федералистских тенденций в европейских государствах, автор указывает на ряд актуальных, в историческом аспекте, факторов, воздействующих на динамику процесса построения современного российского государства и показывает, что наибольшее внимание должно быть уделено формированию гражданской нации через базовые элементы гражданского общества.

Военно-гражданские отношения в государстве 85

О.Лавров

Проводя анализ взаимоотношений между военным и гражданским сообществами и роль политики в этих взаимоотношениях, автор устанавливает, что вооруженные силы имеют тесную связь с государственной политикой, и это опровергает имеющийся в обществе лозунг “армия вне политики”, а также приводит подробную классификацию военно-гражданских отношений с указанием проблем, лежащих в их основе.

Регулирование монополизма в Еврсоюзе 94

А.Толоконников

Исходя из того, что законодательство Европейского союза строится на основании того, что правомерным является доминирующее положение, а неправомерно только злоупотребление таким положением, автор анализирует понятие злоупотребления, порядок доказывания факта злоупотребления и иные условия применения соответствующих норм законодательства ЕС.

Теракты и общественное мнение 100

В.Долгий

Рассматривая воздействие террористических актов на стереотипы мышления и поведения различных социальных групп, которые, в конечном счете, влияют на формирование общественного мнения, автор проводит анализ особенностей реакции широких масс на деятельность боевых экстремистских группировок с учетом имущественных и демографических характеристик и признаков.

Политизация ислама и столкновение цивилизаций 107

Н.Косухин

Рассматривая политизацию ислама и проблему столкновения цивилизаций в современном мире, автор отмечает, что исламский фундаментализм является реакцией на вторжение культуры и моральных ценностей Запада в ментальные традиции мусульманских стран. В то же время взаимодействие и взаимопонимание между западной и ислам-

ской цивилизациями является объективным фактором, несмотря на различие культур, религий, социально-экономических и иных факторов.

Становление двухпалатного парламента Франции

116

И.Артемяева

На примере истории французского парламента автор пытается показать роль верхних палат законодательных органов в процессе функционирования государства и гражданского общества и приходит к выводу, что однопалатное устройство законодательного органа по преимуществу характерно для революционных ситуаций, тогда как периодам эволюционного развития государства присуща двухпалатная конструкция парламента.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (редакция октябрь–декабрь 2006 г.).

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., МЧЕДЛОВ М.П., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежаля», доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокomпании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – вице-президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – начальник Правового управления аппарата Госдумы РФ
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
ЛАПТЕВ П.А. – Уполномоченный РФ при Европейском суде по правам человека
ЛЬВОВ Д.С. – заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, академик РАН
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПОПОВ В.И. – начальник Общевойсковой академии Вооруженных Сил РФ, генерал-полковник
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СЕМИГИН Г.Ю. – директор Института сравнительной политологии РАН, доктор политических наук
- СУХАРЕВ А.Я. – директор Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Перспективы мировой экономики

Какими они видятся в первом десятилетии XXI века

Николай Извеков,
вице-президент Внешнеполитической
Ассоциации

При характеристике проблем и вызовов, с которыми человечество сталкивается ныне, в первое десятилетие XXI столетия, необходимо в первую очередь попытаться ответить на вопрос: Куда и в каком именно направлении идет социально-экономическое развитие международного сообщества в настоящее время?

Часто употребляемое в последние годы понятие “глобализация”, однако, дает лишь сугубо приблизительный ответ на эту принципиальную постановку крайне актуальной темы. Суть проблемы состоит в том, что реально происходящие в современном мире процессы остаются пока по-настоящему не раскрытыми и не разъясненными.

При вдумчивом анализе того важного этапа развития человечества, который принято считать новой и новейшей историей, не трудно убедиться, что на самом деле процесс глобализации экономики, а точнее говоря её “интернационализации”, в различных формах происходил и продолжает происходить на нашей планете вот уже несколько столетий.

За его начальную точку отсчета оправданно было бы взять период “великих географических открытий” (XV–XVI вв.). Этот примечательный исторический этап также совпадает с началом формирования капиталистических общественных отношений в хозяйственной жизни человеческих

сообществ. С наибольшей интенсивностью процесс зарождения капитализма тогда стал происходить в странах Западной Европы, прежде всего в Средиземноморье.

Кстати, к истинно первоначальным росткам капитализма весьма популяризируемая ныне российскими либералами теория Макса Вебера о важной роли “протестантской этики” в становлении этой формации не имеет прямого отношения.

Историческая реальность такова, что первые банки и крупные торговые дома стали возникать не на протестантском Севере Европы, а в её южной части, в католической Италии и не менее католической Баварии. И создавались они не на “упор-

ном труде” и “сбережении средств”, а на быстром обороте капитала за счет торговли “колониальными товарами” и за счёт ростовщичества. Не в последнюю очередь быстрому накоплению богатства в Европе способствовало ограбление заморских территорий, прежде всего на вновь открытых землях Америки и Африки, широкое развитие пиратства и работорговли.

То, о чем поведал в своих трудах Вебер, скорее могло иметь место в реальности значительно позднее, уже в промышленную эпоху, когда некаатолическая Англия в начале XIX в. заявила о себе как наиболее продвинутой в индустриальном развитии страна.

В период первых этапов промышленной революции для создания крупных производств требовались большие вложения в основной капитал, то есть в здания и сооружения, и, особенно в энергетические установки и производственное оборудование. Это побуждало капиталистов-промышленников весьма бережно относиться к имеющимся у них средствам, поскольку это диктовалось интересами дела. Но так было в XIX в., когда были созданы и внедрены в практику многие из ныне существующих производственных технологий.

В данном контексте следует указать на связь между различными стадиями процесса глобализации (интернационализации) и появлением соответствующих экономических учений или доктрин, отражавших суть происходящих общественных изменений.

Со времени “великих географических открытий”, то есть примерно в течение 500 лет, человечество по-

следовательно прошло через три основные стадии или ступени развития капиталистической формации.

Таковыми были: период “первоначального накопления”, затем фаза мануфактурного производства и, наконец, эпоха промышленной революции.

Каждому из названных больших циклов сопутствовало свое основополагающее учение или школа экономической мысли. Это были, соответственно: *“меркантилизм”*, *учение “физиократов”*, *“трудовая теория” стоимости*.

Теория трудовой стоимости получила наиболее развернутое выражение в трудах Карла Маркса и его учеников и последователей.

В XX в. теория трудовой стоимости получила дальнейшее развитие в работах британского экономиста Джона Кейнса и американского профессора Торстена Веблена, хотя их формально не принято считать последователями марксизма.

В этом ряду можно назвать русского экономиста Николая Кондратьева.

Заслугой **Кейнса** принято считать разработку экономической концепции, практическое применение которой позволило развитым капиталистическим странам преодолеть “великий мировой экономический кризис” 1929–1933 гг.

О **Веблене** сейчас, возможно, знают в основном специалисты по истории экономических теорий. Однако именно в наши дни его теоретические разработки, предупреждавшие об опасности чрезмерного ускорения денежного оборота (монетарный фетишизм) в ущерб развитию материального производства, которые появились еще в начале XX в., приобретают особую актуальность¹.

Кондратьев признан во всем мире как автор концепции “длинных экономических циклов” (“длинных волн” – продолжительностью 50–60 лет).

Промышленная эпоха в развитых странах, если подойти к ней исходя из теории

“длинных волн” Николая Кондратьева, за период, который длился около 200 лет, то есть примерно с начала XIX в., пережила три больших цикла индустриального развития. В основе возникновения таких циклов лежало внедрение новых производственных технологий, основанных на использовании достижений фундаментальной науки (“век пара”, “век электричества и двигателей внутреннего сгорания”, “век атомной энергии и компьютеризации”).

В настоящее время мировое сообщество переживает завершение третьего цикла “великой промышленной эпохи”. К такому выводу подводит нынешнее положение дел в мировой экономике, прежде всего в экономически и технологически наиболее развитом Евро-Атлантическом большом регионе. Ситуацию здесь в целом можно было бы охарактеризовать как “состояние неустойчивого застоя”, сопряженного с риском перехода в большой экономический спад. Поэтому всё острее ощущается объективная необходимость перехода на новый, более совершенный уровень экономического и социального развития².

Понятно, что модное ныне понятие “глобализация” не в состоянии дать адекватный ответ на то, что реально происходит сейчас в сфере мирового хозяйства. Дело в том, что в течение двух последних десятилетий XX в. главным фактором, способствующим ускорению процесса обращения денежных средств во всем мире, был стремительный прогресс в разработке и внедрении информационных технологий (“информационная революция”). Именно эта область, именуемая ныне “наукоемкой”, подвела, так сказать, технологический фундамент под процесс “глобализации” в мировой экономике.

Таким образом, реально “глобализация” ныне охватывает в первую очередь “верхние этажи” международной экономической системы, то есть “денежные потоки”, суммарный оборот которых в десятки раз превысил реальный товарооборот в международной торговле. В этом заключается отличие современной глобализации от более широкого понятия “интернационализация”, которое подразумевает сближение и углубление взаимодействия между национальными экономиками (системами развития производительных сил) на основе объективно обусловленного географического разделения труда.

Другая примечательная особенность процесса современной глобализации проявляется в значительном ускорении концентрации богатства в руках немногих олигархических групп. В наши дни хроника экономических новостей развитых стран чуть ли не ежедневно фиксирует появление новых сверхгигантских транснациональных корпораций – холдингов за счет слияния крупных фирм в основных областях экономики.

По данным официальной американской статистики за последние 15 лет XX в. (1986–1999 гг.) концентрация богатства в США в руках плутократической олигархии (1% населения страны) увеличилась в два раза, с 19 до 40%.

Такое развитие в мировой экономике подтверждает то, что концентрация капитала не только продолжается, но и обретает новое качество – формирование “олигополий” во главе с олигархами.

В таких условиях можно констатировать, что категория “частной собственности” на средства производства претерпевает метаморфозу, пре-

вращаясь в категорию “корпоративной собственности”.

Именно эта последняя и является ныне доминирующим фактором в экономике развитых стран Европы и Северной Америки. Попытки современных поборников экономического либерализма изобразить дело так, будто в наши дни главную роль в экономике развитых стран играет “малый и средний” бизнес, представляют собой всего лишь стремление выдать желаемое за действительное.

В реальных условиях современного капитализма вся многомиллионная масса средних, малых и мелких фирм и фирмочек в странах Запада вынуждена существовать и действовать в финансово-экономической орбите крупнейших корпораций и холдингов.

В определенной мере нынешнее положение малого и среднего бизнеса может быть сопоставлено с положением массы вассалов крупных магнатов в период феодализма в Европе. Подобная ситуация весьма удобна для магнатов-олигархов современного бизнеса. Она позволяет им перекладывать на своих экономических вассалов многие тяготы, деловые издержки и риски. Кстати, именно на эту социальную категорию, а не на крупные корпорации в западных странах приходится значительная часть налогового бремени. К этому надо добавить, что уровень банкротств в среде малого и среднего бизнеса весьма высок даже в периоды благоприятной экономической конъюнктуры. Во время экономических неурядиц масштабы таких банкротств могут приобретать обвально-катастрофический характер.

Примечательно, что одновременно с этим процессом в развитых странах Запада, прежде всего в США и Евросоюзе, с начала 80-х годов XX в. главенствующей стала экономическая теория, которую специалисты по истории экономических учений именуют по-разному – “монетаризмом”, “рыночным фундаментализмом” и т.д.

Однако наиболее удачным можно считать определение американского профессора Роберта Гилпина, который назвал это течение “неомеркантилизмом”. Следуя логике, его теоретических размышлений, евро-атлантический капитализм ныне движется по “замкнутой кривой”, возвращаясь к тому, с чего он когда-то начал свой путь в истории человечества.

Однако возникает вопрос, куда он пойдет теперь дальше? Неужели на самом деле реально наступает “конец истории”, как посчитал американский социолог Фрэнсис Фукуяма.

Однако не следует слишком пугаться подобных его умозаключений. Из рассуждений Фукуямы вытекает, что для него “конец истории” заключается в торжестве крупнейших корпораций (ТНК). Иными словами, наступление господства олигархических кланов, для которых тесны рамки всех ныне существующих государств, даже самых крупных. Но любой способный диалектически мыслить человек может увидеть, что за теоретическим “озарением” Фукуямы скрывается не “конец истории” как таковой, а всего лишь завершение очередной стадии или формации в поступательном развитии глобальной человеческой цивилизации. При такой трактовке сути

его суждений с ним можно было бы даже согласиться.

Есть еще один специфический момент в современном положении в мире, о котором нужно сказать особо.

Современные относительно благополучные общемировые показатели экономического роста определяются, в первую очередь, сильной динамикой развития в таких странах как Китай, Индия и некоторые другие государства Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). На фоне стремительного прогресса экономики в этом районе мира темпы экономического роста в Европе и Северной Америке, которые в 3–4 раза ниже, и в самом деле выглядят как стагнация.

В настоящее время признается, что такая тенденция имеет долгосрочный характер и означает фактический перенос центра мирового экономического развития из Евро-Атлантического в АТР. В связи с этим возникает пугающий нынешнюю правящую элиту США вопрос о неизбежном в обозримом будущем изменении в соотношении сил на международной арене.

Разумеется, Европа и Северная Америка всё ещё имеют более высокий уровень “капитализации экономики” и, соответственно, больший масштаб валового внутреннего продукта, а также могут опираться на более развитый научно-технический потенциал. Однако, страны АТР, особенно Китай, заметно обходят страны Запада в области развития производительных сил по выпуску продукции как общественного, так и массового индивидуального потребления. Товары китайского производства из-за сравнительно небольших производственных издержек в про-

мышленности обладают высокой конкурентоспособностью.

В последнее время это дает Пекину возможность теснить западные страны на их собственных внутренних рынках готовой промышленной продукции. Он также осуществляет массивную целевую программу по повышению своего научно-технического потенциала.

Отражением таких усилий является недавний выход КНР в космос, означающий её превращение в третью космическую державу после России и США.

Закономерно напрашивается также вопрос, в чем глубинная причина нынешней ситуации в мировой экономике и происходящих в ней сдвигов?

Как представляется, ответ на него прост и не содержит каких-то особых секретов. Вполне очевидно, что страны Запада, а вместе с ними и Россия, стали в последние годы заложниками своей догматической приверженности неомеркантилистской модели экономического развития. Именно свойственный ей упор на “монетарный фетишизм” и “рыночный фундаментализм” привел к тому положению дел, которое ныне существует в Европе и США. При этом, здесь переход от “кейнсианской модели” (США, Англия) и “социальной рыночной экономики” Эрхарда (Германия) к “экономическому неолиберализму” осуществляется все-таки способом постепенного демонтажа, шаг за шагом. Тем не менее, последние события во Франции говорят о том, что даже подобный демонтаж социального государства может вызвать серьезные социальные волнения.

В России же демонтаж социального общественного уклада был проведен самым радикальным

“шоковым” методом, в результате чего последствия были просто катастрофическими. Они сравнимы, а иногда и превышают материальный ущерб и людские потери нашей страны во время второй мировой войны.

Отмечая устойчиво быстрое развитие экономики Китая и ряда других стран АТР, зарубежные специалисты объясняют его широким привлечением иностранных инвестиций. Да, конечно, этот процесс имеет место быть. Но значение его не следует преувеличивать. Пекин действительно привлек американские и иные корпорации и их капиталы и технологии, но только для развития экспортных отраслей, размещенных в приморских провинциях страны. Этот фактор позволил Китаю в короткие сроки поставить на ноги ориентированный на экспорт сектор промышленности и начать широкое проникновение на рынки в других странах, особенно в США.

Относительно существа используемой китайцами модели ведения хозяйства можно было бы сказать, что в ней сочетаются преимущества государственного планирования и регулирования экономики с грамотным включением в нее рыночных механизмов (*концепция “сбалансированного экономического развития”*). При этом Китай постоянно подчеркивает социалистическую направленность своего хозяйственного и общественного развития.

Переживаемая в настоящее время очередная “переходная” фаза в развитии человечества совпадает по времени с обострением нескольких глобальных проблем. Наиболее существенными из них можно назвать следующие.

На первом месте, очевидно, следует назвать **усугубление проблемы ресурсов** в современном мире.

Речь идет в данном случае не только о важнейшем энергетическом сырье в виде основных разновидностей углеводородов. Разведанные запасы многих других видов минеральных ресурсов также близки к исчерпанию.

По имеющимся на начало XXI в. оценкам специалистов-геологов, таких совокупных ресурсных запасов в мире в целом осталось на 35–40 лет, исходя из нынешних масштабов их добычи.

Несомненно, подобная ситуация ставит в повестку дня для человечества необходимость начать переход от экстенсивного потребления ресурсов нашей планеты к более экономному их расходованию и, в конечном итоге, к их широкому воспроизводству.

В данном случае подразумевается не только массовое применение эффективных систем сбережения ресурсов. Речь идет о разработке и внедрении более продуктивных технологий получения новых источников энергии, которые могли бы стать возобновляемыми, а также переход к безотходному производству.

В последнем случае все виды нынешних отходов должны рассматриваться как вторичное сырье.

Безусловно, решение такой масштабной и перспективной задачи, как показывает опыт недавнего прошлого, потребует создания и реализации долгосрочных программ, основанных на взаимодействии заинтересованных стран, располагающих соответствующим научно-промышленным потенциалом.

На следующем по важности месте стоит **необходимость повышения эффективности науки и совершенствования образования.**

Вопреки рекламным репликам в СМИ многих стран об успехах в развитии наукоемких технологий многие ученые в последнее время указывают на реальное замедление научного прогресса за исключением таких сфер как информатика, биология и фармацевтика, которые остаются пока наиболее выгодными и привлекательными в коммерческом плане.

Однако такие перекосы в развитии науки не способны помочь человечеству в решении возникающих ныне перед ним проблем. Для этой цели необходимо комплексное ускорение прогресса в науке, в частности в тех её областях, которые могут потребоваться в поиске оптимальных подходов к актуальным задачам современности, в первую очередь в сфере энергетики. Спустя более 100 лет после известного высказывания великого химика Дмитрия Менделеева, человечество продолжает использовать нефть в качестве топлива.

Трудно, однако, ожидать, что реальный прогресс в современной науке мог бы быть достигнут без повышения качества образования. Парадокс нынешней ситуации состоит в том, что в последние годы во многих странах наблюдается снижение качества образования. Это, в принципе, отрицательное явление, которое порождает различные проблемы, в том числе такую, как “утечка мозгов” или их “перекачка” из одних стран в другие.

Не может не вызывать озабоченность **усугубление демографических проблем в современном мире.**

Дело не только в наличии больших “диспропорций” в демографических процессах в различных регионах. Так, с одной стороны имеет место стагнация или даже реальная убыль населения, с другой – наблюдается сохранение сравнительно высоких темпов его роста. Наиболее наглядно такая диспропорция проявляется в Европе.

Согласно международной демографической статистике из 36 стран континента в 19 ныне наблюдается нулевая либо отрицательная динамика естественного движения населения*. В числе стран с отрицательным ростом находятся такие крупные как Россия и Германия.

Основной вопрос сейчас состоит в том, как выработать подходы к гармонизации или оптимизации демографических процессов, как на уровне отдельных стран, так и в мире в целом. Сохранение такой явной дисгармонии в современном мире, в сочетании с нарастанием экономических и иных проблем, способно породить взрывоопасную обстановку в ряде регионов мира. Исторический опыт, в том числе недавнего прошлого, подсказывает, что подобные ситуации могут всерьёз и надолго нарушить нынешнюю поверхностную глобальную стабильность.

Примечания

¹ Veblen T. The theory of the leisure class. N. Y., 1959.

² Извеков Н.Н. XXI век – грядет ли конец великой промышленной эпохи? // Обозреватель–Observer. 2002. Март–апрель. № 3–4.

* Данный показатель определяется как разность между средним числом рождений и количеством смертей в расчете на каждую 1000 жителей страны.

Россия в современной системе международных отношений

Сергей Конопатов,

кандидат военных наук, капитан 1 ранга

Международные отношения всегда оказывали большое, а иногда и решающее влияние на состояние и деятельность государств. В настоящее время вследствие глобализации такое влияние:

- особенно многоаспектно и сильно;
- глобально, то есть существенное влияние на государства могут оказывать события (процессы, субъекты), происходящие (располагающиеся) как рядом, так и за десятки тысяч километров.

Что такое система международных отношений, что лежит в ее основе?

Система международных отношений – это совокупность отношений государств, их союзов, международных организаций в сфере политики, экономики, культуры и пр. В ее основе лежит стремление субъектов, прежде всего государств, обеспечить реализацию своих специфических интересов на международной арене с помощью различных средств – политических, экономических, культурных, военных, и пр.*.

С окончания Второй мировой войны и до конца 80-х годов эта система основывалась на Вестфальском принципе государственного суверенитета, закрепленном Уставом ООН и Ялтинско-Потсдамскими соглашениями, определявшими нормы и правила международных отношений.

В условиях сбалансированного биполярного мира, отмеченные нормы и правила исправно действовали.

* Состоятельные страны имеют стратегии обеспечения национальных интересов на международной арене с помощью совокупности имеющихся у них средств. Такие стратегии, по ставшему распространенным определению Л. Гарта, называются “большими стратегиями”. У США она называется “Стратегией национальной безопасности”, которая регулярно обновляется (1996, 2000, 2002 гг.) в связи с существенными изменениями состояния и перспектив международной ситуации и взглядов на них руководства США. Последний ее выпуск “The national security strategy of the United States of America. Affirmed by President G. Bush 16.03.2006” // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss/2006/nss2006.pdf>.

Что подтверждает известный принцип международных отношений: в условиях баланса сил востребована международная законность, отношения стран более справедливы, мир более устойчив и предсказуем.

Однако со второй половины 80-х годов один из глобальных полюсов – социалистическая система (не без внешней “помощи”) – стал ослабевать, а с распадом СССР в 1991 г. окончательно прекратил свое существование. В результате США остались единственной сверхдержавой, превосходящей в экономическом, военном, политическом, информационном и др. отношениях любую другую страну, то есть баланс сил в мире был подорван.

Как известно со времен Фукидида, для разбалансированного мира характерно стремление сильной стороны пересмотреть международный порядок в свою пользу, изменить установившиеся правила игры. В

результате наступает период военно-политической нестабильности, передела основ организации международного порядка, что и наблюдается в современном мире. Так, в начале 90-х годов были преодолены краеугольные принципы организации послевоенного мира – Вестфальский принцип нерушимости государственного суверенитета, принцип устава ООН о незаконности войн без санкции Совета Безопасности ООН.

Однако наблюдаемая сегодня разбалансированность мира – лишь очередная фаза в процессе его развития. Как показывает история, в этом процессе, тем или иным путем, будет найден новый баланс сил, который определит новую фазу стабильности международных отношений. В настоящее время движение к такому балансу просматривается, например, в попытках радикальной перестройки ООН, в войнах, в образовании новых и реструктуризации существующих блоков государств.

Новый мировой порядок и место России

К каким образом, на каких условиях, в чью пользу будет устроен новый мировой порядок?

Решение именно этого глобального вопроса определяет современные международные отношения. Наиболее активной и мощной силой, пытающейся решить его в свою пользу, являются США. Представляется, здесь они опираются на два базовых принципа:

1. Ослабить и взаимно связать в межгосударственных и межблоковых “клинчах”, прежде всего, основных своих геоэкономических, следовательно, и геополитических конкурентов – Европу, Китай, Японию.

Так, в июне 2006 г. министр обороны США Д.Рамсфелд совершал турне по странам Восточной и Юго-Восточной Азии, во время которого выступил с лекцией на пя-

том юбилейном Азиатском форуме в Сингапуре по вопросам безопасности. В ней он попытался дискредитировать Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Россию и Китай, вбить клин в отношения стран региона с ними. Естественно, “плохому” блоку и “плохим” странам необходимо противостоять. Поэтому Рамсфелд отметил, что блокадная стратегия в этом “гораздо эффективнее, нежели двусторонние или трехсторонние союзы”, и призвал азиатов подумать над тем, чтобы создать военный блок по типу НАТО. Отметив “полезную роль” блоков с участием США, он призвал восточно-азиатские страны “не обходить США в создании новых региональных объединений”.

2. Создать взамен распавшегося второго полюса биполярного мира (СССР) новый, виртуальный полюс – мировой терроризм, мировое зло, и возглавить весь мир в “борьбе” с ним.

При этом конечной целью предполагается, что власть, приобретенная Америкой над миром в результате реализации этих принципов, позволит ей упрочить и закрепить пошатнувшееся ныне ее исключительное положение в мировой экономике, сложившееся после Второй мировой войны.

Какова в этом раскладе роль России?

Согласно современным геополитическим воззрениям, Россия – *Хартленд* – ключ к владению миром. Почему?

Естественно, не из-за ее мощи. Ныне и на перспективу при сложившихся тенденциях развития ситуации, прежде всего внутрироссийской, она не представляет из себя большой экономической и военной силы. Ключевая роль России в другом. Она:

- граничит со всеми основными геоэкономическими соперниками США;

- обладает большими запасами природных ресурсов, в первую очередь энергетических, которыми обделены отмеченные соперники;

- через нее возможен транзитный транспорт природных ресурсов геоэкономическим соперникам США из других стран – Средней Азии, Прикаспия, и пр.

Совокупность этих качеств России ослабляет возможности США управлять своими основными геоэкономическими соперниками (Европой, Китаем, Японией) с помощью наиболее эффективного фактора – ограничения их в природных ресурсах, прежде всего энергоресурсах. Положение России в современном мире определяется, с одной стороны,

отмеченной ключевой ролью. Интерес США в отношении России при этом заключается в том, чтобы:

- “вбить клин” между Россией и граничащими с нею геоэкономическими соперниками Америки, в том числе с помощью изоляции ее кордоном из стран-лимитрофов;

- расколоть Россию на ряд несамодостаточных, подконтрольных, враждующих между собою государств для “закупорки” ресурсного и транспортного потенциала построссийского пространства, отделения от этого потенциала основных своих геоэкономических соперников*.

В этом плане основные геоэкономические соперники США объективно должны являться союзниками России.

С другой стороны, на положение России в современном мире существенно влияет дисбаланс между:

- ее ключевым геополитическим положением, большими размерами территории, номенклатурой и объемами запасов ее природных ресурсов;

- и значительно более скромными экономической и политической мощью. А также и военной, если не учитывать фактора ядерного оружия.

Естественное устремление других, более сильных стран и союзов, использовать эту благоприятную ситуацию, превратить Россию в управляемый сырьевой придаток, а также удовлетворить имеющиеся у некоторых стран территориальные притязания. С точки зрения этого фактора России бесперспективно искать союзников как в лице США, так и их основных геоэкономических конкурентов.

* Отсюда проблемы России в отношениях с Украиной, Грузией, Молдавией.

Место России в современном мире

Положение России в современном мире противоречиво. С одной стороны, по ряду параметров она входит в первую десятку государств мира. Так, Россия:

- занимает ключевое положение в центре Евразии (Хартленд) с выходами на стратегически важные регионы – Европу, Центральную Азию, Китай, Корею, Прикаспий, и обширную территорию. Поэтому потенциально является основным транспортным узлом, связывающим различные части Евразии (Европа – страны АТР, в том числе по Северному морскому пути, коридор Север – Юг, и пр.);

- обладает большими запасами природных ресурсов, прежде всего энергоносителей;

- пока занимает седьмое место в мире по численности населения;

- по ракетно-ядерному потенциалу уступает только США, и по этому показателю остается сверхдержавой*;

- пока сохранила часть мощного военно-промышленного комплекса, что позволяет ей удерживать второе место по продаже вооружений на мировых рынках;

- постоянный член Совета Безопасности ООН с правом вето;

- более или менее равноправный член “восьмерки” наиболее развитых государств мира;

- пока имеет конкурентоспособную атомную и космическую промышленность;

- крупнейший экспортер энергоносителей, что дает ей в руки, учитывая нестабильную ситуацию на

Ближнем и Среднем Востоке, серьезные экономические и политические рычаги.

С другой стороны, положение России в мире подрывается комплексом уязвимых мест и нерешенных проблем. Часть из них обусловлена разрушением СССР – исторической России, другие – реформами 80–90-х годов.

Так, в России в последние два десятилетия наиболее перспективные и прибыльные высокотехнологичные отрасли деградировали, и экономика неуклонно трансформировалась в сырьевую.

Россия потеряла ряд богатейших и стратегически важных территорий, почти половину населения и более половины экономического потенциала, важнейшие морские порты на Черном и Балтийском морях, большую часть авиации и морского флота.

Будучи и так преимущественно сухопутной державой, она в разы сократила свое присутствие в Мировом океане.

Россия лишилась традиционных союзников и влияния в Восточной и Центральной Европе и получила вдоль своих европейских границ черноморо-балтийский кордон из государств с недружественно настроенным руководством (страны-лимитрофы).

В результате она как бы отделилась от Европы, стала еще более северо-восточной и континентальной страной. В России крайне неблагоприятная демографическая обстанов-

* Представляется, что без фактора ядерного оружия Россия не сохранила бы оставшуюся после 1991 г. территорию и суверенитет.

ка, быстро деградирует человеческий потенциал.

Оставляет желать лучшего и политическая система страны: не сбалансированная конструктивной оппозицией (застой!), она не может определить эффективную стратегию и программу непосредственных действий по решению насущных проблем страны – совершенствования системы государственного управления, демографической, экономических, науки, образования, здравоохранения.

Раздутый, бюрократизированный госаппарат в значительной степени неэффективен, безответственен, поражен коррупцией.

Кумулятивный эффект этих негативных факторов значительно ухудшает положение страны и ее возможности на мировой арене.

Так, по рейтингу конкурентоспособности Россию относят к шестому – седьмому десятку государств, то есть впереди нее не только все развитые, но и многие развивающиеся страны.

А по уровню коррумпированности, напротив, в первую десятку.

В определенной мере негатив влияния внутренних факторов на международное положение России мог

бы быть скомпенсирован продуманной внешнеполитической стратегией.

Однако общая атмосфера упадка и деградации периода “реформирования” не пощадила ни одной сферы общественной жизни и государственного управления, в том числе и систему оценки ситуации, выработки и осуществления решений в международных отношениях. В результате в 90-х годах Россия в значительной мере попала под внешнее влияние, утратила ряд международных позиций. В значительной мере в силу ее неэффективной внешней политики произошло уничтожение исторически дружественной Югославии.

Семь лет президентства В.Путина кардинально не улучшили международное положение России, но значительно улучшили качество внешнеполитической деятельности.

Экономический подъем (хотя в значительной степени нездоровый, конъюнктурный, связанный с ростом цен на энергоносители) заметно укрепил тыл российской дипломатии. Политическая стабилизация, укрепление вертикали власти, высокий рейтинг главы государства позволяют более основательно заняться международными отношениями.

Геополитическое положение России

Если оценивать геополитический уровень России, то ее можно отнести к категории региональных держав. В эту же группу входят ведущие европейские государства – Германия, Франция, Великобритания, а также Япония, Китай, Индия, Бразилия. Они играют важные роли в своих регионах и существенно влияют на мировую политику.

Значительно проигрывая другим региональным державам в качестве

государственного управления, уровне развития промышленности, науки, технологий, валовому внутреннему продукту, Россия превосходит их тем, что еще не совсем растрчено из наследия прежних поколений – особым геополитическим положением, запасами природных ресурсов и ядерного оружия. Также Россия является постоянным членом Совета Безопасности ООН (тоже историческое наследие), что дает некоторые

kozyри в международных отношениях.

В центре стратегических интересов России находится постсоветское пространство. Однако в этом направлении многое упущено в 90-е годы. И сейчас Россия пока не может в полной мере наладить взаимовыгодного сотрудничества с бывшими своими республиками, направить его вектор на устойчивую региональную интеграцию. А иногда ведет несбалансированную, близорукую политику*.

В отношении постсоветских республик пришлось отказаться от многих иллюзий предшествующего десятилетия. Прежде всего, для их руководства интеграция не является безусловной ценностью: просто ради интеграции они не хотят жертвовать чем-то существенным. У них сформировались свои, более-менее устойчивые наборы интересов – экономических, политических. И интеграцию они рассматривают именно через призму этих интересов: если интеграция существенно помогает в их реализации – она приветствуется, если

нет – отторгается. Поэтому вопрос интеграции – это вопрос организации эффективной системы сотрудничества, прежде всего экономического.

Вместе с тем, и центробежная гонимая в постсоветском пространстве в некоторой мере осталась позади. Сейчас идет соревнование между Россией, США и основными европейскими странами за влияние на этом пространстве. Много в нем зависит от того, насколько Россия сможет стать самостоятельным региональным полюсом, притягательным для бывших советских республик в экономическом, политическом, социальном, культурном и иных отношениях.

Итак, для России приоритетным является постсоветское пространство. В 90-е годы в силу объективных и субъективных причин интересы и осмысленное влияние России не распространялись за его пределы. Однако в силу исторических факторов и геополитических характеристик, она не должна оставлять без внимания происходящее в других частях Евразии и в мире в целом.

Отношения с европейским Западом

Сложной проблемой российской внешней политики являются отношения с европейским Западом. Это не безусловное союзничество, но и не конфронтация.

А что это такое?

Видимо, процесс поиска нового регионального баланса сил взамен утраченного в конце XX в., который осуществляется в соперничестве за

утверждение приоритета своих национальных интересов, России, имеющей отмеченные проблемы во внутренних делах, не завершившей процесса определения вектора своего развития, своих национальных интересов и идеологии, не имеющей внятно сформулированной и выверенной *“большой стратегии”*, трудно на равных участвовать в этом со-

* Это видно на примере с Белоруссией (единственным союзником России) в конце 2006 – начале 2007 гг. Да и ранее: если бы желания российского руководства, по мнению автора, в достаточной мере совпадали с национальными интересами России, интеграция наших стран уже давно бы состоялась.

перничестве, поэтому потери в нем вероятны.

Позитивным для России фактором в международных отношениях является расхождение позиций США, с одной стороны, и “старой” Европы, прежде всего Германии и Франции, с другой, относительно России. Если в Большой стратегии США она видится как нежелательное в мире государство, подлежащее дезинтеграции, то для “старой” Европы Россия – фактор, прежде всего экономической, точнее – ресурсной, энергоресурсной стабильности, соответственно – ограничитель американского экономического, следовательно, и политического влияния на Европу. В связи с этим основные европейские страны – Германия и Франция – поддерживают с Россией довольно тесные политические отношения, регулярно проводят консультации по ряду вопросов международных отношений.

В силу этого сегодня Россия имеет значительные возможности на самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. В совокупности с высокими ценами на энергоресурсы это дает возможность в первую очередь к развитию экономики страны, а на ее основе – и всех других сфер, в том числе международных отноше-

Таким образом, положение России как важного элемента системы международных отношений определяется многими факторами. В целом его нельзя однозначно охарактеризовать ни как хорошее (как, например, во время Екатерины II), ни неудовлетворительное (во время президентства Ельцина). Но если рассматривать его перспективы, то тут ситуация значительно хуже. Тенденции развития различных аспектов состояния внутренней ситуации в России в сравнении с другими странами, тенденции развития международных отношений России не внушают особого оптимизма.

Есть ли выход на позитивную перспективу?

Дальнейшие перспективы России как весомого, уважаемого и стабильного государства в системе международных отношений, способного отстаивать свои национальные интересы, просматриваются на пути радикального улуч-

ний. Однако эта возможность пока используется очень слабо, поэтому разрыв в уровнях развития России и наиболее развитых стран мира неуклонно растет.

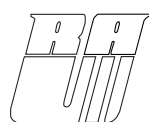
В условиях попыток политического диктата со стороны Запада, геополитического давления США Россия совместно с Китаем и другими соседними странами (Киргизия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и др.) создали альтернативный региональный политико-экономический полюс – Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), которая призвана определять и легитимизировать альтернативные навязываемым Западом стандарты международной безопасности, прав человека, легитимности выборов и пр. В силу привлекательности такой функции ШОС, значительного международного веса входящих в него государств большой интерес к ней проявляют и многие другие страны, даже не граничащие со странами-членами ШОС. Таким образом, ШОС сегодня является важным инструментом международного влияния и фактором ослабления зависимости от Западных, прежде всего, американских, зачастую двойных, продиктованных их национальными интересами, цивилизационных стандартов.

шения качества государственного управления, прежде всего качества государственной “элиты”, формирования эффективной системы ее отбора (меритократии), соответствующей национальным интересам.

Главный в России вопрос – не что, а кто будет заниматься ее судьбой. Достойные субъекты в руководстве определяют и достойную программу возрождения России – что, как, зачем, в какие сроки надо делать, и сделают это. При отсутствии таких субъектов чего-либо большего, чем пиар, компанийщина и дележ энергоресурсных долларов, ожидать трудно.

Продвинуться вперед в нынешнем остро конкурентном мире можно только за счет превосходства в государственном мышлении, в понимании международной и внутренней ситуации, в стратегическом видении и планировании, в организации и осуществлении государственного управления.

Других путей к позитивной перспективе России в международных отношениях не просматривается.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Взгляд в день завтрашний

Анатолий Исаков,
профессор

Неумолим ход истории. Идет бурный процесс преобразования человеческого общества. Великая Октябрьская социалистическая революция в России всколыхнула весь мир и вырвала из капиталистической орбиты одно из крупнейших государств, а Вторая мировая война привела к демонтажу колониальной системы в Азии и Африке, заставила капиталистические страны искать пути выживания в эпоху сильнейших социально-экономических потрясений.

Появился глобализм как теория и практика продления существования капитализма. Лучшие умы человечества стал занимать вопрос, а что дальше?

Глобализм – спасение или катастрофа?

Действительно, сегодня вопрос стоит именно так.

Глобализм при всей привлекательности в развитии экономики, торговли, управления социальными процессами в мировом масштабе, прежде всего среди цивилизованных стран, таит в себе серьезные противоречия и неразрешенные проблемы.

Это утверждают, характеризуя процесс глобализации, такие ученые, как А.Чумаков, А.Федотов, А.Задерей и др.

Именно они на основе глубокого анализа исторических событий показали, что к мировой власти стремились государства-завоеватели с древних времен. Достаточно вспомнить такие личности, как Наполеон и Гитлер, которые пытались установить свое господство не только над Россией, но и над всем миром.

Развивая эту мысль дальше, ученые пришли к выводу, что в современном мире к мировой власти пробивают себе дорогу

промышленно-финансовые верхи Запада во главе с мировыми банкирами.

В этот процесс, по словам Д.Колемана и О.Платонова, вовлечены многие государственные, военные, общественные, религиозные деятели, ученые в том числе из России.

В докладе Центрального разведывательного управления США конгрессу “Тенденции мирового развития к 2015 году” отмечаются позитивные результаты, достигнутые в ходе глобальных процессов и в то же время содержатся пессимистические прогнозы, подтверждающие значительные трудности, с которыми сталкивается сейчас человечество. Там же говорится о положительной роли Всемирной торговой организации (ВТО), Международного валютного фонда (МВФ), военного блока НАТО, организации американских

государств (ОАГ), так называемой “восьмерки”, Европарламента и ряда мировых общественных организаций.

При этом отмечается, что дальнейшему развитию глобализма препятствуют такие факторы, как перенаселение планеты, ограниченные сырьевые ресурсы Земли, рост международного терроризма, наличие в мире государств с другими социальными системами (Китай, Вьетнам, Куба, Венесуэла).

Преодолеть эти негативные причины ЦРУ рекомендует за счет сокращения населения Земли, жесткого ограничения расходования сырья (вплоть до взятия контроля над государствами, располагающими крупными его запасами), силового подчинения государств, являющихся якобы рассадниками международного терроризма, ликвидации различных стран социалистической ориентации за счет различных провокаций или применения силы.

В практике западных государств это ново.

Еще бывший директор ЦРУ США Аллен Даллес говорил по отношению к нашей стране следующее: “Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России.

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не будут нужны, превратятся в пережиток прошлого.

Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом, беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит.

Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности.

Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов”.

Этой призрачной идее подчинены идеология, внешняя политика, экономика, вооруженные силы и спецслужбы ведущих капиталистических стран мира.

Фактически сейчас мир встал перед дилеммой: удастся ли ему сохраниться в условиях все возрастающих противоречий или наступит глобальная катастрофа? Кстати, о последней все громче предупреждают голоса западных и российских ученых.

В работах таких ученых, как Э.Гор, А.Федотов, В.Горшков показано, что в настоящее время мировое сообщество уже встало на путь возможной гибели. Они утверждают, что мир обречен, если не измениться к 20–30-м годам нынешнего столетия, которые могут стать началом деградации цивилизации.

Поэтому человечество без промедления должно искать выход из создавшейся ситуации.

Естественно, ведущие капиталистические страны, понимая обреченность мира в его современном виде, будут предпринимать отчаянные усилия, чтобы продлить свое существование. Они попытаются пойти на все тяжкие, чтобы сохранить свое господство над миром, вплоть до применения против несогласных ракетно-ядерного оружия, руководствуясь правилом – для достижения поставленной цели все средства хороши.

Как видится будущее человечества?

По этому поводу известный политолог профессор В.Сергованцев спрашивает, какая страна мира, вовлеченная в процесс современного глобализма, добровольно пойдет на сокращение своего населения, свертывание производства (внутреннего валового продукта), ограничение потребления сырьевых ресурсов, наконец, на ущемление интересов олигархической верхушки и отвечает – такого государства сейчас нет. Капиталистическая система ведет человечество к гибели как автомат.

Неужели нет выхода из возникающего тупика?

Исторический опыт показывает, что альтернатива глобальной катастрофе есть. Это путь коренных социальных преобразований в системе государств мира, установление в них такого строя, который способствовал бы справедливому распределению между членами общества произведенного продукта, росту населения государств, рациональному расходованию сырья, поиску его альтернативных видов, ликвидации всех видов оружия на Земле, улучшению экологии.

Но согласятся ли с этим современные капиталистические государства? Вряд ли?

Они пойдут на все, вплоть до мировой ракетно-ядерной войны, чтобы сохранить статус-кво.

Сейчас ракетно-ядерным оружием располагают пока 7 государств мира. Близи к обладанию им еще несколько стран. При таком составе собственников ракетно-ядерного оружия вполне возможно возникновение острого ядерного конфликта. Пойти на такой рискованный шаг могут США и их союзники, пытаясь своим ядерным потенциалом уничтожить своих противников, при-

крываясь сами противоракетным зонтом. Однако как бы ни была сильна противоракетная оборона агрессоров в ней будут значительные бреши, используя которые другая сторона нанесет не менее разрушительные ответные ракетно-ядерные удары.

Тогда Планета погрузится во мрак. Вокруг возникнут колоссальные разрушения, радиоактивное заражение, потери достигнут многих десятков миллионов людей. Чтобы восстановить нормальную жизнь на Земле потребуются десятки, а то и сотни лет напряженного труда оставшихся в живых. И еще неизвестно, под эгидой какого общественного строя это будет происходить.

Вряд ли такой сценарий устроит современное капиталистическое общество. Поэтому оно пытается для продления своего существования идти по пути сокращения населения планеты, ликвидации неугодного им общественного строя, установления господства над государствами, якобы являющиеся рассадниками международного терроризма, захвата сырьевых регионов, изменения разума человека, максимально приспосабливая его к своим интересам.

Планируя сокращение населения, сильные мира сего считают, что это мероприятие приведет к уменьшению расхода ресурсов (питания, электроэнергии, углеродородного сырья и др.) и тем самым позволит снизить нагрузку на планету. Пути решения этой проблемы они видят в развязывании локальных и региональных войн, вооруженных конфликтов, создании голода, насаждении разврата, стерилизации и других методов. Сопrotивление со стороны стран социалистической ориентации и антиглобалистов, по их мнению, имеет чисто символический характер и не представляет серьезной угрозы современному глобализму.

Бесперспективность сокращения населения Земли противоречит законам природы и устройству цивилизованного сообщества. Допустим, что население планеты удастся сократить до 1 млрд. чел., но если останется капиталистическая система с жесткой конкурентной борьбой, то останется избранная каста и остальная часть населения для обслуживания. В этом случае сохранится и борьба между ними. Гармонии на Земле не наступит.

Учитывая, что современное противостояние труда и капитала идет на глобальном уровне, то наиболее вероятным вариантом разрешения этого извечного спора остаются войны, последствия которых могут быть непредсказуемыми.

Другим направлением сохранения своего господства буржуазные государства видят в перераспределении земных ресурсов (нефти, газа и др.) в пользу наиболее развитых стран. Они стремятся сделать это уже сегодня.

С одной стороны, они прибегают к актам прямой военной агрессии (Ирак, Афганистан), с другой – к различным угрозам и санкциям (Венесуэла, Иран, Россия). Видимых результатов такие шаги пока не дают, но подобные действия таят в себе серьезную угрозу миру. Именно в локальных и региональных войнах глобалисты ищут выход из создавшегося положения.

Что касается стремления капиталистического мира повлиять на сознание человечества, изменить у него

материалистическое мировоззрение, максимально приспособить его к нуждам глобалистов, то здесь следует отметить следующее: с середины XX столетия стало особенно заметна тенденция, когда развитие интеллекта человека в капиталистическом обществе активно приспосабливается к нуждам глобализации, узкой профориентации при насаждении в обществе низкопробных вкусов и низменных побуждений. Этому также способствуют СМИ, литература и искусство.

Учитывая, что основная масса людей легко внушаема и управляема, глобалисты добиваются того, чтобы господство над этой массой могла осуществлять сравнительно небольшая группа людей, которая, обладая определенными знаниями, может легко повелевать членами общества. Это, по определению ряда ученых, – хищники, правящие современным миром. Их интересы сейчас, как никогда, приходят в противоречие с интересами подавляющей части людей.

Прогрессивные граждане Земли видят выход из этого положения в том, чтобы активно противостоять правящей верхушке глобалистов, не допустить проникновение в свои ряды ее агентов влияния, настойчиво готовить в своей среде достойных лидеров оппозиции из числа наиболее стойких и мужественных патриотов. Эти лидеры, по словам профессора Б.Диденко, должны смело идти вперед, вести за собой остальную массу людей. Такие лидеры у каждого народа есть, но их надо готовить и на день завтрашний.

Судьба России

Будущее России неотделимо от общей судьбы человечества. Наша страна, как и все государства мира, борется за существование, переживая

эт непростой период социальных преобразований и упорно идет по пути создания правового демократического государства. Для этого

укрепляется его нормативная правовая база, усиливается вертикаль руководства страной, завершается оформление и становление ведущих политических партий, разрабатываются программы дальнейшего развития экономики, активизируется внешняя политика, близится к завершению перестройка силовых структур. Правда, указанные мероприятия проводятся с различной степенью эффективности.

На пути создания в нашей стране государства “суверенной демократии” еще немало недостатков и нерешенных проблем.

Наше общество, прежде всего, тревожит отсутствие в России национальной идеи. Это явный просчет политического руководства, которое до сих пор не может предпринять в этом отношении результативные шаги. Ведь национальная идея – это идеологический и политический стержень развития государства, прожектор, освещающий путь его движения в будущее.

Ее отсутствие в России на сегодняшний день тормозится двумя факторами:

во-первых, не до конца определены и надлежащим образом оформлены отношения России и Запада;

во-вторых, нежелание российского руководства признать, что наша страна в силу своего геополитического положения расположена в двух частях света – в Европе (меньшая часть) и в Азии (основная часть). Она вынуждена существовать в этих условиях и находить общий язык как с европейскими, так и азиатскими странами. Поэтому лозунг “Мы – Европа!” – является для России не только несвоевременным, но и дезорганизующим.

Посмотрим, что же ждет Россию в обозримом будущем на основных направлениях ее развития.

Прежде всего, **о правовой базе**. Ее состояние вызывает большую тревогу.

В целом современная Конституция России часто не находит своего воплощения в федеральных законах, Указах Президента России, Постановлениях Правительства РФ, а иногда вообще игнорируется.

Кроме того, затрудняют функционирование государства слишком большое количество и не совсем высокое качество отдельных нормативных правовых документов.

Создается впечатление, что законодатель стремится чисто формально подойти к этому вопросу, забывая о значимости каждого конкретного шага в деятельности любого органа государства, организации или гражданина. С другой стороны, ряд нормативных правовых актов, прежде всего федеральных законов (“О борьбе с коррупцией”, “Об интеллектуальной собственности” и др.), годами не рассматривается Федеральным Собранием страны.

Значительная часть судов всех инстанций в России до сих пор не стала олицетворением законности и справедливости. Ошибки на стадиях предварительного и судебного расследований уголовных и гражданских дел зачастую приводят к заключению под стражу невиновных (вопиющий случай с Генеральным директором ФГУП “Базальт” В.Кореньковым), к оправданию обоснованно подозреваемых или замене предусмотренных законом наказаний слишком мягкими или условными.

Органы прокуратуры в центре и на местах подвержены частым сме-

нам руководства, изменениям функций и организационным потряскам.

Как известно, в области внутренней экономической политики нашего государства первоочередной задачей, как отмечал Президент Российской Федерации В.В.Путин, является удвоение внутреннего валового продукта (ВВП) к 2010 г.

Задача не из легких, но вполне решаемая, если обеспечить ежегодный прирост производства основных видов продукции на уровне 12–15% (при современных 7–6%). Достигнуть таких показателей возможно путем более энергичного привлечения в народное хозяйство инвестиций, в том числе иностранных.

Значительный результат в росте ВВП может быть также достигнут за счет новых технологий, повышения производительности труда и культуры производства.

В повестке дня развития экономики России должно стоять завершение создания металлургических, нефтяных, угольных, авиастроительных, бронетанковых холдингов под контролем государства.

Следует обеспечить также централизованное руководство транспортом и связью.

Особого внимания заслуживает сохранение и укрепление оборонно-промышленного комплекса (ОПК). К сожалению, несмотря на все меры, предпринимаемые в течение последних лет со стороны государства, на большинстве предприятий оборонки, как подчеркивал в одном из своих недавних выступлений Министр обороны Российской Федерации С.П.Иванов, остается тяжелое положение.

Сегодня на предприятиях ОПК эксплуатируется около 75% морально устаревшего

и на 50% физически изношенного оборудования. И хотя доход от экспорта российского вооружения за рубежом в 2005 г. составил 6,12 млрд. долл., проблемы, стоящие перед ОПК, усугубляются.

Об этом говорилось в октябре 2006 г. на III ежегодном инвестиционном форуме "Московский бизнес-диалог".

За ослаблением ОПК часто стоят западные спецслужбы.

Прямой путь к осуществлению указанных мероприятий – **общий подъем науки и образования** в стране, повышение интеллектуальных возможностей общества. Речь идет о сохранении, по словам писателя А.Солженицына, народа России – основного двигателя истории нашего государства. Пока же нам похвастаться нечем. Народ России деградирует, спивается, гибнет в авариях, катастрофах, на пожарах.

Мы ежегодно неоправданно теряем до 1 млн. чел., из которых 100 тыс. здоровых, трудоспособных людей.

Этим перекосам общими усилиями общества должен быть поставлен надежный заслон при одновременном увеличении рождаемости в стране.

Важным условием возрождения российского народа следует считать также вопрос **установления социальной справедливости в обществе**. По этому поводу Президент Российской Федерации В.В.Путин в своих ответах на вопросы граждан нашей страны в октябре 2006 г. сказал, что "для нас главное – сократить дисбаланс между теми, кто очень много получает и теми, кто мало зарабатывает". Достигнуть здесь полной гармонии в условиях капиталистического строя вряд ли когда-нибудь возможно. Однако подвижки вполне возможны.

По словам Президента Российской Федерации В.В.Путина, в 2006 г. рост реальных доходов населения составил примерно 11%, рост пенсий в реальном выражении – 6,1%.

Но здесь можно достигнуть большего за счет многомиллиардных размеров Стабилизационного фонда, обслуживающего в основном нужды иностранного капитала, и золотовалютного резерва России.

Необходимо, как показывают расчеты ученых, **в корне изменить экологическую обстановку** не только на планете, но и у нас в стране.

России, как и другим странам мира, согласно исследованиям британского ученого Н.Стерна, необходимо больше средств расходовать на сохранение окружающей среды (мировая потребность в средствах для этого – 1% ВВП, то есть 300 млрд. долл.). Это значительно уменьшит пагубные последствия глобального потепления, загрязнение атмосферы и оздоровит среду обитания на планете.

Что касается **внешней политики** России, то она на сегодняшний день не нашла еще своих четких ориентиров.

Особенно тревожат взаимоотношения России с ЕС, НАТО, ВТО и МВФ.

Нуждается в улучшении двусторонние связи России с США, Польшей, Прибалтийскими странами, Великобританией, Японией.

Нет ясности во взаимоотношениях нашего государства с Китаем, Кубой, КНДР, Вьетнамом.

Не решен окончательно вопрос о множестве дипломатических представительств России за рубежом. Застыло создание Союзного государства России и Белоруссии. Требуют большей определенности взаимоотно-

шения Российской Федерации с Украиной, Грузией и другими странами СНГ в рамках их коллективной безопасности.

В целом внешняя политика России на современном этапе развития международных отношений представляет собой довольно сложный процесс, требующий постоянной корректировки.

Важной составляющей выживания Российского государства является **состояние силовых структур**, необходимых как для отражения прямой агрессии, так и для стабилизации внутренней обстановки.

Так, Вооруженные Силы Российской Федерации, насчитывающие в настоящее время 1 млн. 131 тыс. чел., завершают стадию организационного реформирования и осуществляют постепенный переход на контрактный способ комплектования. Эти мероприятия проходят довольно сложно и встречаются немало трудностей в их осуществлении.

К примеру, как отмечала “Независимая газета”, явно недостаточны ассигнования, выделяемые министерству обороны на закупку современных вооружений, содержание контрактников и обеспечение жильем офицерского состава. Это серьезный минус в повышении боевой готовности и боеспособности армии и флота России.

Если к этому добавить недостаток контингента призывников, контрактников, кандидатов для поступления в военные вузы, их слабое здоровье, склонность к употреблению спиртных напитков и наркотических средств, то проблем в сохранении, и повышении боевого потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации, окажется еще больше.

Постоянного внимания требует **поддержание контактов между Вооруженными Силами Российской Федерации и вооруженными силами стран СНГ.**

Определенные сложности существуют в повышении престижа Министерства внутренних дел РФ.

Здесь обстановка складывается таким образом, что в силу ряда обстоятельств наша страна сегодня должна содержать несколько сот тысяч человек в милиции и других органах внутренних дел, а также более 200 тыс. чел. во Внутренних войсках страны.

Такое значительное количество личного состава требует к себе постоянного внимания со стороны государства как в отношении обеспечения высокого уровня профессионализма, так и создания определенных условий (зарплата, жилье) для поддержания нормальной жизнедеятельности каждого сотрудника и военнослужащего.

Много еще в этом ведомстве нормативных, организационных и кадровых проблем, а также в сфере борьбы с коррупцией и беспределом. Особенно остро обстоит дело с кадрами. Здесь на сегодняшний день наблюдаются низкий образовательный уровень призываемого контингента, слабая профессиональная, прежде всего правовая подготовка низового звена милиции, трудности с комплектованием учебных заведений ведомства, большая текучесть кадров, слаба воспитательная работа, недостаточная оснащенность ряда подразделений техническими средствами.

Видимо, определенную часть забот в повышении роли органов внутренних дел в стране должны взять на себя местные органы власти.

Особо стоит вопрос о дальнейшем развитии и укреплении в России такого важного атрибута государства, как Федеральная служба безопасности. Являясь высокоорганизованной и сравнительно малочисленной организацией, ФСБ России сегодня успешно решает задачи по борьбе с разведывательной и иной подрывной деятельностью спецслужб и организацией иностранных государств, терроризмом, коррупцией, организованной преступностью, по охране Государственной границы.

Территориальные органы безопасности и органы этой службы в войсках постоянно совершенствуют свою организационную структуру, повышают интеллект и профессиональную подготовку сотрудников, техническую оснащенность подразделений и имеют в целом положительные результаты в своей работе. Они умело опираются на помощь других правоохранительных органов, местных властей и поддержку широких слоев населения. Положительно зарекомендовало себя создание в 2006 г. Национального антитеррористического комитета (НАТК) во главе с директором ФСБ Н.П.Патрушевым.

Сейчас в ведомстве осуществляется довольно сложный процесс реорганизации пограничной службы на основе перехода ее от войскового к оперативному способу охраны границы.

В настоящий период развития российского государства важную роль в силовом обеспечении его функций играют и такие его структуры, как Федеральная служба охраны (ФСО) и Министерство по ликвидации чрезвычайных ситуаций и гражданской обороне (МЧС).

Несомненно повышение созидательной роли в выживании государства и других структур страны, а также нации в целом.

Выводы

1. Современное Российское государство, несмотря на острые проблемы, стоящие сегодня перед человечеством, должно постоянно предпринимать необходимые меры, чтобы достойно выйти из возможных катастрофических потрясений социального и природного характера.

2. Первостепенные задачи России в настоящее время состоят в том, чтобы на основе национальной идеи добиться совершенствования норм права, коррекции общеполитического курса, подъема экономики, благосостояния народа, науки, культуры, образования, здравоохранения, укрепления обороноспособности и правопорядка.

3. Основная роль в становлении России как достаточно мощного правового демократического государства должна принадлежать руководству страны, органам государственного управления, бизнесу, ученым, инженерам, творчеству и созидательному труду народа, воинам армии и флота и средствам массовой информации.

**Подписка на 2007 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Кавказская политика Центра

Деньга Халидов,

руководитель Центра проблем
этнополитики и ислама
при Академии геополитических проблем,
эксперт Госдумы ФС РФ

Насколько политика Федерального центра (ФЦ) на Кавказе адекватна и непротиворечива?

Ответ на этот ключевой вопрос не однозначен. Неоднозначность такого ответа сочетается с противоречивостью, стратегической “аморфностью” политики ФЦ в целом по стране.

Ясно, что такая политика носит слишком явный отпечаток наследия 90-х годов. Она отражает влияние “старых”, наработанных связей и силы либерального “крыла” вкупе с “семьей” в высших коридорах власти.

Но предмет нашего анализа ограничен, главным образом, российским Кавказом. На таких материалах наглядно можно продемонстрировать противоречивость (зачастую, сознательно направляемую) и неадекватность политики Центра. Причем, противоречивость, выгодную стратегическим соперникам России – НАТО и США, давно уже объявивших Кавказско-Каспийский регион зоной своих интересов.

Безусловно, Президент страны и его команда в последние годы пытаются внести “свежую струю” в региональную политику. На лицо желание нейтрализовать (и ликвидировать) неинтегративную практику, сменить вектор кадровой политики, избавляясь от коррумпированных фигур. Есть стремление обеспечить в максимально возможной степени непротиворечивость и интеграционный характер принимаемых мер.

В ряду таких мер и последние (2006 г.) “назначения-выборы” глав республик в Дагестане и Кабардино-Балкарии: М. Алиев и А. Карноков – личностей широко известных своей безупречной репутацией. В этом же ряду меры по интеграции в мирную жизнь бывших боевиков из числа радикально настроенных против местных режимов молодых мусульман. Имеются также “сигналы”, свидетельствующие о некоторой “ревизии” антиинтеграционной шумихи вокруг Кавказа. Как представляется этих шагов совершенно недостаточно и нет никаких оснований для самоуспокоения.

История проблемы (90-е годы XX – начало XXI вв.)

В первые об антиинтегративном и провокационном характере федеральной политики в регионе заго-

ворили еще в 1992 г. в связи с событиями в Чечне. Кремль и Белый дом тогда обвинялись в сознательной де-

стабилизации региона. В то время громадное количество вооружений СССР было оставлено дудаевскому режиму. Логика подобного “умиротворения” мятежного генерала обернулась таким образом, что именно этот шаг Кремля создавал будущие условия для вооруженного конфликта и дестабилизации всего региона.

Разумеется, такую интерпретацию мотивов поведения Кремля решительно опровергали Е.Гайдар и К° и близкие к власти эксперты.

Но и разумных аргументов в оправдание подобной, безответственной политики они не могли привести. Ибо ссылки на нерешительность и страх, вызванный опасениями больших жертв в случае попытки федеральных властей вывести оружие, выглядели бы еще более неубедительными в устах государственных “мужей”.

Еще одним свидетельством противоречивости политики ФЦ в регионе являлось негласная поддержка “сверху” некоторых этнополитических движений, деятельность которых порой серьезно дестабилизировала ситуацию.

Один из экспертов, Т.Толгуров, анализируя политику Кремля в регионе в 1993–1996 гг., писал: “...в высших эшелонах власти России существует весьма влиятельная группа политиков, которая, стремясь к сохранению целостности страны, полностью игнорирует интересы граждан и этносов... Сознательно пойдя на инициацию в республиках сепаратистских течений, эти силы одновременно развернули бурную деятельность, основными целями которой были нарушение системы власти на местах, деструкция вертикали государственного управления в республиках и усиление роли и значения Центра”¹.

В таком же контексте рассматривались и далеко небезупречные в по-

литическом и правовом отношении федеральные шаги по возрождению казачества.

Не вполне адекватно и в достаточной степени противоречиво, выглядела политика Центра и в период первой чеченской кампании (1994–1996 гг.) в сочетании с двусмысленным характером её информационного освещения.

Это было тем более странно наблюдать, если учесть, что на протяжении 2–3-х лет федеральные СМИ (в особенности, “демократические”) сделали все, чтобы демонизировать Чечню и регион в целом. Таким образом подготавливая общественное мнение страны к возможному силовому способу решения чеченской проблемы.

Позднее, Дудаев признавался, что для него была полной неожиданностью решение Кремля вести вооруженные силы в республику. А его попытки пойти на переговоры с Ельциным блокировались еще на ранних стадиях.

Очевидно, что круг лиц, ответственных за политику в регионе, явно подталкивал Кремль на силовой вариант, совершенно не представляя долгосрочные последствия подобной авантюры.

Возможно имело место и сознательное превращение Чечни в долгосрочный и постоянно действующий “мощный” фактор, управляя которым можно решать проблему власти на уровне ФЦ.

Еще более очевидными были признаки раздвоения в федеральной политике, когда дело касалось Абхазии.

Хотя Абхазия, строго говоря, и не относится к российскому Северному Кавказу, но по признакам этнокультурной и исторической бли-

зости, по политическим последствиям в регионе включение непризнанной республики в наш анализ вполне оправдано.

Подробно исследовался этот аспект политики Москвы в период абхазо-грузинской войны 1992–1993 гг. в статье “Абхазская трагедия и Кавказ в большой политике”².

В ней приводились убедительные доказательства сговора между первыми “демократами” бывшего Союза – Шеварднадзе и Ельциным (летом 1992 г.) о сдаче Абхазии на заклятие абсолютно незаконному и нелегитимному режиму в лице так называемого Госсовета Грузии.

Впоследствии, Ельцин, вопреки геополитическим и оборонным интересам страны продолжал двусмысленную политику на абхазском направлении, ставя порою в тупик МИД (министр Е.Примаков) и Минобороны РФ.

Генерал-полковник Л.Ивашов писал по этому поводу в середине 90-х годов: “В чем то военным и дипломатам-государственникам удавалось продвигать истинно российские позиции в переговорных процессах. Но, в конечном счете, превалировали групповые, клановые и алчные интересы и в Грузии, и в Чечне...”

В частности многомесячный труд дипломатов и военных по грузино-абхазскому урегулированию, согласованный со всеми представителями государств СНГ, в том числе и с министром иностранных дел Грузии, на Совете глав государств СНГ (Кишинев, 1998 г.), в одночасье был перечеркнут репликой Б.Ельцина, брошенной в адрес Е.Примакова: “Я не согласен с Вами, и согласен с предложениями Эдуарда Амбросиевича. Идите, дорабатывайте документ”³.

Более “мягкие” формулировки неадекватности и противоречивости политики Кремля в регионе изложены в работах эксперта из Абхазии Л.Тания, которая отмечает, что в течении 10 лет “Россия собственными руками выдавливая свои интересы из Закавказья, осуществляя экономическую блокаду Абхазии... Стремление удержать Грузию в орбите российского влияния формировало непоследовательный внешнеполитический курс России”⁴.

Известный по кавказско-каспийской проблематике эксперт Дегоев В. на протяжении многих лет пытается “достучаться” до МИД и аппарата президента РФ, предлагая нетривиальные подходы к решению региональных проблем с учетом геополитических интересов России.

Таким образом, в 90-е годы прошлого века отчетливо проявлялась неопределенность федеральной политики в регионе.

Можно говорить даже о наличии нескольких субъектов, которые продолжали “гнуть” противоречащие друг другу линии. Дилетантизм и “демократический романтизм” политики козыревского МИД, проводимой на грани саботажа и предательства и поддерживаемой первой волной демократов, лишь отчасти нейтрализовывались державным “инстинктом” генералов Минобороны и государственных установками лево-патриотического парламента России.

Позднее, при Е.Примакове, когда линия МИД на северокавказском направлении выправилась, добавился еще один деструктивный фактор в лице Березовского, занявшего ключевой пост в Совете Безопасности России.

Все более очевидным становилась также собственная *деструктивная логика развития* федеральных и региональных институтов власти на Северном Кавказе, когда корпоративные интересы превалировали над подлинно государственноческими. “Автономное” функционирование в регионе таких институтов, как МВД, прокуратура и некоторых спецструктур приводило, в конечном счете, к превращению конфликта в *перманентный фактор* оправдания наращивания сил и упора на “чисто” силовые методы.

Коррупция и теневой политторг

Сложившаяся в 90-е годы прошлого века коррупционная практика взаимоотношений ФЦ с республиканскими элитами представляет до сих пор серьезный негативный фактор, влияющий на ситуацию в регионе. И это несмотря на последние кадровые назначения Президента страны в регионе. Ибо и Правительство РФ, и правоохранительная практика, и силовые структуры все еще продолжают функционировать в относительно “автономном” и меркантилистском режиме. Часть федеральных чиновников, связанная коррупционными узами с региональными правящими группами, объективно заинтересована в *отвлечении* общественного внимания от серьезных недостатков и ошибок в своей работе, а также в *демонизации* региона.

Попытку такой демонизации и “перевода стрелок” на местные власти со стороны руководителей силовых и правоохранительных структур РФ решительно отверг президент Дагестана М.Алиев на региональном совещании в ЮФО в Ростове-на-Дону (август 2006 г.). Он недвусмысленно обвинил высокое начальство в покровительстве браконьерству, теневой и “черной” экономике в республике. Обвинение, брошенное в лицо федеральным министрам, осталось без ответа.

Именно практика “теневого политторга” прочно укоренившаяся за 90-е годы окончательно развратила республиканские элиты, в особенности – на Северном Кавказе. Здесь очень высока роль *скрытой* (“беловоротничковой”) и *“синеворотничковой”* преступности, связанной с коррупцией “верхов” и уводом или бегством экономики в тень.

Ряд республик региона смело можно включить в первую десятку “передовиков”

страны по этому показателю. Косвенные индикаторы высокой степени по сравнению с другими регионами распространения этого негативного явления налицо.

Один из ключевых индикаторов – это доля налогов и прочих сборов в валовом региональном (республиканском) продукте (ВРП), который косвенно отражает скрытый увод в тень налогов и бюджетных средств, в 90-х годах прошлого века и в 2000–2002 гг. колебался в пределах 7,0–9,0% в Дагестане и Ингушетии и 12,5–14% в КБР и РСО-Алания. (Данные по Ингушетии приводятся лишь по 2000–2002 гг). Тогда как по стране в целом этот же показатель в среднем составлял порядка 20 %.

Лишь в 2006 г. наступил перелом, к примеру в Дагестане и КБР, что связано со стилем руководства новых глав республик. Кроме того, усилиями полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, Д.Козака эта тема приобрела острое звучание в “верхах”.

Аналитические справки по региону в целом и отдельно по Дагестану, составленные комиссией ЮФО, раскрыли совершенно неприглядную картину в том, что касается реальных факторов нестабильности и социальной неустроенности, коррупции и безнравственности властей, хищений бюджетных средств и широкого развития теневого сектора.

В сентябре 2005 г. на заседании Комиссии по социально-экономическому развитию Северного Кавказа (в Ставрополе) Д.Козак заявил, что ущерб от теневого обращения средств только по югу России в 2004 г. составил около 50 млрд руб. В то же время финансовая помощь и дотации из федерального бюджета всем субъектам ЮФО составили около 47 млрд руб.

“Если анализировать цифры, то Южный федеральный округ – недотационный”, – подытожил полпред президента, добавив, что теневой сектор в регионе достиг таких

масштабов, что можно говорить о создании "параллельного экономического пространства, а по сути и параллельного политического пространства".

Что касается правоохранительной сферы в регионе, то ситуацию в ней Д.Козак охарактеризовал как "воиющую" и требующую хирургического вмешательства.

Именно эти проблемы волнуют местное население более всего, которое надеется все еще на Москву. И, тем не менее, ФЦ не спешит проводить то самое "хирургическое вмешательство" в правоохранительной сфере, о котором говорил Д.Козак и которого действительно ждут на местах. Здесь очевидна как нерешительность Кремля, пасующего перед силой федеральных "правоохранителей" и силовиков, так и инерция антисистемного разрушительного для Федерации вектора в деятельности госструктур, "зараженных вирусом" разложения. Разумеется, при этом неизбежна эрозия легитимности Центра в регионе. В этом-

то и состоит опасность ситуации и ее динамики.

Анализ этой динамики позволяет реконструировать некоторые ключевые элементы мотивации подобной политики ФЦ и их трансформацию за последние 10–15 лет.

"От несистемных и противоречивых шагов по восстановлению государственного единства к коррупционной модели взаимодействия и теневому торгу с республиканскими элитами → От коррупционной модели, к доминированию антисистемы и антиинтеграционной практики в регионе (о чем мы поговорим подробнее ниже) → От антиинтеграционной практики и коррупционной модели к почти полному разбалансированию федеральных структур и перерождению государственных институтов в регионе → От негативной трансформации в деятельности госинститутов к формированию параллельного теневого социально-экономического и политического "мира" – "внутреннего зарубежья" в России".

Таков неутешительный итог эволюции федеральной политики за последние 10 с лишним лет.

О "поглощении–слиянии" субъектов РФ в регионе

Очевидно, что 89 субъектов Федерации – это очень много и не оптимально с точки зрения государственного управления.

Северный Кавказ – специфический регион, где одна мысль о "слиянии–поглощении" вызывает бурю эмоций. Однако федеральная власть и здесь умудряется на "ровном месте" создать новый очаг напряжения, вкладывая эту не бесспорную (применительно к региону) идею в уста местных политиков.

На Северном Кавказе впервые эту идею стали озвучивать, как ни странно, чеченские политики.

Еще в начале 2004 г. Т.Джабраилов, председатель Госсовета ЧР, человек но-

вый в политике, "смело" озвучил идею поглощения Ингушетии Чечней, а затем ни много, ни мало и объединения "всех республик региона в Северо-Кавказский край"(?!).

А-Х.Султыгов, экс-уполномоченный президента страны в Чечне по правам человека также вспомнил о почившей в бозе еще в 20-е годы XX в. Горской (советской) республике.

А недавно инициативу подхватил и губернатор Краснодарского края Ткачев, указав на Республику Адыгею как на объект будущего поглощения краем, чем вызвал бурю протестов среди адыгов как в России, так и за рубежом в Турции, где проживает обширная (несколько сотен тысяч человек) и влиятельная диаспора. "Помимо заявления Ткачева, – пишет эксперт А.Суриков – в последнее время участи-

лись и другие поползновения на адыгскую государственность...

Как считает "Черкесский конгресс", приведение правовых актов республик в соответствие с федеральным законодательством – лишь подготовительный этап к "укрупнению субъектов Федерации" за счет ликвидации национальных республик. А это, по мнению лидеров организации, неизбежно обусловит появление новых очагов напряженности в ранее спокойных регионах".

Президент Ингушетии М.Зяиков в выступлении по республиканскому ТВ оперативно среагировал на такую инициативу соседей, заявив, что пока он президент, слиянию с Чечней не быть.

Еще менее жаждут этого в Дагестане. Можно не сомневаться, что в местных обществах эта инициатива Кремля будет встречена крайне отрицательно и даже может спровоцировать массовые выступления и беспорядки.

Все это вполне в духе планов губернизации по Жириновскому и доведения числа регионов до 28–30 ед.

С большим удовольствием озвучивают их и правые националисты из розогинской "Родины".

Народные массы в республиках-кандидатах на слияние-поглощение пока безмолвствуют.

Но это обманчивая тишина. Для "титовых" наций в республиках эта форма государственности в рамках Федерации – не просто пустой звук.

Это и символ исторической преемственности государственности, порою, не менее древней, чем российская. Это и форма, в рамках которого, они вправе реализовать свою автономию и не только культурно-языковую, но и гражданскую, и политическую.

И те, кто говорят о ликвидации нацреспублик попросту плохо усвоили чеченский опыт. Вернее, усвоили его с точностью до "наоборот". Можно не сомневаться: при первых

реальных сигналах по "слиянию-поглощению", площади столиц в Ингушетии и Дагестане, да и в других республиках моментально заполняют массы протестующих.

Как правило, благая идея по сокращению субъектов Федерации в России начинает мутировать, приобретая абсурдные, провокационные, почти деструктивные формы. Очевидно, что кое-кто жаждет погрет руки на грандиозных проектах.

Еще в середине 90-х годов академик РАН Александр Гранберг и Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Минэкономразвития и РАН РФ представили в администрацию Президента революционный проект по сокращению субъектов РФ до 25–28 ед. Просчитали лишь экономико-географические факторы, да забыли про "овраги" – политические, культурно-исторические и ментальные. А "овраги" эти действительно огромные⁵.

Помнится в 60-е годы муссировалась идея формирования "единого советского народа" с тотальной унификацией всех и вся в огромной стране. Но потом адепты столь радикальной идеи постепенно замолкли, пристыженные, возможно, и крылатыми фразами (о готовности покинуть эту жизнь, "если завтра умрет мой родной язык". Из стихотворения "Родной язык" Р.Гамзатова). Тогда, когда все были убеждены в безоговорочной поддержке идеи "сверху", этот крик души настоящего поэта-мудреца всколыхнул общественность, раскрепостил трусливых и прорвал "шлюзы" молчания. Стало очевидно, что идея то вовсе и не спущена "сверху". Как следствие, похороны идеи прошли без лишнего шума.

Так, что остается ждать тревожных "сигналов" от отечественной интеллигенции или VIP-персон из политической элиты, дабы остановить не в меру ретивых ликвидаторов национальных республик в регионе, пока они не спровоцировали в стране великие потрясения.

“Кавказо-” и исламофобский PR – еще один метод антиинтеграции

Итак, анализ показывает, что федеральная политика в регионе далека от того, чтобы быть цельной и непротиворечивой по характеру. С одной стороны, мы видим меры по *интеграции* вроде символических жестов из Москвы, в виде экономики дотаций, а также некоторых элементов (не встроенных в цельную систему) информационной пропаганды по гостелевидению.

Это неумеренный “пиар” вокруг семьи Кадырова и репортажи об успехах в мирной жизни Чечни. Разумеется, в этом же русле лежат меры, хотя и не все, по борьбе с терроризмом и другие шаги ФЦ.

С другой – очевидна неинтегративная практика, провоцирующая отчуждение и сепаратизм в регионе и, в целом, умножающая межэтническое и межконфессиональное напряжение в обществе. Выявить подобные тенденции возможно только при изучении реальной практики борьбы с сепаратизмом и экстремизмом в регионе, а также при анализе передач федеральных СМИ, затрагивающих этноконфессиональные аспекты.

Что же показывает этот анализ?

Еще в 2001 г. на парламентских слушаниях в Госдуме, посвященных теме “СМИ и национальная политика в РФ”, были озвучены тревожные выводы о русофобском и кавказофобском, дезинтеграционном и, в целом, раскалывающем по живому наше общество характере работы большинства либеральных средств информации, включая и гос-ТВ.

Для неолиберальных СМИ национальное многообразие страны, традиционные ценности и общественные идеалы оказываются, как правило, скорее пустыми абстракциями и

досадными помехами на пути успешного строительства капитализма. Проблема усугубляется еще больше тем, что та узкая, но очень сплоченная “корпорация” претендентов на роль властителей дум в России потеряла всякую осторожность и уже редко демонстрирует привычную для культурной элиты корректность. Особенно это касается кавказской или исламской тематики.

Несистемность и несогласованность, противоречия между отдельными федеральными шагами в регионе дают некоторым экспертам основание делать вывод о сознательной стратегии вытеснения Северного Кавказа из общероссийского пространства, о заказном характере подобной политики, реализуемой определенной частью информационной элиты страны.

С начала 90-х годов прошлого века усилиями либеральных фундаменталистов общественное недовольство реформами в стране стало канализироваться в вполне определенное русло. Оно идентифицировалось с так называемыми “лицами кавказской национальности”, якобы “оккупировавших” торгово-коммерческую нишу. Криминальные хроники на ТВ с тех пор при каждом удобном случае стали напоминать телезрителям этническую принадлежность “героев” своих репортажей. А нынче к сухим репортажам ксенофобского характера добавились и кино-телебоевики с плохо скрываемыми исламофобскими и античеченскими или антикавказскими мотивами, заполнившими отечественные экраны.

Безусловно, проблема эта действительно была актуальной, но не более чем та, которую создавали для общества солнцевские, курганские, тамбовские и прочие десятки и сотни преступных сообществ, заполнивших страну.

Но на порядок более актуальной была проблема последствий от приватизации и скрытого грабежа страны, учиненного новой реформаторской “элитой”. В привлечении общественного внимания к кавказской или мигрантской теме была своя скрытая логика. “Стрелки” негодования людей переводились на другой и более осязаемый объект в лице выходцев с Кавказа и южан, в целом.

Кроме того, сознательно культивировался обобщенный, без дифференциации на Закавказье и Северный Кавказ – часть РФ, образ кавказца. Тогда как выходцы с российского Кавказа значительно отличаются от закавказских гостей России по своим ценностным установкам и стереотипам поведения. Это кажется мелочью только на первый взгляд. Ибо налицо установка на провоцирование отчуждения вообще ко всем выходцам с Кавказа, в том числе и – из субъектов Федерации.

Манипуляции со статистикой оргпреступности, экономической и прочей, растиражированные на ТВ и в либеральной прессе, разумеется, немедленно приводили к росту антикавказских настроений в обществе. Собственно, инструментальная роль кавказофобского “пиара” заключалась также в решении этой задачи – как составного элемента стратегии управляемого конфликта (хаоса). Ее теорию и практику наши западники успешно осваивают нынче. “Правда жизни” при подобной инфорполитике оказывалась густо замешанной на лжи и новых мифах. Демонизировалась преступность с чеченской, дагестанской и другой кавказской “физиономией”.

Как признавались автору тележурналисты, обслуживающие федеральные каналы на Северном Кавказе, московские заказчики ставили перед ними четкие задания. Например, “побольше кровавой “клубнички”,

насилия и никакого позитива из региона”(!?).

На федеральном информационном фронте неявно реализовывалась установка по созданию негативного образа всего, что связано с Северным Кавказом, в особенности с Чечней, начиная с 90-х годов. Сознательно фальсифицировались факты и статистика. Способы манипуляций – применялись самые разнообразные.

Вот некоторые примеры манипуляций в СМИ:

1. Непропорционально большим по удельному весу в уголовной статистике доля на ТВ подозреваемых в преступлении или преступников для выходцев из Закавказья или Северного Кавказа;

2. Сознательное обобщение тех, кто является российскими гражданами по рождению (выходцы с Северного Кавказа), и уроженцев Закавказья, ныне граждан других государств;

3. Акцентированные внимания телезрителей на этническом признаке подозреваемого в преступлении или самого преступника, когда речь идет о, так называемых, “лицах кавказской национальности”. Подозреваемый или преступник, обязательно “азербайджанец”, “дагестанец” или “чеченец”, если речь идет о выходцах с Кавказа.

На уровне подсознания, такая манипуляция закрепляет образ преступника-кавказца, которому даже квартиру сдавать опасно.

Реальная же статистика, сгруппированная и проанализированная экспертами из ЦЭМИ РАН, к удивлению многих показала, что среди субъектов РФ республики Северного Кавказа имеют самый высокий рейтинг по целому ряду показателей. Это и качество “человеческого материала”, включая и чрезвычайно низкий уровень преступности, и социальная сфера, уровень социализации и др.

Параллельно с антикавказской направленностью в федеральных СМИ явственны мотивы демонизации ислама.

С конца 90-х годов прошлого века негативные стереотипы в отношении ислама внедрялись методично и настойчиво, педалируя тему “ваххабизма” и так называемого “исламского” терроризма.

Идеи радикального “ваххабизма”, разделяемые весьма узким меньшинством мусульман региона, преподносятся как органическая и чуть ли не единственно возможная идеология и практика этой религии, системы его мировоззрения и политических ценностей.

Причем сознательно избегают говорить о том, что ислам не имеет ничего общего с радикальными интерпретациями “ваххабитов”, с терроризмом и категорически запрещает насилие против мирных граждан. Замалчивается также реальная практика функционирования ислама среди подавляющего большинства российского мусульманского сообщества; пнастроенного патриотически и законопослушного.

Наиболее полную характеристику целенаправленного характера исламофобии в России и странах СНГ приведена в исследовании Мюриэль Эткин, профессора университета им. Д.Вашингтона (США). “Намерение Москвы навязать гражданам своей страны восприятие ислама... исключительно как надвигающуюся угрозу, – пишет М.Эткин, – буквально проиллюстрировано на страницах книги об исламе, вышедшей огромным (100000) тиражом. (Речь идет о книге И.Жданова и А.Игнатенко “Ислам на пороге XXI в.” – Авт.). Она начинается серией фотографий, на одной из которых отрубает голову жителю Саудовской Аравии. Под ней саркастическая подпись на тему о том, как в Саудовской Аравии гордятся своей принадлежностью к исламу”.

Он цитирует, также российских политиков (президент Чувашии, Н.Федоров) и известных экспертов (профессор Л.Сюкияй-

нен). Они предостерегают от широких (негативных) обобщений относительно ислама и практики двойных стандартов в отношении мусульман России, заметных среди определенной и влиятельной части федеральной власти⁶.

Становится все более очевидным, что и в первом (ксенофобском) и во втором случаях эта политика имеет конкретных заказчиков на уровне информационной и части экономической элиты страны. Неоднократные обращения лидеров духовных управлений России к федеральным властям с просьбой положить конец антиисламской пропаганде остаются пока без результата.

Судебные иски отнимают массу времени и нервов, как это случилось с иском к газете “Известия”, по поводу откровенно анитисламских памфлетов некоего Олега Осетинского (октябрь 2001 г.) и “православного” профессора Московской духовной академии и телегероя в одном лице А.Кураева.

Откровенное невежество и плохо скрываемая ненависть к исламу “профессора” Кураева и Осетинского, столь разрекламированные в либеральных СМИ, наталкивает на мысль, что эти два персонажа представляют собой “коллективное бессознательное” и чаяния всей когорты отечественных исламофобов. Это те, кто тесно связан с антиинтегративной системой внутри страны, имеющей провокационный и разрушительный характер.

В информационной политике четко проявляется тенденция, которую никак нельзя интерпретировать как беспристрастную, ответственную и интеграционную. Она четко ассоциируется с тенденциозностью, установкой на раскол российского общества по “живому” и отчуждение как 20 млн. российских мусульман, так и населения Северного Кавказа от России.

“Правоохранительная” практика и признаки перерождения

Общую противоречивую картину политики ФЦ дополняет “правоохранительная” (слово не случайно взято в кавычки) практика.

Это дактилоскопические процедуры и постоянные проверки документов в городах России у выходцев с Северного Кавказа. За этим следуют вымогательства, дискредитирующие саму идею легитимности власти в России, а также милицейские “наезды” на северокавказский бизнес и т.д.

В регионе же получило широкое распространение практика преследования со стороны “правоохранительных” структур мусульманских общин и прихожан мечети по самому факту выраженной исламской идентичности (или) по подозрению в наличии “ваххабитских” материалов. Местными органами МВД на вооружение, нередко, берется принцип “презюмции виновности”, когда только “чисто” по внешним признакам арестовываются десятки и сотни прихожан той или иной мечети. Правда, большую часть арестованных около мечетей освобождают, но, как правило, здесь не обходится без соответствующей мзды. По заявлению милицейских чинов из КЧР и КБР, им спускают “сверху” план по ваххабитам.

Разумеется, такая практика – это не индикатор “глупости” федеральных чиновников, а скорее сознательная провокация с далеко идущими последствиями. Новые главы республик в Дагестане и Кабардино-Балкарии уже неоднократно намекали о деструктивном характере такой “правоохранительной” политики. Но кардинально ситуация пока не изменилась.

Как заявляли участники круглого стола (29 июня 2005 г., Москва), ссылаясь на данные известного журналиста и депутата А.Хинштейна, около 90% дел, связанных с

экстремизмом и терроризмом, возбуждаемых в отношении российских мусульман, являются сфабрированными. Такая оценка происходящего в регионе отнюдь не является преувеличением. Достаточно просмотреть материалы прессы и Интернет-сайтов, где приводятся ужасающие цифры бессудных расправ и бесследных исчезновений многих тысяч молодых людей в регионе⁷.

Вот, что говорил в интервью, взятом летом 2005 г. один из лидеров мусульманской общины в КБР, М.Мукожев: “Мы до последнего пытались увещевать общину, чтобы развитие ислама в регионе происходило в законных рамках, но дело в том, что этих законных рамок не существует. Тогда о чём говорить, к чему призывать? К соблюдению закона? Так кругом беззаконие! Мы имели возможность встретиться непосредственно с руководством республики. Мы заявили, что нам с большим трудом удаётся удерживать людей от сопротивления. И были в шоке, когда вице-премьер, прокурор и главный милиционер республики в один голос нам ответили: “А кто вас просит удерживать? Это не в ваших функциях – удерживать!”. А мы то считали, что сохранение мира в республике – гражданский долг каждого её жителя”⁸.

Ему вторил другой, вполне “вписанный” в Систему руководитель Института исламских исследований КБР и лидер местного отделения движения “Русское исламское наследие”, Руслан Нахушев, который сказал: “...проблемы – (мусульман в КБР – Авт.) – можно условно объединить в четыре группы: 1 – массовые нарушения прав мусульман правоохранительными органами (фактически антиисламский экстремизм местных властей); 2 – религиозное невежество большей части молодых мусульман; 3 – дискриминация по религиозному признаку на работе, в учебных заведениях, в обществе и семье; 4 – масштабная безработица и низкий уровень жизни. Исходя из этих проблем, мы и будем планировать наши действия”⁹. Во время октябрьской трагедии в Нальчике он резко осудил выступление экстремистов, но бесследно исчез в “недрах” силовых структур

республики. Такова информация к размышлению.

Аналогичная практика бессудных расправ наблюдается и в Дагестане. Многочисленные свидетельства такой практики за последние годы приводятся в целом ряде материалов местных экспертов и журналистов. Наиболее точную характеристику происходящего в республике дал мэром Хасавюрта С.-П. Умаханов.

На вопрос корреспондента газеты: «А какие существуют политические мотивы ухода молодёжи в подполье?». Он ответил: «Команда Путина – это те люди, которые хотят навести порядок и в Дагестане, и на

Северном Кавказе... А есть другая команда, и в этой команде тоже есть и члены администрации Президента, и правительства России, и генералы. Во всех структурах есть у них свои люди. Эти люди от имени Путина всё, что делается хорошо Президентом страны, опошляют. Они делают так, чтобы народ озлобить и дестабилизировать обстановку. И в Дагестане есть генералы, которые специально, незаконными действиями хотят натравить нашу молодёжь, наше население против нашего государства, против нашего Президента. Специально озлобляют народ»¹⁰. Он же указал на то, что «противозаконной деятельностью занимаются прикомандированные из российских областей части внутренних войск МВД и силовые структуры из Чечни.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Для Федерального центра актуально формирование цельной и непротиворечивой политики, которая была бы направлена на *интеграцию* всех групп населения региона в общероссийскую жизнь и нейтрализацию раскола и отчуждения в обществе. Необходимо тщательное разведение понятий «терроризм» и «ислам» в информационном пространстве, изоляция в политико-психологическом плане лагеря «непримиримых» в Чечне.

Еще более актуальная задача заключается в том, чтобы провести основательную ревизию методов борьбы с терроризмом, в которой налицо целый ряд признаков симбиоза и взаимодействия с манипулируемым террором.

Деструктивная практика политторга с республиканскими элитами должна уступить место широкому взаимодействию с общественными структурами, гласному обсуждению кандидатур на ответственные должности в федеральных структурах в регионе.

Нужен жесткий спрос с тех силовиков и служащих МВД, которые допускают грубейшие нарушения прав человека и практику бессудных расправ.

2. Важно преодолеть информационно-политическое раздвоение между идеями подлинно единой (объединяющей народы) России, с одной стороны, и реальной практикой и противоречиями в функционировании соответствующих институтов, с другой.

При этом представляется обоснованными следующие приоритеты в контексте решаемых задач:

- информационная политика и коррекция деятельности соответствующих федеральных институтов;
- приведение в соответствие с правовыми нормами практики силовых и правоохранительных институтов в регионе;
- социально-политические меры и кардинальные реформы в деятельности институтов власти в регионе, нейтрализация коррупции и вывод из тени экономики;

– проведение в жизнь назревших социально-экономических мер и сокращение безработицы.

3. Нужно сломать негативный сценарий, связанный с каспийской нефтью и Дагестаном за счёт:

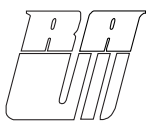
– кардинального пересмотра разрушительной практики “антитеррора” силовых структур;

– внесения поправок в ФЗ “О недрах” в той части, которая регулирует право “двойного ключа”, в ФЗ “О совместном разделе продукции” в части, регулирующей лицензионную практику.

Представляется нецелесообразным передоверить правительству РФ столь “тонкий” вопрос, как выдача лицензии даже на маленькие (25 млн. т нефти и менее) участки месторождений.

Примечания

- ¹ Толгуров Т. Российская Федерация: о политике Центра на Северном Кавказе (1994-96 гг.) // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1.
- ² Халидов Д. Абхазская трагедия и Кавказ в большой политике // Дагестанская правда (в трех номерах газеты). 1993. Июнь.
- ³ Ивашов Л. Хоронить не спешите Россию. М.: Яуза, 2003. С. 84–85.
- ⁴ Тания Л. Президентские выборы в Абхазии и стратегические ориентиры российско-абхазских взаимоотношений // Кавказский эксперт. 2005. № 2. С. 11.
- ⁵ Халидов Д. “Конструкция” власти в республиках Северного Кавказа // Обозреватель–Observer. 2006. № 2.
- ⁶ Эткин М. Ваххабизм и фундаментализм: термины–“страшилки”. (Лексикологические изыски противников ислама) // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1.
- ⁷ Шахбанов М. Как милиция возвращает террористов // Черновик. (г.Махачкала). 2005. № 32; Р.Хайбулаев. Почему Хасавюрт уходит в горы? // Черновик. 2005. 29 августа; Чечня. 2004. Похищения и исчезновения людей. (Материалы Правозащитного центра “Мемориал”) // www.kavkaz.memo.ru (февраль 2005); Д. Халидов. Кто “заказал” Северный Кавказ? // Северный Кавказ. 2005. № 29.
- ⁸ Москве все равно, что будет с Нальчиком. Из интервью М.Мукожева // Версия. 2006. № 1.
- ⁹ Нахушев Р. Соберу всех “ваххабитов”, чтобы обсудить цели. Интервью ИА REGNUM. 2005. 14 апреля.
- ¹⁰ Интервью мэра Хасавюрта С-П.Умаханова. Черновик. 2005. Октябрь.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Перспективы гражданского общества в России

Владимир Черный,

доктор физико-математических наук,

Леван Есяян,

кандидат политических наук,

Константин Волков,

Фонд защиты конституционных прав

коренных малочисленных народов России

Формирование гражданского общества России является одной из важных задач успешного развития демократии. Гражданское общество как общественно-политическая конфигурация имеет своей целью обеспечение достойного существования его членов. Развитие гражданских свобод позволяет выпустить народный дух на волю и активизировать творчество членов общества, включая его важнейшие части – активную политическую жизнь, предпринимательство и малый бизнес.

Границы гражданского и политического сообществ не совпадают. С одной стороны для успешного развития гражданских инициатив государство законодательно и по существу должно обеспечить максимальную свободу в обществе, а с другой – власть, находясь в условиях глобализации международных экономических связей и активизации экстремизма и международного терроризма, должна обеспечить эффективную безопасность граждан и всей страны в целом. Власть должна обеспечить все условия для достижения корпорациями своего могущества, а интересы корпораций зачастую идут вразрез с интересами общества их страны.

Как показывает международный опыт, в таких ситуациях власть находится как бы между Сциллой и Харибдой. Для успешного развития демократии в стране недостаточно лишь создания политико-правовых демократических институтов, необходимо развитие социальных институтов и гражданской культуры, а обеспечивающей формирование гражданского общества. Эффективное взаимодействие гражданского общества и государства – основное условие гармоничного развития обоих. Но их отношения, как правило, далеки от идеала.

Фундаментом понятия демократической политической системы, как известно, считаются права человека, открытое общество (вклю-

чающее открытый рынок), гражданский контроль над вооруженными силами, а также наука и высокие технологии для обеспечения междуна-

родной безопасности и международного сотрудничества. Видно, что с одной стороны формула демократии достаточно четкая (с позиций эмпирического гуманитарного подхода), а с другой – данное определение можно отнести к известной теории размытых множеств, поскольку каждая составляющая понятия демократии не является стопроцентной определяющей.

Например, совершенно очевидно, что невозможно реализовать все права человека в конституционной законности, учесть нравственность политических лидеров в рефлексии принятия решений и т.д. Но в основе демократии должно лежать легитимное право, основанное на конституционной законности, отвечающее принципам справедливости, выработанным историей развития человеческой цивилизации.

Ясно также, что современная демократическая политическая система не является властью народа в древнегреческом смысле. Она достаточно сложная. Современная демократия предполагает антропологический подход, обеспечивающий для всех стран и всех членов мирового сообщества равные возможности развития. В ней должна быть заложена реализация всех возможностей государства и власти для обеспечения всеобщего процветания, а также отражены все возможности развития инициатив индивидов и через организации самоорганизующегося гражданского общества как на местном, так и международном уровнях.

Важной особенностью развития демократии является тот факт, что в ней воплощается синергетический подход, когда на основе реализации достигнутых свобод рождается новое решение. С другой стороны надо всегда помнить, что любое новое направление человеческой деятельности, становясь производительной силой об-

щества, обычно сначала обрастает всеми человеческими пороками.

Часто используемые перед термином “демократия” прилагательные типа “западная”, “нелиберальная”, “управляемая”, “суверенная”, “авторитарная” и т.д. лишь характеризуют пути, по которым каждая страна движется к наиболее полной реализации фундаментальных основ политической системы, называемой демократией, с учетом уровня цивилизационного развития, истории и культурно-бытовых особенностей. Введенный в обращение политической элитой России термин “*суверенная демократия*” характеризует то обстоятельство, что Россия строит свое государство и гражданское общество самостоятельно на основе принципов невмешательства в свои внутренние дела. И тут, прежде всего, западной политической элите надо помнить, что навязанные ценности всегда хранят комплекс унижения.

Необходимость прилагательного “суверенная” связана с тем, что экономические успехи России, особенно в области энергетических ресурсов, и инициативы власти по усилению позиций гражданского общества с помощью создания Общественной палаты, проведению гражданских форумов, а также нововведения по формированию губернаторской и муниципальной власти в последнее время многими на Западе начали трактоваться как возврат к авторитаризму.

Степень развития демократических свобод в странах, естественно, различная. Считается, что в Западной Европе и США демократических свобод больше, там власть обеспечила для беднейшей части населения минимальные экономические условия безбедного существования, а также политической, экономической и общественной

самореализации. По этой причине жители остального мира стремятся устроить свою жизнь на Западе. Но это не снимает проблем развития всего спектра демократических свобод на Западе, там население также выходит на демонстрации и выражает недовольство деятельностью правительств.

Современная демократия не является лишь западным проектом, она – продукт исторического развития человеческого общества, особенно во второй половине XX столетия, когда благодаря внедрению достижений науки и высоких технологий ВВП планеты вырос более чем на 500% и существенно изменились профессиональные и бытовые возможности. Постиндустриальная информационная революция, либерализация информации, финансов и технологий, а также Интернет, в сущности, сломали границы государств. Кардинально изменилась организационно-социальная структура общества. Знания, нематериальные активы и малый бизнес стали источником благ. Соответственно, началась перестройка международных отношений, стал зарождаться новый мировой порядок, где существенную роль играют гуманитарные аспекты.

Плюрализм демократии является основой развития гражданского общества. Деятельность гражданского общества препятствует монополизации власти в стране одной политической силой.

Государство должно обеспечить защиту достоинства и собственности граждан, безопасность личности и свободу совести, независимость личности от принуждения, соблюдение всех естественных прав. Государство должно обеспечивать законодательство, способствующее развитию гражданских инициатив, участию граждан в принятии администра-

тивных решений. В сложном обществе прямая демократия невозможна. Необходимо народное представительство в парламенте, нужна многопартийность с состязательностью политических доктрин.

Анализ взаимоотношений государства и гражданского общества имеет разные подходы.

Одни теории выделяют приоритеты экономического развития, другие – политического.

С позиций практики трудно отдать предпочтение какой-либо модели, тем более говорить о ее превосходстве. Общество выбирает такую модель демократического развития, которая в большей степени соответствует ее историческому опыту и традициям.

Сегодня невозможно разделение на государство, рынок и гражданское общество. Они взаимно дополняют друг друга и диалектически связаны единым социальным организмом. Успех демократических реформ и активность гражданского общества зависят от состояния национальной безопасности, реализующейся в деятельности президента, парламента, правительства и во внешней политике как ответ на проблемы, вызовы и угрозы государственным и общественным институтам.

В России идет постоянное совершенствование всей системы государственных институтов. Необходимо рассматривать проблему формирования гражданского общества России шире, с учетом становления многопартийности, изменения условий безопасности, новой политики в экономике и трансформации самосознания.

После окончания “холодной войны” прекратилась идеологическая конфронтация глобальных политических блоков. Сложилась новая обстановка внутри России и на меж-

дународной арене вокруг неё. Идеологическим императивом нового российского государства стало стремление к демократическому устройству. Необходимость демократизации требует кардинальной перестройки общественных отношений внутри России и совершенствования её международных отношений с учетом возрастающей активности негосударственных структур.

Доминантой многонационального демократического государства является гражданское общество, по своему устройству учитывающее существующую современную мировую практику и опирающееся на непротиворечивый отечественный опыт.

Проблема становления гражданского общества в своем решении не является однозначной. Необходимо развитие гражданских инициатив в их взаимосвязи с политическими, экономическими и социальными институтами государства, с учетом меняющейся политической ситуации в регионах, также взаимосвязи ситуации с деятельностью международного сообщества и всей системы международных отношений.

Важно также отметить, как проблема формирования гражданского общества описывалась общественными науками с позиций политической теории в исторической ретроспективе.

Политико-правовые представления о гражданине и гражданском обществе как форме совмещения индивидуальной добродетели и общественной справедливости находятся в трудах древних китайских и греческих мыслителей.

В Эпоху просвещения идеи гражданского общества находят смысл в удержании общества от распада, в обеспечении его материального и духовного роста. Посредством общественного договора люди переходят в гражданское состояние. Они не отказываются от своих прав в пользу госу-

дарства. Эгоистические интересы граждан гармонично сочетаются с общественными. Государство, отказываясь от традиционного семейно-родового устройства общества, создает новое качество – гражданское общество. Государство не является совокупностью индивидов, оно произрастает из гражданского общества. Правосудие выступает как инструмент реализации частных и общественных интересов.

В трудах классиков коммунизма социальная справедливость связывалась с отчуждением крупной частной собственности в пользу государства, а гражданское общество представлялось неприемлемой формой буржуазных отношений.

Современные исследователи отмечают зависимость развития гражданского общества от общественных институтов, от уровня развития правовой системы и демократических основ государства. Обнаруживается синергетическая способность гражданского общества к саморазвитию, саморегуляции и его возрастающая роль в укреплении государственности.

В условиях глобализации международных связей и активизации международного терроризма проблема формирования гражданского общества требует дальнейшего исследования, поскольку упомянутые явления требуют особого внимания к безопасности личности и к укреплению национальной безопасности государства.

В системе “гражданское общество-государство” конфликт интересов возникает между интересами группы, обладающей властью, и потребностями населения.

Противоречия выступают источником, побуждающим к изменениям в политической и социально-экономической жизни общества. Общество нуждается в построении стабильного демократического государства с организационно-социальными отношениями, защищенными правом и государством.

В демократическом государстве гражданское общество становится политическим субъектом, способным вступать с государством в отношения при решении общественно важных дел с помощью общественного договора. Гражданское общество не подменяет государство, государство является объектом его постоянного наблюдения и контроля, но оба подчинены праву.

Система гражданского общества представляет собой определенное качественное состояние общества в стране, интегрирующее частные и публичные интересы, характеризует определенный уровень развития общества.

Правовая регламентация гражданского общества облегчает его саморегулирование и способствует гармонизации интересов представляющих его ветвей.

С правовых позиций, "гражданское общество представляет систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые обеспечивают условия реализации частных интересов и потребностей индивидов и коллективов для жизнедеятельности социальной, культурной и духовной сфер...

Гражданское общество отождествляется в целом со сферой частных интересов и потребностей".

В процессе эволюционного развития общества, государства и системы международных отношений идея свободы приобрела современный вид и органично слилась с идеей гражданского общества.

Подготовка и проведение Гражданского форума 2001 г. показали, что на общественно-политической арене России наблюдается большое число некоммерческих неправительственных организаций (около 3,5 млн. активистов) с прагматичными целя-

ми, которые не удовлетворены состоянием демократических преобразований. Они дистанцируются от политических партий. Их политическая активность вылилась в подписание в 2002 г. Пермской гражданской декларации, которая определяет принципы взаимодействия институтов гражданского общества на основе конструктивного диалога с властью, внедрения в общественную практику технологий гражданских переговоров, гражданской экспертизы и гражданского контроля.

В России активно развивается публичная политика – это такая политика, когда программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации вырабатываются на основе и с учетом ожиданий социальных групп общества через их представителей.

По инициативе патриотической оппозиции в лице "Народного правительства России" в 2005 г. на всенародное обсуждение вынесен "Новый курс развития России". Главной задачей предстоящего пятилетия считается отказ от неудачной социально-экономической политики и переход к ускоренному развитию России.

Начала работать Общественная палата, чтобы на основе сохранения самобытности традиционных укладов и культур народов России защищать достигнутые цивилизационные ценности, поддерживать возрождающиеся и формирующиеся институты подлинного самоуправления.

При Президенте России создан Совет по содействию развитию инициатив институтов гражданского общества и правам человека. "Большая восьмерка" активно обсуждала в 2006 г. насущные проблемы с представителями гражданского общества России.

Но общепризнанным является тот факт, что поскольку именно материальные принципы лежат в основе идеологии открытого общества, апелляция к сознанию граждан, к их личной гражданской ответственности должна быть подкреплена экономической мотивацией цивилизованного государства.

Развитие многопартийности в России, несомненно, является завоеванием демократии и связано с положением гражданского общества. Социально-гуманитарная функция партий должна быть ведущей. Поскольку во власти наблюдается сочетание элементов демократии и авторитаризма, партии недостаточно влияют на принятие государственных решений. А региональные партии создавались как опоры местной власти или бизнес-групп. При наличии партии-доминанты в системе многопартийности создаются трудности для остальных, особенно малых, партий.

С другой стороны пестрота политического спектра России осложняет позиционирование партий в системе координат, ослабляет участие граждан в политическом процессе. Отмечается конвергенция партийных программ и утрата идеологической определенности.

Политика партий приобретает **черты сферы политических услуг**, что напоминает *процесс формирования политических рынков*. Политическое поведение становится функцией, зависящей от стратегии материальной выгоды и частных мотивов. Присутствует неформальное согласовывание корпоративных и клановых интересов с элементами коррупции и лоббизма. В региональных парламентах партии не играют значительной роли. Введение нового закона о партиях хотя и ослабляет доминирующие позиции региональных властей, но усиливает региональную вертикаль партии федерального уровня.

В многопартийной системе России просматриваются признаки признанного элитой и осознанного об-

ществом политического центризма. В то же время управление демократическими преобразованиями через политический центризм в определенной мере оберегает общество от политического радикализма, снижает уровень конфликтности, уменьшает социальные, политические и экономические риски. Но система многопартийности пока не служит полноценным легитимным средством идейно-политической консолидации общества. Система не является посредником между обществом и властью.

По данным опроса общественного мнения деятельность политических партий пользуется доверием лишь у 3–5% членов общества.

Пока партии являются лишь формально институциональными выразителями воли различных социальных сил.

Развитие малого бизнеса является ключевым моментом в реализации идеи гражданского общества. Он способствует развитию свободного творчества граждан, позволяет повысить их личную ответственность перед обществом. Государство, обеспечивая легитимные условия для малого бизнеса и защищая его от криминала, дает гражданину экономические рычаги для самостоятельного управления своими доходами, ликвидируя зависимость гражданина от бюджетного финансирования.

Вокруг проблемы развития малого бизнеса в России идут наиболее серьезные дебаты. На уровне руководства регионами и муниципалитетами наблюдается сопротивление становлению малого бизнеса. Это тормозит развитие гражданского общества.

Одна из серьезных проблем сегодняшней России – это утечка мозгов. Именно мозги, а не скудеющие залежи сырья, составляют в XXI в. основу конкурентоспособности страны на мировой арене. Создание условий развития малого бизнеса в науке и высоких технологиях, включая его выход на международный рынок, способно остановить утечку мозгов.

Для всех форм российского бизнеса “крышей” на международной арене может быть только пользующееся авторитетом сильное российское государство, обладающее военным могуществом. Это, в первую очередь, связано с тем, что в табели о рангах на международных биржах, определяющих финансовое могущество корпораций в современной экономике, российские корпорации занимают скромное место.

Чтобы в экономике было движение, необходимо развитие всех форм бизнеса. Тогда возрастает социальная ответственность бизнеса, он будет откликаться на запросы гражданского общества и вкладываться в социальные программы. На первом этапе вклад малых предприятий не будет большим, но он уменьшит безработицу, насытит рынок услугами и потребительскими товарами.

Характер труда и его организация являются важным индикатором развития цивилизации. Это специфически отражается в национальном самосознании, влияет на формирование гражданского общества, общественного менталитета и политического самосознания. Особенно и закономерно взаимодействия членов общества проявляются в организованной социальности – общественной среде особого рода, тесно связанной с бытием и культу-

рой общества, определяющей соответствующий уровень развития конкретной цивилизации.

Главным компонентом социальных прав является безопасность человека – составная часть национальной безопасности. На этапе демократического реформирования всей системы политических, социально-экономических, региональных и международных отношений России особенно остро стоит вопрос определения государственного курса, который должен проводить федеральный Центр по обеспечению безопасности страны и ее устойчивого развития. Проблемы взаимосвязанности безопасности и устойчивого развития являются приоритетными в политике, это взаимообусловленные стороны жизнедеятельности общества.

Конфигурация региональной безопасности, связанная с геополитическими вопросами стратегической стабильности и военно-политическими проблемами, имеет огромное значение для устойчивого развития стран и народов. Неравномерность действия факторов региональной консолидации может привести к размыванию четких границ регионов. Зачастую под действием процессов глобализации международная деятельность государств входит в противоречие с насущными потребностями развития регионов.

Президент В. Путин разумно использовал международную ситуацию, сложившуюся после 11 сентября 2001 г.

Стратегия региональной и международной безопасности России коренным образом изменилась. Предполагается, что в первую очередь целесообразно отвечать лишь на непосредственные и прямые угрозы – терроризм, сепаратизм, вооруженные конфликты и незащищенные

границы. Более абстрактные угрозы в области отношений с Западом были обозначены как проблемы, а не угрозы. Над ними надо работать, учитывать возможности страны и быть готовым к разумным компромиссам. В тоже время, Россия должна реагировать на все вызовы и в любой проблеме видеть вызов для себя.

Акцент делается не на роль России как самостоятельного центра силы, а на интеграцию России, как полноправного члена мирового сообщества. Важными являются не качественные философско-политические характеристики однополярности и многополярности, а глобальная конкуренция за рынки и инвестиции, борьба за экономическое влияние.

Главная угроза России – это ее изоляция.

Россия стремится к стратегической стабильности на региональном и международном уровне через развитие партнерских отношений там, где это возможно. Во внешней политике Россия реализует формулу "безопасность через сотрудничество".

Степень свободы маневра определяется экономическими возможностями России, силой ее олигархов и давлением со стороны других стран. Президент "разобрался" с проблемой влияния олигархов на власть. Россия сумела сосредоточить экономические резервы для кризисного управления.

Россия находится в процессе формирования своей идентичности. Национальные интересы определяются большим количеством субъектов в государстве.

Согласование интересов граждан и социальных групп на общенациональном уровне требует времени, зависит от взаимного уважения и доброжелательности, становления общей и политической культуры гражданского общества, его самосознания.

Система самоидентификации требует преемственности национальной памяти об историческом месте России и её роли в развитии современного мирового сообщества.

В реформах России гражданин пока не занял подобающего ему места. Созидательным фактором возрождения России, ее гражданского общества является возвышение гражданина через законодательное укрепление его чести и достоинства.

Странам нужна предсказуемая Россия, стабилизирующая ситуацию в регионе на местном и международном уровне. Этот факт является фундаментом безопасности для развития гражданского общества в России.

С позиций политического реализма необходимо в первую очередь бороться с угрозами, уделять внимание силовым компонентам международных отношений и отстаивать национальные интересы по всем направлениям взаимодействий. Региональное сотрудничество на международном уровне должно строиться на поиске компромиссов и партнерстве для укрепления национальной безопасности.

В условиях глобализации наблюдается процесс ослабления и разложения социальных институтов, возникает угроза осознанию идентичности, что приводит к конфликтам. Массовый отход от большой политики к узким проблемам повседневной жизни мешает выкристаллизовываться моделям коллективных действий, соответствующих глобальной сети зависимостей. На этом фоне должны изучаться как логика, так и нелогичность современных проблем идентичности и действия, которые вызываются ими в жизни.

Гражданская позиция просвещенного россиянина является надежным инструментом идеологического противодействия агрессивному эгоизму и защиты гражданского общества от проявлений религиозного, национального, политического и других форм экстремизма, противодействует активизации международного терроризма.

Во внутренней коллективной национальной идентичности Россия по-прежнему остается евразийской страной. Сдвиг национального самосознания в сторону Запада будет зависеть от успеха всего спектра федеральных, региональных и муниципальных реформ социально-экономического развития общества, воплощенных в реализации конституционной законности.

Изменяющаяся реальность должна консолидировать интересы российского общества и с помощью обеспеченной безопасности личности и государства, а также разумной внешней политики и дипломатии достойно вписаться в современное сложное мировое пространство международных отношений, открытое для прогрессивных творческих инициатив российского гражданского общества и его членов.

**Подписка на 2007 г.
на журнал «Обозреватель – Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Национальные особенности отношения к инновациям

Эвтаназия, реэкспорт или “третий” вариант

Борис Паршивцев

Сегодня в России “инновации” точно так же на слуху, как и “национальные проекты”. Создается впечатление, что эти два понятия неразрывно связаны между собой и одинаково являются предметом самого пристального внимания и заботы со стороны как Президента, так и Правительства страны.

Национальные проекты по здравоохранению, жилищному строительству и сельскому хозяйству по своей природе таковы, что они не только на слуху, но и на виду общества. Поэтому россиянам нетрудно будет судить, с каким успехом или неуспехом идет реализация этих проектов.

Совсем по другому обстоит дело с российскими инновациями, так как прогресс в их разработке и внедрении не столь заметен для стороннего наблюдателя, пока не будет достигнута рыночная стадия реализации.

Хотелось бы набраться самых радужных надежд, особенно вспоминая богатейший российский опыт открытий и изобретений. Однако именно анализ прошлой истории, а иной истории и не бывает, наводит на пессимистические мысли о будущем современных российских инноваций.

Исторический опыт российских инноваций

Автор затрудняется назвать страну, где человек впервые изобрел колесо или, на первых порах, примитивный каток, однако можно смело утверждать, что, начиная с волокуши, Россия к редкому изобретению человечества не имеет отношения в качестве, если не первой, то вновь обретенной родины. На эту тему имеется множество самых разных исследований и примеров от серьезных до чисто анекдотических, приписываемых Петру Первому.

Несмотря на привлекательность юмора анекдотических случаев, ограничимся в рамках настоящей пуб-

ликация чисто хрестоматийными примерами, безусловно известными любому из уважаемых читателей.

Современная техническая цивилизация многим обязана изобретению **паровой машины**, которое одни приписывают Дж.Уатту, другие И.И.Ползунову. Во всяком случае, Россия стояла по другую сторону колыбели этого технического чуда.

Паровая машина нашла широчайшее применение, однако на рынке безусловным лидером, причем даже в самой России, стала продукция Запада, а не российских заводов.

Не менее ярким примером является изобретение паровоза, благодаря которому в обход большинства стран вошли же-

лезные дороги, ставшие важнейшими жизненными артериями этих стран.

Можно спорить, кому бы следовало отдать пальму первенства в этом великом изобретении, американцу Дж.Стефенсону или русским мастеровым отцу и сыну Е.А. и М.Е.Черепановым.

Однако бесспорно, что паровозы российского производства отнюдь не стали заметными игроками мирового рынка паровозов, только со временем вытесненных другими типами локомотивов: тепловозами и электровозами.

Много лет спорили, кто изобрел **радио**, совершившее революционный переворот в области средств связи и впоследствии проторившее дорогу телевидению.

Одни приписывают изобретение русскому А.С.Попову, другие считают, что это сделал итальянец Г.Маркони.

Как бы то ни было, но сегодня мы слушаем новости и любимые мелодии из радиоприемников, никакого отношения не имеющих к продукции российских радиозаводов, не говоря уже о мобильных телефонах сотовых систем связи.

Если вернуться от средств связи к транспортным средствам, то трудно пройти мимо **изобретения самолета**.

Человечество много лет завидовало птицам и, наконец, благодаря то ли американским братьям О. и У.Райт, то ли русскому офицеру А.Ф.Можайскому, эта мечта стала явью.

Приходится с сожалением констатировать, что потомки российских сограждан Можайского пересаживаются из российских "Илов" и "Тушек" в американские "Боинги" и западноевропейские "Аэробусы".

Хорошо, хоть военные летчики России пока летают на "МиГы" и "Су". Правда, всего лишь считанные часы в году из-за нехватки самолетов и топлива.

Можно найти подходящие примеры и в более поздней истории научно-технического прогресса.

Всем известны роль и значение **кибернетики** в современном мире, а многие знают, что американский ученый-математик Н.Винер считается "отцом" кибернетики.

Будучи человеком щепетильным, как многие истинные ученые, Н.Винер не устал повторять, что не меньший вклад в создание кибернетики внес выдающийся советский математик А.Н. Колмогоров. Драматизм положения А.Н. Колмогорова, писавшего свои основополагающие труды по кибернетике, состоял в том, что в Советском Союзе как раз был период гонений на кибернетику как "лженауку" и поэтому он долго вынужден был избегать даже самого слова "кибернетика", называя свои труды классическим **"К вопросу о...!"**

Сегодня мы в России пожинаем практические плоды кибернетики, произросшие отнюдь не на российской почве.

Сравнительно недавно самой престижной Нобелевской премии удостоен действительный член Российской академии Ж.И.Алферов. Как известно, Нобелевской премией нередко награждают через много лет после сделанного открытия, когда налицо его практическая польза для человечества.

Открытие Ж.И.Алферова сделало возможным перевести всю современную электронику на **микрочипы**. Как и следовало ожидать, оно было внедрено на заводах Запада и Японии, за продукцию которых соотечественники академика Ж.Алферова ежегодно вкладывают миллиарды условных денежных единиц, не рекомендованных к публичному упоминанию другим не менее уважаемым российским академиком Е.П.Велиховым.

К сожалению, вышеперечисленные красноречивые примеры носят далеко не исчерпывающий характер. Его можно было бы еще долго выстраивать, обращаясь ко многим другим выдающимся достижениям российских умов.

Однако **главная тенденция уже четко вырисовывается: многие российские открытия находят истинное признание и внедрение за рубежом, откуда к нам возвращаются уже в**

виде готовой продукции. Расплачиваясь за нее отечественной полновесной монетой, мы поддерживаем, хотим того или нет, чужую экономику, способствуя удешевлению своей российской экономики.

Эта главная тенденция истории российских инноваций наводит, поневоле, на ряд размышлений, касающихся, если прибегнуть к названию полюбившегося многим нашего фильма, некоторых национальных особенностей, но, в данном случае, не охоты или рыбалки, а отношения к техническим инновациям в России.

Прежде всего, Россия, будучи, в отличие от США, страной общинного и, скорее консервативного типа, тем не менее, стала, как и США, родиной многих великих изобретений и открытий. Однако в отличие от тех же США она только в очень редких случаях смогла дать благодатную почву для широкого практического использования своих инноваций. Имеющие иногда место исключения обусловлены, чаще всего, военно-прикладным значением соответствующих изобретений и открытий для России.

В качестве иллюстраций таких исключений можно назвать ракетную технику, военную авиацию, атомные подводные лодки и ядерное оружие.

Пример ядерного оружия наиболее показателен. Совсем немного лет прошло между первыми открытиями советских и зарубежных ученых в области деления и слияния ядра атома и созданием советского ядерного (и термоядерного) оружия.

Руководитель советской ядерной программы академик И.В.Курчатов познакомился с профессором Н.А.Доллежалем (впоследствии также академиком, дважды Героем Социалистического Труда) в январе 1946 г., чтобы поставить перед ним задачу о создании так называемого атомного “котла”.

Уже через два с половиной года (к августу 1949 г.) был спроектирован, построен и пущен первый советский промышленный ядерный реактор, на нем наработана атомная “взрывчатка”, сконструирована, изготовлена и испытана первая советская атомная бомба.

С тех пор Советский Союз, а позднее Россия выдерживает четкий паритет с США в области атомного и водородного оружия.

Этого совсем не скажешь о мирном использовании энергии деления ядра, хотя именно в Советском Союзе была сооружена первая в мире атомная электростанция (АЭС).

На сегодня США опережают Россию по суммарной мощности своих АЭС в 4,5 раза, мощность французских АЭС в 3 раза выше российских, Япония обогнала Россию более чем в 2 раза.

И это при том, что Францию и Японию, в отличие от России или США, к пионерам атомной энергетики трудно отнести.

Подтверждается мысль, что в тех немногих случаях, когда российские открытия и изобретения находили реальное применение на своей “исторической” родине, основным стимулом для этого служило их применение в военно-технической области. Обычно же Россия довольствовалась, как правило, ролью пионера или первооткрывателя, тогда как есть другие страны, которые преуспевают в реализации иностранных открытий и изобретений. К таковым можно отнести Японию, Францию, Корею и т.п.

Невольно приходит в голову мысль о национальных особенностях отношения различных стран к инновациям.

Есть страны, в которых инновации рождаются часто и в них же находят широкое применение с завоеванием внутреннего и внешнего рынков.

Ярким примером такой нации, счастливо совмещающей активную способность к пионерским достижениям с их активным внедрением, являются американцы. В других странах генерируют меньше инноваций, но зато весьма успешно внедряют и чужие инновации, как это уже отмечено выше применительно к атомной энергетике Японии и Франции.

Если упрощенно, есть государства-“универсалы” (генерирование и внедрение своих и чужих инноваций), государства-“реализаторы” (качественное внедрение преимущественно чужих инноваций) и даже государства-“тиражировщики” (менее качественная, но широкомасштабная дешевая реализация чужих инноваций). К числу последних можно отнести прежде всего Китай.

Что же касается России (она же и Советский Союз), то для нее до сих

пор было характерно своеобразное отношение к инновациям. Россия активно генерирует инновации, но их внедрение оставляет на долю других стран, то есть является страной-“генератором”.

От этой роли Россия отходит в очень редких случаях, связанных, как правило, с наличием военно-прикладной составляющей в той или иной инновации.

Имеются ли надежды или основания полагать, что Россия в обозримом будущем перейдет, наконец-то, в категорию куда более преуспевающих стран-“универсалов” типа США, где генерирование инноваций сопровождается их успешной реализацией?

Для ответа на этот вопрос попробуем рассмотреть особенности современного отношения к инновациям в России.

Современное отношение к инновациям в России

На первый взгляд, российское государство, наконец-то, озаботилось проблемой разработки и внедрения инноваций.

В ряду инноваций, претендующих на статус национального проекта, называют нанотехнологии, биотехнологии, суперкомпьютеры и т.п. Каждая из них весьма привлекательна, открывает безбрежные перспективы и поддерживается своей командой талантливых разработчиков мирового класса. Казалось бы, осталось благословить эти команды на государственном уровне, обеспечить необходимыми ресурсами и спокойно дожидаться закономерного успеха инноваций как на внутреннем, так и внешнем рынках.

Между тем, современная ситуация с инновациями в России дале-

ко не столь безоблачна и оптимистична.

Для примера рассмотрим всем известный **международный проект по созданию термоядерного энергетического реактора (ИТЭР)**. Первый призыв к международному сотрудничеству в области мирного использования энергии термоядерного синтеза прозвучал более полувека назад еще в историческом выступлении И.В. Курчатова на международной конференции в Женеве. Прошло много лет, пока международное сообщество не приступило к реализации этого призыва.

Благодаря усилиям академика Е.П.Велихова и его команды, за основу разработки ИТЭР был выбран отечественный токамак. Россия с самого начала играла большую роль в

этом международном проекте. Со временем встал вопрос о выборе площадки для сооружения в рамках ИТЭР первого в мире термоядерного реактора.

Международная рабочая экспертная группа пришла к выводу, что самой оптимальной площадкой является г.Сосновый Бор, расположенный недалеко от Санкт-Петербурга. От столь заманчивого предложения Россия отказалась, поскольку вклад страны-хозяйки должен быть заметно выше взноса остальных участников. После ожесточенной борьбы был выбран французский Кадараш, соответственно на долю Франции придется немалые преимущества при реализации конечного продукта.

Россия сэкономилла, если этот отказ вообще можно считать экономией, меньше половины состояния любого из наших ведущих олигархов. К тому же, от России требовалась не злополучная твердая валюта на эту сумму, а эквивалентный вклад в виде материальных и трудовых ресурсов. Это означало бы дополнительные заказы для нашей все еще слабо загруженной промышленности и науки. Теперь же заказы достанутся французам, повышая их благосостояние и технологический уровень.

Другим примером могут послужить **инновационные ядерные энерготехнологии**, роль и значение которых резко возросли в условиях надвигающегося энергетического кризиса.

Как известно, в нашей стране рост потребления электроэнергии оказался намного выше планового показателя, а увеличение суммарной мощности электростанций заметно отстает от плана. Впереди маячит “крест Чубайса”, то есть может наступить момент, когда кривая потребности в электричестве и кривая

суммарной мощности электростанций пересекутся, после чего в нашу жизнь могут прочно войти веерные отключения электричества, каскадные “обвалы” энергосистем и прочие сбои энергоснабжения.

Во избежание кризиса необходимо форсированно сооружать новые электростанции. На первый взгляд, наиболее привлекательны парогазовые установки, однако в силу целого ряда причин, прежде всего экономических и экологических, представляется не совсем разумным садиться на “газовую иглу”, особенно в условиях, когда российскому газу нетрудно найти более достойное применение, чем сжигание в топке электростанции. Единственной приемлемой альтернативой парогазовым установкам представляются атомные электростанции.

В понимании этого Президент России дал соответствующие указания Правительству о разработке и принятии соответствующих федеральных целевых программ. Часть таких программ уже прошла утверждение, другие находятся в стадии разработки и обсуждения. Казалось бы, пробил час инновационных ядерных энерготехнологий, которым предстоит в будущем принять эстафету от реакторных установок сегодняшних атомных электростанций.

Однако радость большинства разработчиков инновационных ядерных энерготехнологий оказалась преждевременной.

В федеральных программах реально гарантированное финансирование было выделено только непосредственно на сооружение атомных энергоблоков по проектам, хоть и неплохим, но называть их инновационными можно было бы только с

большой натяжкой. На разработку же действительно инновационных ядерных энерготехнологий эти целевые программы предусматривают финансирование только из небюджетных, так называемых “иных” источников, вероятность получения которых (как, по крайней мере, было до настоящего времени) невелика.

Такое странное решение экономический блок Правительства РФ объясняет нехваткой денег у государства, причем это судьба не только ядерных энерготехнологий, но и подавляющего большинства других российских инноваций.

Говорят, неприлично считать деньги в чужом кармане, но для российских налогоплательщиков государственный бюджет вовсе не чужой. И все взрослые россияне давно наслышаны об астрономических суммах государственных денег хотя бы в Стабилизационном и Пенсионном фондах. Понятно, что с целью предотвращения инфляции экономический блок российского Правительства создает искусственный дефицит финансов, в том числе для разработки большинства российских инноваций.

Эвтаназия, реэкспорт или “третий” вариант

Итак, рассмотрим первый вариант, то есть эвтаназию*.

Тут необходимы, как минимум, три условия: наличие безнадежного смертельно больного пациента, просьба самого пациента или родных о прекращении его мучений путем ухода из жизни и согласие врачей удовлетворить эту просьбу.

В этих условиях происходит подмена реальной конкуренции состязанием лоббистских потенциалов соперничающих направлений и команд-разработчиков. Внутри каждого из направлений разработки вовлекаются в порочную практику выискивания изъянов в конкурирующем проекте вместо совершенствования своего собственного. При этом далеко не всегда побеждает сильнейший проект.

В борьбе между направлениями можно потерять еще больше.

Например, как выбирать между нанотехнологией, биотехнологией или суперкомпьютером, если инновации в любом из этих направлений жизненно важны для России. Слава Богу, они имеют военно-прикладную составляющую и необходимы для технологической безопасности, что дает им какой-то шанс не сгинуть совсем бесследно.

Какие же варианты развития событий уготованы для российских инноваций в условиях этого искусственного дефицита денег?

Представляются возможными три варианта.

Наши российские инновации меньше всего напоминают безнадежного смертельно больного пациента. Полные энтузиазма разработчики и будущие потребители инноваций тоже никак не подходят для роли отчаявшихся родных такого пациента. Остаются только “врачи” (экономический блок Правительства РФ),

* Под эвтаназией подразумевается содействия врачей добровольному уходу безнадежного смертельно больного пациента из жизни

умерщвляющие вполне жизнеспособного пациента без согласия пациента и его родных. Единственный элемент “добровольности” заключается в том, что различным командам-разработчикам дается право взаимного удушения любыми средствами, в том числе лоббированием и т.п.

Таким образом, первый вариант на эвтаназию не тянет, скорее, имеет место убийство со стороны “врачей”, причем из непонятных нормального россиянину побуждений. Этот вариант и в прошлом часто становился судьбой многих российских инноваций. Похоже, он еще долго будет причиной технологического отставания России от таких стран, как США, Япония, Германия и т.п.

Обратимся ко *второму варианту*, при котором российские инновации, не найдя признания в своем Отечестве, реализуются в других странах, откуда возвращаются в Россию уже в виде готовой продукции, на приобретение которой уходит немалая доля государственного бюджета России и семейных бюджетов россиян. За примерами далеко ходить не надо. Можно назвать радио-телевизионные приемники, мобильные телефоны, вспомнить, что термоядерный реактор придет к нам уже из Франции.

Строго говоря, такое развитие событий не совсем правильно называть *реэкспортом*.

Слово реэкспорт вошло в наш обиход с советскими “Жигулями” и “Волгами”, которые наши соотечественники приобретали за рубежом. Такие машины, предназначенные для экспорта, отличались более высоким качеством изготовления и были предметом вожделения многих отечественных автолюбителей.

На этом примере нетрудно видеть, что реэкспорт готовой российской продукции был и остается явлением, полезным или хотя бы безобидным для нашей экономики.

Когда же предметом реэкспорта становятся российские инновации, то наша страна и ее граждане кормят, образно говоря, чужую армию. Такой реэкспорт безусловно убыточен для российской экономики, но представляется наиболее вероятной судьбой многих наших инноваций.

И, наконец, *третий вариант*, который может показаться абсурдным, но никак не более, абсурдным, чем искусственный дефицит денег в нашей стране, установленный экономическим блоком Правительства.

Действительно, руководящие экономисты и финансисты России закладывают не трогать Стабилизационный фонд, чтобы, не дай Бог, не вызвать повышение инфляции. Закономерно задаться вопросом, а почему не приведут к той же инфляции иностранные инвестиции, ради привлечения которых образно говоря, “русского медведя” заставляют ходить на задних лапах, кланяться в пояс каждому заморскому дельцу и т.п. Если же Стабилизационный фонд держат на черный день, то почему бы его не вкладывать в заведомо выгодные зарубежные проекты, хотя бы кредитовать из него строительство российских атомных электростанций в других странах. Ведь проценты в иностранных банках, где лежат деньги нашего Стабилизационного фонда, только частично компенсируют российскую инфляцию.

Тем не менее, если условно согласиться с инфляционными страхами экономического блока Правительства РФ и посему никак не посягать

на Стабилизационный фонд, то просто напрашивается “третий” вариант, который с этой логикой согласуется, несмотря на свою, как уже отмечалось, абсурдность.

Надо выбрать какую-нибудь развитую страну, например, вполне лояльную нам Францию. Пусть простят нас ни в чем не повинные французы, но мы перенесем на плечи их экономики груз наших инфляционных рисков, связанных с разработкой и реализацией российских инноваций.

Для примера выберем любую из наших инновационных ядерных энерготехнологий. Всю команду разработчиков вместе с семьями командировем за российский счет на годы во Францию, значит они будут тратить свои деньги там и поднимать уровень французской инфляции. Снимаем жилье, арендуем во Франции необходимые офисы, экспериментальные стенды и т.п. Оплата всего этого из нашего Стабилизационного фонда подстегивает опять-таки инфляцию не в России, а во Франции.

По завершении “бумажной части” проекта возвращаем своих разработчиков на Родину. Далее за деньги Стабилизационного фонда приступаем к изготовлению оборудования и сооружению атомной электростанции с инновационным ядерным реактором, причем нанимаем для всего этого французов. Последних приглашаем в Россию без членов их семей, чтобы заработки

уходили во Францию и подрывали ее уже и без того пострадавшую от нас экономику.

В результате реализации “третьего” варианта убиваем, как минимум, двух зайцев:

Во-первых, за деньги Стабилизационного фонда получили инновационный готовый продукт в виде АЭС и при этом избежали всплеска инфляции, которого так опасался экономический блок российского правительства.

Во-вторых, мы попутно “раскрутили” инфляцию во Франции. Последнюю, конечно, немного жалко, дружим, ведь, со времен интервенции Атланты, то есть более 80 лет.

Так, ничто не мешает реализовать наш “третий” вариант в США, Японии, Германии. С одними у нас “холодная” война, с другими – до сих пор не подписан мирный договор, можно считать, что война еще не кончилась.

Главное, что результаты “третьего” варианта при выборе другой страны будут столь же успешными, как и в случае Франции, была бы только это развитая страна.

Какая-нибудь Замбия или Экваториальная Гвинея, конечно, не подойдет.

Как нетрудно видеть, “третий” вариант серьезен и реалистичен ровно настолько же, насколько оправданы инфляционные страхи экономического блока Правительства РФ по поводу использования денег Стабилизационного фонда.

А если, все-таки, серьезно?

Прибегая к слову “серьезно”, автор не претендует на конкретное решение рассматриваемой проблемы, а всего лишь заявляет о том, что уже

не ёрничает, а пытается быть серьезным.

Российские инновации представляют не меньшее богатство России,

чем ее нефть или газ, но отдавать их другим странам не в виде готового высокотехнологичного продукта еще более неразумно, чем торговать сырой нефтью, а затем втридорога покупать продукцию зарубежных нефтехимических заводов, изготовленную из этой нефти.

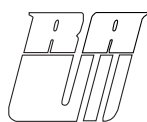
Необходимо все российские инновации доводить “до финиша” именно в самой России, тогда многократно окупятся все вложенные затраты. Однако всерьез надеяться на то, что вкладываться в инновации будет частный бизнес не приходится, так как редкий бизнесмен рискнет вложить огромные деньги на длительный срок, а именно этого требуют многие современные инновационные проекты. Добавьте сюда еще быстро и хаотично меняющееся российское законодательство о собственности и специфическое для нашего менталитета отношение к чужому богатству. Дееспособный российский олигарх на это не пойдет, западных миллиардеров на “длинные деньги” тоже не заманишь с нашей для них политической непредсказуемостью. Немногим больше надежд на веяние последних лет, а именно на так называемое государственно-частное парт-

нерство. Однако заметных успехов на этом поприще тоже пока не наблюдается.

Так, что же, все-таки, делать для эффективной реализации российских инноваций, предотвращая их эвтаназию или эмиграцию?

Разумным представляется полномасштабное и своевременное финансирование наших инноваций за государственный счет, будь то Стабилизационный фонд, Пенсионный фонд, прямая “строчка” в госбюджете или еще что-нибудь другое. Только государству “по плечу” масштабы финансирования, сроки реализации проекта и возможные риски.

Государство получит возможность с прибылью окупить все свои затраты, когда оно начнет торговать конечным результатом инновационной разработки, так как на готовую продукцию покупатель находится всегда. Для аналогии можно обратиться к современному рынку жилья, где всё охотнее покупают квартиры в готовых домах даже за более высокие цены и почти перестали брать квартиры с “нулевого цикла”, чтобы не стать жертвой неудачливых или мошенничающих строительных фирм.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Становление и развитие президентской власти в России

Мария Васильева

Конец 90-х годов, ознаменовав распад Советского Союза, стал поворотным этапом в жизни мирового сообщества. Закончилось полувекое биполярное противостояние СССР и США. В годы “перестройки” и “реформ” был сформирован и закреплён “образ” России как второстепенного, экономически и политически ущербного государства, своеобразной “ошибки истории”, исправить которую невозможно без перехода к “общечеловеческим ценностям” и “рыночной демократии”, характерных для Запада.

Однако переход России к демократии несколько затянулся. В качестве одной из причин этого многие западные эксперты выделяют роль общественных институтов, и в первую очередь влияние института президента.

В качестве одной из наиболее удачных попыток организации президентской власти отмечается опыт государственного строительства США. Считается, что существующая в США модель президентства “в законченном виде осталась явно специфической и в своём полном объёме она воплотилась только в США, хотя многие её элементы были заимствованы системами других стран”¹.

Видный американский историк-либерал А.Шлезингер отмечает: “На протяжении всей американской истории сильная президентская власть приводила всю систему в движение. Президент, по замечанию Президента США (1913–1921 гг.) Вудро Вильсона, «единственный, кто выражает мнение нации», а институт президентства – «мотор всей системы»”².

Специфика политической культуры в США такова, что американцы

не рассматривают своего Президента как всемогущего “отца нации”, отвечающего за все, что в ней происходит. В Конституции США Президент рассматривается как глава федеральной исполнительной власти, который должен быть ведущим общенациональным политическим лидером, проявлять инициативу в осуществлении государственной политики и обеспечивать эффективное руководство правительством³.

Конституция США наделяет президентскую власть ограниченными полномочиями. А.Шлезингер писал, что американская Конституция допускает сильную президентскую власть лишь в рамках действенной системы контроля.

Президент США представляет собой, так сказать, материализованный консенсус элит, сочетая качества и лидера, и чиновника. Его реальная власть определяется не

просто формальными полномочиями, а способностью убеждать, добиваясь элитного консенсуса.

Р.Нойштадт констатирует относительную слабость президентской власти, одним из основных инструментов которой в условиях США является сила убеждения: "автономность институтов и разделение властей задают условия, в которых президент вынужден убеждать"⁴.

В целом обращение к истории становления и развития института президентства в США и западноевропейских странах, например, во Франции, позволяет проникнуть в глубину споров, разгоревшихся в период обсуждения и принятия Конституции РФ 1993 г.

Статус Президента РФ не похож ни на статус Президента США, ни на статус Президента Франции, в то же время нельзя уйти от мысли, что при проектировании статуса Президента РФ не был в полной мере учтен опыт тех же США или Франции.

Институт президентства был введен в России в 1991 г. Полномочия президента регламентированы Конституцией 1993 г.

Она предусматривает прямые всеобщие выборы Президента, референдумы по Конституции и др⁵. В соответствии со ст. 80 Конституции Президент РФ избирается непосредственно населением по двухтуровой системе большинством голосов "на основе всеобщего прямого избирательного права при тайном голосовании"⁶.

Конституция США, декларируя всеобщее избирательное право, не предполагает проведения прямых всеобщих выборов, оставляя такие механизмы в компетенции штатов (ст. II, разд. 1; поправка XII Конституции США).

Во Франции Президент избирается населением по мажоритарной системе абсолютным большинством (разд. II, ст. 7 Конституции Франции)⁷.

Выборы проходят через систему выборщиков) по однотуровой системе относительного большинства (ст. II, разд. 1 Конституции США).

Как и в государствах французского типа, "Президент Российской Федерации является главой государства" (ст. 80 Конституции РФ), но не главой правительства.

В США Президент является главой не только государства, но и правительства (ст. II Конституции США).

Президент РФ назначает (с согласия нижней палаты парламента) Председателя Правительства, а также – уже самостоятельно – всех остальных министров и может в любой момент отправить правительство в отставку (ст. 83 Конституции РФ).

Президент США назначает членов правительства при условии утверждения их в Конгрессе; не имеет права распускать высший законодательный орган, который, в свою очередь, не вправе выразить недоверие правительству (ст. II, разд. 2,3 Конституции США).

Во Франции Президент по итогам парламентских выборов назначает премьер-министра и по представлению последнего – остальных членов правительства, а также имеет право распускать нижнюю палату парламента и назначать новые выборы (разд. II, ст. 8, 12 Конституции Франции). В течение года с момента парламентских выборов и в период осуществления президентом чрезвычайных полномочий роспуск законодательного органа невозможен (ст. 16 Конституции Франции).

При определенных обстоятельствах Президент РФ вправе распустить Государственную Думу. В соответствии со ст. 111 и 117 Конституции РФ Дума не может быть распущена в период действия чрезвычайного положения, при проведении процедуры импичмента против президента и в течение первого года своих полномочий (ст. 109, 111, 117 Конституции РФ).

В соответствии с Конституцией РФ "одно и то же лицо не может занимать должность Президента более двух сроков подряд" (ст. 81 Конституции РФ), а в случае вакансии назначаются досрочные выборы.

Президент США также не может быть избран более двух сроков подряд.

Механизм досрочных выборов отсутствует, четко оговорен порядок замещения вакансий (ст. II, разд. 1; поправка XII Конституции США).

Президент Франции может переизбираться на свой пост неограниченное число раз. Предусмотрен институт досрочных президентских выборов, в преддверии которых функции Президента временно исполняет председатель Сената.

Во Франции правительство формирует парламентским большинством, что уравновешивает право Президента на роспуск Национального Собрания.

В России же Государственная Дума лишь утверждает кандидатуру премьер-министра (ст. 111 Конституции РФ), так что право Президента на роспуск Государственной Думы ничем не уравновешено.

Полномочия Президента России превышают и полномочия Президента США. Последний ни при каких условиях не может распустить Конгресс, а тот со своей стороны, утверждает все персональные назначения в правительстве.

Сопоставив ст. 10 Конституции РФ 1993 г., где сказано: “органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны”, с конституционными нормами, определяющими правовое положение Президента РФ: “президент... принимает меры по охране суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти”, отметим, что конституционно-правовой статус Президента позволяет ему быть как бы вне системы разделения властей, осуществляя функции арбитра между ними.

В целом, современное развитие и состояние государственного строительства в России характеризуется доминированием исполнитель-

ной власти, подменой ею других ветвей власти при том, что Конституция содержит весьма широкий спектр элементов системы сдержек и противовесов.

Здесь наиболее существенно решение вопроса о соотношении президентской и исполнительной власти. Представление о президентской власти, не вписывающейся в рамки разделения властей, подкрепляет и своеобразная структура конституционной регламентации механизма государственной власти во многих странах мира.

Последние десятилетия прошлого века отмечены отчётливой тенденцией повсеместного возрастания политического влияния исполнительной власти. Современная Россия не составляет исключения из этого правила: не случайно сделанное ещё в 1999 г. первое публичное программное заявление В.Путина содержало тезис о благотворности доминирующего влияния исполнительной власти: “Главная власть – исполнительная, она организует жизнь страны, применяет законы, и, объективно, может достаточно существенно, правда не всегда намеренно, искажать их, применяя административные процедуры”⁸.

Здесь хочется процитировать слова известного французского мыслителя XIX в. А.Токвиля: “Обратив наши взоры на Америку, не станем, однако, раболопски копировать те институты, которые она создала для себя, но лучше постараемся понять в ней то, что нам подходит, не столько заимствуя примеры, сколько просто набираясь ума, и уж если станем занимать, то сами принципы, а не частные детали их законов”⁹.

Многие американские аналитики считают, что концентрация политической власти в руках одного чело-

века (Президента) объясняется менталитетом русской нации, исторической склонностью русских к авторитаризму.

Так, старший эксперт Фонда Карнеги М.Макфол полагает, что институт сильного Президента и его "сверхвласть" выросли из самого процесса преобразований: "замысел новой Конституции отражал то, что Б.Ельцин и его сторонники считали тогда наиболее благоприятным для себя"¹⁰, а общенародное одобрение новой Конституции облегчило установление сильной президентской власти.

По мнению английского исследователя Ричарда Роуза, в России в 1993 г. была принята "Конституция без граждан", так как большинство россиян не видело связи между их повседневными заботами и системой власти, установленной в России новой Конституцией. Р.Роуз считает, что российское гражданское общество можно назвать "обществом песочных часов"¹¹, так как связи между верхами и низами весьма ограничены.

По большей части россияне не выбирают правителей, а поддерживают власть, уже существующую и слабо зависящую от реальных интересов рядовых граждан. Профессор Принстонского университета С.Холмс называет сложившееся в России устройство "обществом разбитых часов", в котором "привилегированные не эксплуатируют и не оказывают давления и даже не правят, а просто игнорируют большинство".

Американские аналитики связывают проблемы экономического реформирования с "нелиберальным характером" президентской власти в России¹².

Однако когда речь заходит о российских экономических реформах, наблюдается парадокс: с одной стороны, исполнительной власти предоставлены широкие права, а с другой – Конституция 1993 г. дает некоторые гарантии того, что демократические достижения – не времен-

ное явление, а российское правительство не является более агрессивно-тираническим. Но эти исходные условия не приводят к положительному результату: экономика в России находится в кризисном состоянии. Среди прочих причин, препятствующих успешной экономической трансформации, на первый план американские специалисты ставят слабость, неэффективность и некомпетентность центральной власти. Всё это делает Россию малопривлекательной страной для серьезных инвестиций в инфраструктуру и производство¹³.

По мнению профессора Т.Николса, россияне, понимая природу своего общества ("общества недоверия"), избрали именно президентскую форму правления. Дело в том, что за 70 лет правления советская власть сделала все, чтобы отдалить людей друг от друга, помешать созданию независимых объединений. Таким образом, советские граждане осознали, что участие в политической жизни страны ни к чему не приведет.

Опыт советского правления оставил Россию без социальной инфраструктуры для создания партий и организаций, которые составляют основу парламента. По этой причине россияне выбрали президентство в качестве единственной демократической организации. Томас М.Николс подчёркивает, что именно унаследованное сознание "общества недоверия" делает парламентаризм невозможным, а президентство неизбежным в современной России¹⁴.

Чтобы понять специфику восприятия российского президентства на международной арене, необходимо отметить, что на Западе превалирует либеральная политическая модель государственного устройства. А в качестве прародителя этой модели является общество. Причём, как считает директор программы россий-

ских исследований Ю.Хаски, подобный подход неприемлем в отношении России, где не было возможности “привязать государство к обществу”.

Исторически российское государство обладало такой формой независимости от общества и таким влиянием над ним, которое отличало Россию от её западных соседей. Несмотря на введение достаточно свободной прессы и выборов, основанных на конкурентной борьбе, политика в России остаётся всё ещё чрезмерно централизованной.

Определение “двойственной России”, данное профессором Р.Такером и сегодня сохраняет свою актуальность: “в состоянии застоя, будучи зависимой политической “надстройкой” над социально-экономическим “базисом”, российский государственный организм принял форму независимой силы, нацеленной на создание и воссоздание своей социальной базы, образование и преобразование общества, путём проведения революций сверху”.

И хотя Россия переняла некоторые демократические институты, её государственная власть ещё не подотчётна предъявляющему требования обществу.

Как отмечает “Файненшл Таймс”, “абсурдно требовать швейцарских стандартов демократии от страны, отчаянно пытающейся разобрать завалы, образовавшиеся за десятки лет. При Президенте Путине либеральная демократия остается для России такой же чужеродной системой, как и при Президенте Б.Ельцине, но в России будут постепенно появляться политические институты, похожие на те, что уже есть у её западных соседей, по мере того, как она будет становиться “страной среднего класса”¹⁵.

По мнению отечественных аналитиков, президентской власти, сложившейся в постсоветский период в России, оказались присущи многие негативные черты советского правления: “замкнутость, отчуждённость от народа, “византийский стиль” в кадровой политике, при реализации решений по вопросам государственного строительства”¹⁶.

В условиях “пограничного” состояния современной ситуации в России, когда распадается ролевая функция социальной среды, происходит активизация мифологического сознания, в котором уважение к власти сопряжено с образом сильной страны. По мнению некоторых социологов, представление о силе власти “от Бога” ставит лидера-вождя России как бы над любыми законами и нормами морали.

Один из наиболее устойчивых архетипов русской ментальности и политической культуры – представление о государственной власти как о верховном, не доступном какому-либо влиянию со стороны общества вершителю человеческих судеб.

Этот архетип укоренён как в массовом сознании, так и в ментальности правящей элиты. Отсюда общество не пытается воздействовать на власть, власть мало способна воспринимать запросы общества. С этим отчуждением связано и неуважение к закону: не закон, а сила власти и бессилие общества создают основы общественного порядка¹⁷.

Другой архетип российской ментальности – великодержавное сознание. Распад СССР нанёс глубокую рану этому сознанию, создал почву для усиления великодержавного национализма.

В России отношение народа к власти всегда было двояким: с одной стороны, власть не любили и боялись её, а с другой – решение своих проблем русские люди увязывали с деятельностью государства.

Эта двойственность сохранилась до сих пор.

Кроме того, “у народа всегда были определённые ожидания по отношению к власти: забота, укрепление могущества России и реализация её предназначения в мире”¹⁸. Русский человек хочет быть одновременно свободным от власти и получать от неё защиту.

Ю.Хаски отмечает, что, несмотря на слабость и раздробленность во властной иерархии, нет более властного института, чем президентство, которое служит мотором реформ, мозгом политической коммуникации, держателем позиций в исполнительной и судебной ветвях власти, а также символом, хотя и подпорченным, российского национального единства¹⁹.

Задачи, стоявшие перед Б.Ельциным и правительством в начале 1992 г., были колоссальными.

По словам социолога Э.Геллнера, горстка стран стремилась одновременно “разрушить империю, сотворить экономическое чудо, улучшить моральный и экономический климат, превратить надзирателя ГУЛАГ в ночного сторожа, урегулировать старые территориальные и другие споры, и возродить культуру”.

Однако главной задачей для администрации Ельцина было сдерживать центробежные силы, освобождённые падением коммунизма и построить новое российское государство. Но для этого необходимо было создать новую “вертикаль”, институт, который смог бы удерживать вместе крайне разнородные элементы государства и общества.

По мнению Б.Ельцина именно институт Президентства должен был стать квинтэссенцией новой административной структуры.

И если первой задачей, стоящей перед Б.Ельциным, было объединение российского государства, то вторая заключалась в создании нового экономического порядка. Обе задачи воодушевили Б.Ельцина и его окружение присвоить себе неограниченную власть и полномочия. В конце 1991 г. Б.Ельцин, пользуясь небольшой поддержкой населения и ещё меньшей в парламенте, не мог проводить экономические реформы демократическими средствами. Он настоял на делегировании ему чрезвычайных полномочий. Сначала на один год, а затем на постоянной основе с принятием Конституции в декабре 1993 г.

Известный государствовед А.Ковлер констатирует, что российская Конституция 1993 г., обеспечила всевластие Президента. Она дала ему в руки мощные рычаги воздействия на все три ветви власти: законодательную (право законодательной инициативы, право подписывать законы, право отлагательного вето, для преодоления которого необходимы две трети голосов в обеих палатах парламента), исполнительную (фактическое формирование исполнительной власти и руководство ею), судебную (подбор кандидатур судей высших инстанций, генерального прокурора, судей федеральных судов)²⁰.

В 1992–1993 гг. президентство стало стержнем формирующейся российской государственности и демиургом новой системы отношений собственности. В то же время оно не определяло ориентиры, а скорее выражало закулисное соотношение сил, динамику теневых центров влияния. Эти обстоятельства во многом предопределили эволюцию режима от парламентско-президентского к авторитарному.

В период президентства Б.Ельцина слабость гражданского общества, неразвитость политической системы, диктат победителей, закреплённый Конституцией 1993 г., консервировали авторитарно-олигархический режим в виде суперпрезидентской республики.

Российское президентство, неразрывно связанное с конкретной фигурой, удивительно удачно вписалось в трансформацию массового сознания. Позднесоветский институт президентства как нельзя лучше соответствовал инверсионной ситуации, когда люди знают от чего они уходят, но смутно представляют, что их ждёт впереди. Такое состояние массового сознания позволяет легко манипулировать им, выдавая действительное за желаемое.

Так, по мнению Т.Николса, россияне так торопились распрощаться с Советским Союзом, что не продумали хорошенько пути учреждения самого института президента и отложили на потом неприятные вопросы, связанные с установлением демократического правления. Им нужен был лидер национального масштаба, который смог бы вывести их из разваливающегося СССР¹⁴.

По оценкам американских аналитиков, Б.Ельцин как лидер, представляющий президентскую власть, "демонстрировал авторитарные наклонности и удивительное безразличие к повседневным делам государства.

За исключением нескольких моментов высокой политической драмы – переворота (август 1991 г.), штурм парламента (октябрь 1993 г.) и последних недель избирательной кампании на пост президента (1996 г.) – Ельцин вёл себя как чрезвычайно пассивный президент. Его лидерство больше напоминало стиль Рейгана, чем

Сталина. Придерживаясь тактики невмешательства в управлении страной, Б.Ельцин предоставил своим помощникам и советникам широкие полномочия в управлении аппаратом Президента. Ясно, что ограниченность и своеобразные манеры первого Президента России затормозили развитие президентства как института".

В мае 2000 г. сразу же после президентской инаугурации В.Путин в качестве приоритетной задачи избрал укрепление государства.

Концепция В.Путина "*сильное государство*" выступает заменой концепции "*минимального государства*", на которой основывался ельцинский режим, и которая, в свою очередь, была положена в основу Конституции РФ 1993 г.

По словам Президента В.Путина, в российской традиции "государственные структуры и институты всегда играли чрезвычайно важную роль. Для русского человека сильное государство не выглядит аномалией и не является тем, с чем надо бороться, а скорее выступает источником и гарантом порядка, инициатором и главной движущей силой любых перемен"²¹. И далее он отметил, что "только сильное, эффективное государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины". Раскрывая свои представления о "сильном государстве" перед Федеральным Собранием он сказал: "Сегодня мы, прежде всего, ставим задачу наведения порядка в органах власти. Но это не конечная цель, а лишь самый первый этап государственной модернизации".

Таким образом, формальное перенесение института президентства не означает сиюминутного установления в стране демократических принципов. Фор-

мирование в поставторитарной европейской стране с республиканской формой правления своеобразной полупрезидентской системы может быть эффективным и устойчивым только с учётом национальных политических традиций.

Примечания

- ¹ *Сахаров Н.А.* Институт президентства в современном мире. М., 1994. С. 14.
- ² *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 411.
- ³ *Пак Сан Нам.* Президентская власть в современной России. М.: Макс Пресс, 2001. С. 19.
- ⁴ *Нойштадт Р.* Президентская власть и нынешние президенты. М., 1997. С. 64.
- ⁵ Конституция Российской Федерации. М.: Ось-89, 1999. С. 6, 26, 36, 37, 39.
- ⁶ Конституция США (Пер.). М.: ТОО “Иван”, 1993. С. 11–14, 27.
- ⁷ Конституции зарубежных государств. М.: БЕК. С. 107, 109–110, 111–112.
- ⁸ Политико-административное управление // Под общ. ред. *В.С.Комаровского, Л.В.Сморгунова.* М.: РАГС, 2004. С. 74.
- ⁹ *Токвиль А.* Демократия в Америке. Пер. с франц / Предисл. *Гарольда Дж. Ласки.* М.: Весь Мир, 2000. С. 24.
- ¹⁰ *Макфол М.* Опасности затянувшегося переходного периода // *Pro et Contra.* 1999. № 4. С. 184–188.
- ¹¹ *Роуз Р.* Россия как общество песочных часов: Конституция без граждан // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1995. № 3. С. 16, 71, 79.
- ¹² *Хелман Дж.* Конституции и экономическая реформа в переходный период // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1996. № 2. С. 79.
- ¹³ *Холмс С.* Когда отсутствие государства означает отсутствие свободы // *Губерния.* 1997. №3. С. 17.
- ¹⁴ *Nichols T.* The Russian presidency: Soc. a. politics in the Second Russ. Rep. Basingstoke (Hants) London; Mac Millan, Cop., 1999. P. 6, 50, 158.
- ¹⁵ <http://www.inosmi.ru/translation/216488.html>.
- ¹⁶ *Небренчин С.М.* О рейтинге популярности президента (оценки, выводы, прогнозы) // Российский кто есть кто. 2003. № 6. С. 34.
- ¹⁷ Политические институты на рубеже тысячелетий. Изд. 2-е стереотип/Отв. ред. *К.Г.Холодковский.* Дубна: ООО “Феникс+”, 2005. С. 40–42.
- ¹⁸ *Галумов Э.А.* Международный имидж России: стратегия формирования. М.: Известия, 2003. С. 11.
- ¹⁹ *Huskey E.* Presidential power in Russia. M.E. Sharpe, Inc. Armonk, New York–London, England, 1999. P. 6, 29.
- ²⁰ Цит. по: *Кувалдину В.* Россия политическая. М.: Мысль, 1998. С. 33.
- ²¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Известия. 2000. 8 июня.

Российская парламентская трансформация

Что “на выходе”?

Сергей Обухов,
кандидат экономических наук

Основные вехи политической истории России последних десятилетий оказались накрепко связаны с различными этапами развития парламентских учреждений. Общеизвестно, что общество “творит” парламент, но и он “творит” общество. Характер восприятия представительной власти массовым сознанием, отношение граждан к ее деятельности имеют одно из основополагающих значений для эффективного функционирования всей политической системы страны.

Согласно общепринятой в политологии концепции политической поддержки, она функционирует эффективно лишь тогда, когда граждане позитивно воспринимают власть, идентифицируют себя с этой властью¹.

В свою очередь, в транзитологической литературе распространена разработанная в первооснове Х.Линцем точка зрения, что именно парламентская система является более надежной основой и предпосылкой демократической трансформации, чем президентский режим*.

Поэтому исследование проблем развития парламентского института в современной России и их отражения в общественном мнении страны, важно для анализа и прогнозирования направлений эволюции всей отечественной политической системы.

Трансформационный процесс в России последних двух десятилетий сопровождался кардинальным изменением роли и значения институтов представительной власти. Страна прошла путь от советской системы, функционировавшей в жестких условиях однопартийности,

* Аргументацию Х.Линца сформулировали О’Доннел и Ф.Шмиттер: “Президентство ставит под угрозу демократическую консолидацию, поскольку сужает свободу выбора; создает ситуацию игры с нулевой суммой; ставит отдельного индивидуума в особое, крайне персонифицированное положение, сопряженное с чрезмерными ожиданиями; тормозит развитие партий и партийной дисциплины; провоцирует опасность тупика, если парламент оказывается в руках оппозиции; уменьшает возможность правительства гибко реагировать на кризисы путем изменения политики и персоналий” (Цит. по: *O’Donnel G., Shmitter P.C. Transition from the Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore – London: The Johns Hopkins Univ. Press, 1991. P.60–61*).

через парламентаризм советского типа к думской форме парламентского учреждения.

Четыре думских созыва – это период, когда последовательно реализовывались принципы многопартийности и политического плюрализма, бывшие главными лозунгами, под которыми проходила трансформация советской представительной системы.

Однако до выборов по партийным спискам (декабрь 1993 г.) расстановку партийно-политических сил в представительных органах власти нельзя рассматривать как адекватную массовым партийно-поли-

тическим ориентациям, так как формально подавляющее большинство депутатского корпуса принадлежало к КПСС.

С 1994 по 2006 гг. произошла определенная эволюция соотношения электоральных и партийно-политических сил. Если принять применяемую Центризбиркомом РФ классификацию деления избирателей, как исповедующих коммунистические, национал-патриотические, центристские, демократические политические предпочтения, то можно отметить следующие тенденции за анализируемый период (табл.1).

Таблица 1

Политические предпочтения избирателей на выборах в Госдуму в 1993–2003 гг.

% от проголосовавших

Год выборов	Коммунистические	Национал-патриотические	Центристские	Демократические
1993	21,3	23,9	26,1	28,7
1995	32,8	21,1	22,6	20,6
1999	28,2	7,1	44,4	15,2
2003	16,5	21,6	45,8	9,8

Источник: Выборы депутатов Государственной Думы. 2003. Электоральная статистика. М.: Весь мир, 2004. С. 155.

Произошли резкое “сжатие” электоральной базы демократических партий, сокращение доли избирателей коммунистической ориентации, стагнация национал-патриотического электората и удвоение центристского, конформистского слоя населения, который собственно и стал базой поддержки нынешней партии власти.

Естественно, любая классификация в достаточной степени субъективна и неадекватна.

Например, эксперты ЦИК РФ в 2003 г. отнесли к партиям коммунистической направленности АПР, которая в этой кампании играла роль спойлера КПРФ, используя бытующие в массовом сознании старые представления о союзе КПРФ и аграриев. Но союзником КПРФ уже с 1996 г. были не политически дистанцировавшаяся от нее АПР, а Агропромышленный союз России и Профсоюз работников АПК. В новом составе Думы депутаты от АПР вошли во фракцию “Единая Россия”.

К центристским партиям экспертами ЦИК РФ были отнесены Российская партия пенсионеров, Партия возрождения России, которые также играли роль спойлеров для КПРФ, работая на левом политическом поле.

И еще: по оценкам ЦИК РФ, все четыре созыва электорат ЛДПР классифицируется как национал-патриотический. Однако на протяжении всей деятельности в Думе фракция этой партии действует в жесткой привязке к думскому большинству, будь то

коммунистическое (до 1999 г.) или "едино-росовское" (с 1999 г.).

Если анализировать думскую расстановку сил в рамках дихотомии "партия власти – оппозиция", то можно дать такую характеристику каждой легислатуре:

Первая Дума (1993–1995 гг.)	Многополюсный парламент без явного доминирования партии власти и оппозиции
Вторая Дума (1996–1999 гг.)	Несовершенная двухпартийность, при блокирующем пакете голосов у оппозиции
Третья Дума (2000–2003 гг.):	
первый период (2000–2002 гг.)	“Большая коалиция” партии власти (Единство) и оппозиции (КПРФ)
второй период (2002–2003 гг.)	Консолидация и доминирование новой партии власти в лице “Единой России”
Четвертая Дума (2004–2006 гг.)	Полное доминирование партии власти

Таким образом, “на входе” парламентской трансформации было однопартийное народное представительство, а “на выходе” – однодоминантная Дума.

Мониторинг общественного восприятия парламента в категориях “доверие – недоверие” позволяет в обобщенном виде проследить эволюцию отношения к народному представительству (Рис. 1).

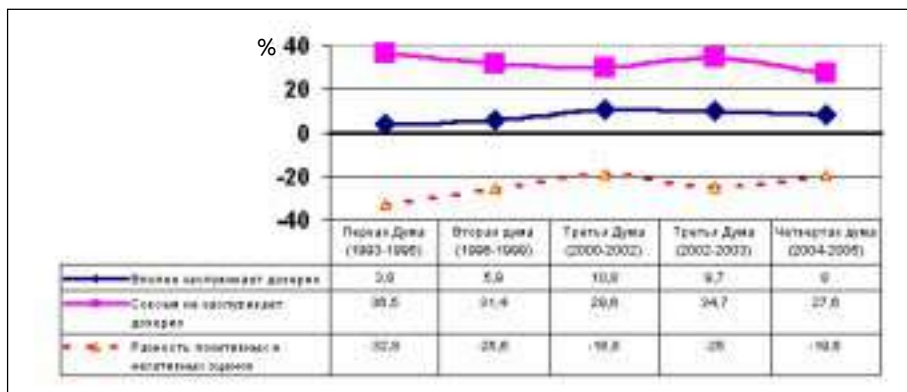

Рис. 1. Эволюция общественного доверия к парламенту в период с 1993 по 2005 г.

Источник: Расчитано автором по: Мониторинг ВЦИОМ/ВЦИОМ-А/Левада-центра. (<http://www.levada.ru/programs.html>); Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 3. С. 80.

Наименее заслуживающей доверия в восприятии россиян была плюралистичная и многополюсная первая Дума. Наибольший уровень доверия граждане испытывали к

третьей – в период “большой коалиции” КПРФ и “Единства”.

Если оценивать общественное восприятие работы Думы по разнице позитивных и

негативных оценок (резко отрицательных за весь период существования думской формы народного представительства), то наименее негативно оценивалась она в третьей Думе времен "большой коалиции". Далее идет современный парламент, где абсолютно господствует "Единая Россия". Любопытно, что восприятие народного представительства в период преобладания КПРФ (вторая легислатура) и доминирования "Единства" с союзниками (вторая половина третьей легислатуры) практически идентично.

При сопоставлении приведенных данных о доверии думской форме народного представительства из мониторинга ВЦИОМ (ВЦИОМ-А – Левада-центр) с его же опросами о доверии "старому" Верховному Совету РСФСР, избранному безальтернативно и состоящему из членов "блока коммунистов и беспартийных", сравнение окажется не в пользу современного парламента. В декабре 1989 г. "номенклатурно-коммунистический Верховный Совет", принявший поправки к Конституции, согласно которым вводился институт свободных и альтернативных выборов на Съезд народных депутатов, пользовался доверием 20% граждан. И это – в условиях уже действовавшего политически плюрализованного Съезда народных депутатов СССР.

Следовательно, **четвертая Дума, имеющая подавляющее большинство депутатов "Единой России", пока не дотягивает и до половины уровня доверия Верховному Совету РСФСР времен излета однопартийной системы.**

При анализе сравнительных оценок нынешней и Советской власти, которые "мониторит" ВЦИОМ (ВЦИОМ-А – Левада-центр) более десятилетия*, вряд ли позитивные характеристики нынешней однодоминантной политической системы будут сопоставимы с такими же характеристиками в народном восприятии советской эпохи. А это – потенциальная угроза для делегитимации существующей политической системы в глазах народа.

Реализация разными созывами Госдумы своих полномочий была прямо обусловлена соотношением партийно-политических сил в рамках дихотомии "партия власти – оппозиция".

Это наглядно видно на примере осуществления законодательной функции, исходя из соотношения принятых Думой и подписанных президентом законов, %:

Первая Дума (1993–1995 гг.)	68,1
Вторая Дума (1996–1999 гг.)	53,7
Третья Дума (2000–2003 гг.)	85,4
Четвертая Дума (данные за 2004 г.)	99,1

Как видно, по мере расширения пропрезидентского ядра в парламенте, особенно во время четвертого созыва, оппонирующая роль Думы снижалась. И, наоборот, доля одобряемых главой государства законодательных решений увеличилась, достигнув почти стопроцентного показателя в первый год деятельности парламента четвертого созыва.

В его реализации своих представительных и контрольных функций

* Мониторинг ВЦИОМ показывает, что на протяжении всего периода исследований (1998–2005 гг.) в общественном восприятии Советская власть оценивается в сравнении с нынешней как более законная (28–32% против 9–12); близка народу, людям (34–36 вместо 2–5); сильная, прочная (27–30 при 2–7); "своя", привычная (26–32 против 2–4). (Голов А. Власть советская и власть нынешняя // <http://www.levada.ru/press/2005120200.html>).

также заметна значительная эволюция. Если принять за базу среднегодовое количество заявлений Думы на политическую злобу дня в первом созыве, то показатели второго аналогичны, а третьего и четвертого созывов составляют лишь менее двух третей.

За период существования Государственной Думы наблюдалось последовательное возрастание количества обращений в нее граждан.

Если в первом созыве в среднем было по 49 тыс. обращений в год, а во втором их число выросло до 51 тыс. и в третьем – до 54, то в первый год функционирования парламента четвертого созыва они составили почти 70 тыс. Причем значительную долю составляли обращения участников всероссийских акций протеста и граждан, недовольных ущемлением пенсионных и других социальных прав в результате его законотворчества.

Кроме того, не развивалась контрольная функция Думы: количество парламентских запросов в первый год четвертого созыва оказалось в три раза меньше, чем среднегодовой показатель в третьей легислатуре. Значительно снизилось инициирование поручений Счетной палате по проверке федеральных органов власти, различных бюджетополучателей – банков, предприятий, организаций, изучению расходования средств на целевые программы, иностранных кредитов и т.п.

В первом созыве она инициировала в год по 6 таких поручений, во втором – 31, а в третьем, как и в первый год четвертой легислатуры, – лишь по 5.

Как видим, падение оппонирующей роли Думы привело к свертыванию ее представительной и контрольных функций. И это не могло не сказаться на характере общественно-

го восприятия парламентского учреждения.

Рассмотрим проблему низкого уровня общественной авторитетности действующего в России парламента в контексте отношения национального менталитета к другим ключевым факторам, предопределявшим трансформационный процесс.

Спустя 20 лет после начала “перестройки” реформы, начатые М.С.Горбачевым в 1985 г., однозначно оцениваются населением как принесшие “в целом отрицательную роль” или “значительную отрицательную роль” (56% мнений в 2005 г.).

При этом мнение о том, что “было бы лучше, если бы все в стране оставалось как до 1985 года” собирает в течение десятилетнего мониторинга Левада-центра от 44 до 58% поддержки среди жителей России². Оценки же (опрос 2005 г.), что после августа 1991 г. страна пошла “в неправильном направлении”, либо, наоборот, “в правильном направлении” соотносятся как 50 : 25³. Эти современные показатели сопоставимы с данными опроса ЦИПКР “на входе” трансформационного процесса (1989 г.), когда соотношение подобных показателей было 44 : 28.

О распаде Союза сегодня сожалеют почти две трети граждан (62%), не сожалеют – 28. Восстановить Советский Союз и социалистическую систему хотели бы 60% населения, опрошенных Левада-центром в 2006 г.⁴ Таким образом, можно заключить, что в обществе доминируют мнения о неправильно выбранном направлении развития.

При этом, оценивая ход и исход, то есть “качество” перемен в ходе российских общественных преобразований, граждане все активнее заявляют: “по сути ничего не изменилось”, “казалось, что жизнь изменилась, но все идет по старому”.

Если в 1994 г., в начальный период функционирования новой политической системы, таких мнений было 29%, то в 2003 г. – 60. Значительность перемен признается общественным мнением в связи с исчезновением дефицита (1994 г. – 76%, 2003 г. – 74), ростом безработицы (соответственно, 81 и 76), ослаблением единства России (73 и 77), обнищанием людей (81 и 86), ростом коррупции и анархии (66% и 75%).

Здесь установился фактически общенациональный консенсус. Но возникает вопрос: надо ли было ради исчезновения дефицита допускать обнищание, распад страны, рост коррупции и анархии?

Более того, как показало исследование ЦИПКР, в начале и в конце исследуемого процесса проявляются те же негативные морально-политические характеристики общественного состояния. Если в 1989 г. 71% граждан видел доминирование в обществе "разговоров, слов" и "тенденций к беспорядку, разрушению, хаосу", то в 2004 г. накопление этих отрицательных ощущений было отмечено у 61% россиян⁵.

Лозунги свободы предпринимательства, либерализации рынка и приватизации, под которыми в конце 80-х годов начинался российский демократический переход, к середине первого десятилетия XXI в. трансформировались в решительное общественное требование пересмотреть итоги перераспределения собственности.

Готовность "полностью пересмотреть" результаты приватизации и вернуть под государственный контроль важнейшие отрасли и предприятия к 2005 г. высказывали 59% в граждан. При этом только 12% призывали "принять результаты приватизации такими, как они есть". Мнение о том, что "проверка законности приватизационных сделок и в случае необходимости их пересмотр улучшит положение дел в стране" разделяло, по опросу 2004 г. ИКСИ РАН и Фонда Эберта в РФ, 73% граждан⁶.

Отношение к необходимости продолжения экономических реформ (без уточнения содержания этих реформ) носит устойчиво противоречивый характер.

Если в начале первого думского срока (ноябрь 1994 г.) соотношение сторонников и противников их продолжения было 30 : 26⁷, то к середине четвертой (март 2006 г.) сохранились примерно те же настроения, соотношение 35 : 27⁷.

Отношение россиян к собственной жизни также серьезно не улучшилось.

Если в середине третьего думского созыва (март 2002 г.) 41% из них заявлял о том, что не может приспособиться к нынешней жизни и ограничивает себя в большем и малом, а только 26% объявляли, что им удалось использовать новые возможности и добиться большего в жизни, то к середине четвертого думского срока соотношение этих категорий осталось тем же: 36 : 29.

При этом о терпимой жизни в условиях необходимости "постоянно "вертеться" заявляло, соответственно в начале первого и в конце третьего думского созыва, 26 и 29% россиян.

Заметно стало лишь некоторое увеличение слоя тех, кто говорит, что "все не так плохо, и можно жить" с 11 до 26.

Также произошло сокращение числа лиц, объявляющих, что "терпеть наше бедственное положение уже невозможно" – с 39 до 24%⁷.

Однако позитивная самооценка материального положения все равно сопровождается ухудшением показателей социального оптимизма.

Если в начале функционирования Государственной Думы (ноябрь 1994 г.) 30% граждан полагали, что в течение ближайшего года никакого улучшения жизни не произойдет, то к середине четвертого думского созыва (март 2006 г.) таковых уже насчитывалось 50⁷. Причем соотношение неуверенных и уверенных в завтрашнем дне в мае 2005 г. было 64 : 34%⁷.

Сходные параметры в оценке политической обстановки в России на “входе” и “выходе” анализируемого политического процесса.

Как “напряженную” и “критическую, взрывоопасную” в ноябре 1994 г. ее оценивали 42% респондентов, а в марте 2006 г. – 54%.

Конечно, этот показатель стал несколько ниже, чем в период размаха антимонетизационных выступлений в январе-марте 2005 г. (63%), существенно ниже, чем перед реализацией политической операции “Преемник” по передаче власти от Б.Н.Ельцина к В.В.Путину. Так, в ноябре 1999 г. этот индекс напряженности составлял 91%.

Или в период попытки роспуска Государственной Думы и отмены президентских выборов в марте 1996 года (89%).

При этом готовность участвовать в массовых протестных выступлениях в ноябре 1994 г. декларировал 21% россиян, то в марте 2006 г. – 26.

Этот показатель “на выходе” анализируемого политического процесса сопоставим с данными сентября 1993 г., в момент политического кризиса, завершившегося насильственным прекращением деятельности Съезда и Верховного Совета РФ. Он также соответствует уровню готовности к протестным выступлениям, что был зафиксирован на пике антимонетизационных действий в начале 2005 г., а также после дефолта 1998 г. во время всероссийской акции протеста профсоюзов и левых.

Дискредитированными оказались лозунги политической либерализации. Так серьезно трансформировалось отношение к свободе печати.

Если к моменту созыва “всевластного” Съезда народных депутатов в 1989 г. 38% респондентов считали будто печать, радио, телевидение вполне заслуживают доверия, то к моменту учреждения Госдумы в 1994 г. такого мнения придерживалось уже

27, а в конце третьей думской легислатуры (2003 г.) только 22%.

При этом доля граждан, полагающих, что масс-медиа “не вполне” и “совсем не заслуживают” доверия, составила соответственно 46, 55 и 68%⁸.

Ценность политического плюрализма, которая рассматривалась в начале реформ как основополагающая для политических перемен в стране, на “выходе” анализируемого политического процесса серьезно трансформировалась.

Если мнение (по данным Левада-центра), о том, что России нужна только “одна всенародная партия, постоянно стоящая у власти”, в феврале 1994 г. разделяли лишь 16% россиян, то в феврале 2001 г. уже 27%.

Столько же в начале XXI в. соглашались иметь в стране лишь две-три хорошо организованные массовые партии⁹. Результаты исследований ФОМ дают сходные данные.

За реальную многопартийность (“нужны 3 и более партий”) высказались в июне 2006 г. 26% россиян.

В поддержку однопартийной системы было 24, а двухпартийной – 17%.

При этом 12% граждан вообще заявляли, что политические партии не нужны.

Таким образом, от безбрежного политического плюрализма общественное сознание пришло к поддержке идеи либо однопартийности, либо двух- или трехпартийности

При этом по общему соотношению нынешних позитивных и негативных оценок (данные Левада-центра) правящая “Единая Россия” (43 : 33%) далеко отстала от КПСС времен ее господства (63 : 26%). Причем роль “Единой России” кажется сегодня наиболее полезной самым молодым людям (47 : 20%), тогда наиболее негативной – самым пожилым (33 : 44%).

Аналогии, порождаемые монопольным положением КПСС и “ЕР”, вынуждают вспомнить, что не кон-

курения, а именно универсальная монополия обусловила в свое время внутреннее разложение и крах всемогущей советской партии.

Политическая стабильность в России держится на высоком уровне доверия к деятельности президента В.В.Путина. Рейтинг доверия к нему по данным различных служб стабильно выше 70%. Вместе с тем, очевидно, что “фактор Путина” перестанет действовать к началу 2008 г., когда истекнут его полномочия. И здесь видны серьезные проблемы для возрождения лидерского феномена В.В.Путина в его постпрезидентской ипостаси.

Очевидно, что Путин – безусловный лидер лишь до тех пор, пока он занимает высшую государственную должность. Общеизвестно: оказывать влияние на политику после отставки можно либо с помощью политических институтов, либо через моральный авторитет. Но все политические институты в России, кроме президентского, делегитимизированы в массовом сознании. Примеров влияния на политику за счет морального авторитета последние 20 лет трансформации не дают.

О многом говорит само “качество” – внутренняя наполняемость современного высокого рейтинга президента.

Например, разница в массовых оценках успешности и неуспешности деятельности

Путина, связанной с решением ключевых проблем, имеет отрицательное значение. Особенно в таких сферах как “наведение порядка в стране” (-8), “подъем экономики, рост благосостояния граждан” (-31), “защита демократии и политических свобод граждан” (-10), “политического урегулирования в Чечне” (-34).

В позитиве только баланс оценок деятельности главы государства на международной арене (+34) и разгроме боевиков в Чечне (+25).

Конфигурация эта во многом подобна восприятию в народе деятельности президента СССР М.С.Горбачева на исходе 80-х годов XX в.

Весьма критична в массовом сознании и оценка реформ, проводимых В.В.Путиным.

Так, например, негативный расклад оценок вызывают изменения в системе партийного строительства (-9), реформы образования (-15), здравоохранения (-21), социальной сферы в форме монетизации льгот (-24), пенсионной системы (-12), ЖКХ (-51). В позитиве только оценка военной реформы (+8) и изменения в системе выборов губернаторов (+3).

Такое отношение общественного мнения закладывает возможность для стремительной переоценки деятельности В.В.Путина, кардинального изменения его положения в системе рейтингов доверия и одобрения. И все это – в условиях низкого уровня общественной поддержки правительства, Государственной Думы, силовых и правоохранительных структур – несет потенциальную угрозу политической дестабилизации.

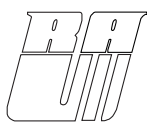
Как видно, низкий уровень общественного престижа действующего в России парламента “на выходе” анализируемого процесса – не изолированное явление. Это скорее производная от доминирующего в общественном мнении отношения к результатам реформ, недовольства их несоответствием целям демократического перехода, заявленным в конце 80-х годов.

В условиях, когда общественная поддержка существующей в Думе четвертого созыва доминантно-партийной системы оказывается ниже, чем автори-

тетность парламента в начале распада советской однопартийной системы (конец 80-х годов), можно говорить о потенциальной угрозе делегитимации в массовом сознании всей существующей политической системы.

Примечания

- ¹ *Easton D., Dennis J.* Children in the political system: origins of political legitimacy. Chicago: University of Chicago Press, 1969.
- ² *Левада Ю.* “Человек советский”: четвертая волна. Время перемен глазами общественного мнения // Вестник общественного мнения. 2003. № 1. С. 14.
- ³ Россияне о событиях августа 1991 года. 18.08.2005 // <http://www.levada.ru/press/2005081801.html>
- ⁴ Социально-политическая ситуация в России в марте 2006 года. 11.04.2006. // <http://www.levada.ru/press/2006041104.html>
- ⁵ Политическая социология. Искушение двухпартийностью. Массовые настроения и избирательные кампании 2003–2004. М.: Русский летописец, 2004. С. 156–157.
- ⁶ *Здравомыслов А.* Представления россиян об ответственности экономической элиты перед обществом // Вестник общественного мнения. 2004. № 6. С. 51.
- ⁷ Информация: результаты опросов // Вестник общественного мнения. Данные анализа. Дискуссии. 2004. №6. С. 76–80; 2006. № 2. С. 74–78.
- ⁸ *Дубин Б.* Массовые коммуникации и коллективная идентичность // Вестник общественного мнения. 2003. № 1. С. 19.
- ⁹ *Зоркая Н.* Думские выборы 1993–2003 гг. К проблеме социальной цены постсоветского “партийного строительства” // Вестник общественного мнения. 2004. № 4. С. 23.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Тенденции российского и европейского федерализма

Юрий Бойко,

доктор медицинских наук,
кандидат юридических наук, профессор

Построение современного национального государства в России динамично развивается. В этой связи важно изучение зарубежного опыта в сфере национального строительства, особенно в государствах, схожих с нашим в аспектах полиэтничности и федеративного устройства. Учитывая нелегкий опыт России в этой области в 90-х годах XX в., например, вспоминая “парад суверенитетов”, имевший место на территории Российской Федерации в этот период, хотелось бы проанализировать, в первую очередь, возможные причины возникновения центробежных процессов и тенденций сепаратизма в различных странах.

Отечественная литература зачастую формирует представление об отсутствии этнических проблем в странах Западной Европы и США в 90-е годы и о преобладании там интеграционных процессов, в противовес процессам дезинтеграции, характерным для постсоветских территорий. Однако уже с начала 70-х годов XX в. западные исследователи – в первую очередь американские, а за ними и европейские отмечают рост националистических тенденций в развитых странах.

Так, идея “*плавильного тигля*” по отношению к многонациональному населению США оказалась в последние три десятилетия XX в. неработоспособной, что привлекло пристальное внимание американских ученых¹.

Начиная с 70-х годов, идеи “этнического возрождения” или “этниче-

ского ренессанса” используются и европейцами для анализа аналогичных процессов в странах Европы. Объединение Европы достаточно ярко показало параллельное развитие националистических тенденций, хотя политические выгоды союза европейских стран в качестве противовеса существующим, а также формирующимся центрам мирового геополитического притяжения очевидны. Более того, и в самих европейских странах, в ряде их внутренних регионов, существуют сепаратистские тенденции.

Ряд исследователей считает, что непосредственное влияние на процессы в сфере межнациональных отношений оказывают противоречия между стремлением каждого народа к самоопределению, самоутверждению и объективными процессами интеграции общества в целом; воз-

растающей самостоятельностью регионов и объективной потребностью сохранения и упрочения государственности в интересах всех граждан страны; тяготением к национально-культурной самобытности и сложившейся национальной общностью в пределах государства. При рассмотрении формирования межнациональных отношений в полиэтничном государстве к факторам, влияющим на сдвиг равновесия этого процесса, относятся:

- сложившиеся в зависимости от уровня централизации взаимоотношения центральной власти и регионов;

- уровень соблюдения прав человека, в частности в реализации социально-экономических благ;

- уровень экономического развития регионов, определяющий, в том числе, и занятость населения;

- правовая отлаженность национальных и территориальных отношений этносов².

Уровень централизации во взаимоотношениях центра и регионов зависит, прежде всего, от исторически сложившейся формы государственного устройства, к каковым относятся унитарное государство, федерация и конфедерация.

В настоящее время принято считать, что *унитарное государство* – форма государственного устройства, при котором управление осуществляется центральной властью.

В унитарном государстве существует административно-территориальное деление (области, районы, департаменты и пр.) в отличие от федерации и конфедерации, образованных их субъектами. Последним, также как и государству в целом,

присущи признаки государственного образования. В унитарном государстве действует единая конституция, один высший орган представительной (законодательной) власти, в то время как субъекты федерации и конфедерации обладают собственными основными законами и органами законодательной и исполнительной властей.

Как отмечают И.Бусыгина и А.Захаров, отечественными исследователями конфедерация обычно противопоставляется федерации, считаясь неразвитой формой последней³.

Однако необходимо учитывать, что федерация и конфедерация представляют собой две самостоятельные формы одного и того же социально-политического явления, характеризующиеся сочетанием различных степеней самоуправления с разделенным правлением; исключительной компетенции – с совместной компетенцией. Развитие государственной системы может идти от конфедерации к федерации и наоборот. Считается, например, что глобализация способствует трансформации федеративных государств в конфедеративные, причем, в первую очередь, это характерно для государств, построенных по национально-территориальному признаку.

Перечень европейских государств по принципу их территориального устройства таков:

- к европейским унитарным государствам, основным принципом которых является один верховный, предельный и единый центр власти⁴, относятся: Великобритания, Португалия, Франция, Люксембург, Польша, Швеция, Норвегия, Греция, Литва, Дания, Эстония, Латвия, Испания, Чехия, Словакия, Исландия, Финляндией, Болгария, Ирландия, Белоруссия, Италия, Венгрия, Молдова, Румыния, Хорватия, Словения, Македония и Албания;

– конфедерации, главным признаком которых считается принцип наделения Центра полномочиями по усмотрению составляющих региональных единиц⁴, представлены одной Швейцарией;

– различные формы федеративного устройства в Европе, где основным принципом является конституционно поделенные полномочия между Центром и одним и более региональных субъектов, представлены Германией, Россией, Австрией, Нидерландами, Бельгией, Боснией (сербские, хорватские и мусульманские анклавы) и Украиной.

Отнесение тех или иных государств к разряду унитарных отнюдь не означает, что в упомянутых странах нет сепаратистских течений и федералистских тенденций. Так, например, это относится к Италии с присущими ей тенденциями к автономии и регионализму.

Франция тоже вынуждена идти в этом направлении из-за Корсики, которая в 1982 г. получила особый автономный статус.

Португалия передала ряд полномочий заморским провинциям – о-ву Мадейре и Азорским о-вам, в состав которых входят 4 из 22 округов, на которые делится эта страна.

Усиление федеративных начал отмечается в таком государстве как Великобритания, где практика управления регионами всегда базируется в большей степени на традициях и прецедентном праве⁵.

Это можно проследить во взаимоотношениях Лондона с Северной Ирландией и Шотландией, которая недавно вновь обрела свой парламент.

В каждом из случаев просматриваются различные источники, определившие этнополитический вектор в каждой из стран.

Например, в Италии, которая является унитарным государством, мощная федера-

листская тенденция в Италии исходит не от каких-либо национальных меньшинств (составляющих 2% населения), а от собственно итальянских культурно-экономических зон.

Промышленный Север считает унитарное устройство Италии серьезным тормозом в дальнейшем развитии индустриального “треугольника” Генуя-Милан-Турин, Предгорье Альп, Венеция, Триест и Южный Тироль⁶. Федералисты требуют автономного статуса для северных областей и введения института политического представительства регионов. Они добиваются также получения будущими автономиями права на сепаратные международные отношения, прежде всего, с общеевропейскими структурами⁷.

Отмеченная тенденция говорит о влиянии разницы в степени экономического развития регионов.

Еще более глубокое влияние могут оказывать факторы, сдвигающие равновесие межнациональных отношений в стране с федеративным государственным устройством. Особенно это относится к федерациям, сформированным по национально-территориальному признаку.

Ярким примером влияния практически всех указанных выше факторов является судьба Югославии.

В этой федеративной республике в условиях значительной децентрализации управления производством и рыночного механизма регулирования процессы сепаратизма усиливали то, что после смерти Б.Тито сфера компетенции федерации стала ограничиваться лишь самыми общими функциями поддержки федеративного государства (оборона, международные отношения, единая денежная система).

Процедура заключения, в соответствии с Конституцией, межреспубликанских договоров в СФРЮ была крайне громоздкой из-за частого злоупотребления методом консенсуса, который практически парализовал действовавший механизм принятия важных экономических решений.

Республики и автономные края, обособившись внутри своих границ, препятствовали нормальному хозяйственному, финансовому и культурному взаимодействию, что вело к этнической, а также социальной разобщенности и все большему обострению противоречий. Ослабление экономических связей между республиками и автономными краями запустило процесс раздела единого рынка на региональные сектора и уменьшению удельного веса внутреннего товарообмена.

В сложившейся ситуации федеративные власти практически утратили рычаги централизованного воздействия как на межнациональные отношения, так и на социально-экономические процессы. Федеральный фонд кредитования ускоренного развития слаборазвитых республик и краев и соответствующие республиканские фонды использовались крайне неэффективно. Высокий уровень инфляции снижал стимулы к инвестициям.

Неконтролируемое использование республиками и краями права получать иностранные займы и самостоятельно заключать контракты с иностранными партнерами уже в 70-х годах привело к быстрому росту дефицита платежного баланса и внешней задолженности. Нежелание регионов признавать долги других субъектов федерации дополнительно усилили местный сепаратизм.

В итоге неблагоприятный характер региональных условий социально-экономического развития привел к столь значительному возрастанию напряжения в межнациональных отношениях, что центробежные тенденции в СФРЮ стали необратимыми.

Таким образом, видно, как влияние излишней децентрализации власти, большого экономического неравенства между регионами, а также правовой неотлаженности национальных и территориальных отношений, как внутри федерации в целом, так и внутри ее субъектов привело к сдвигу этноконфликтного процесса в сторону полного распада югославского государства.

Некотрые негативные аналогии просматриваются во взаимоотношениях многонационального российского населения с властью страны, отдельных этносов, региональных и федеральной элит между собой, что является весьма существенным фактором для дальнейшего развития государственного строительства России. Смена унитаризма царской России федерализмом по этническому типу, осуществленная большевиками, вызвала перекося в национальном сознании граждан страны, противопоставила отдельные этносы друг другу. Это затруднило переход к федерализму иного типа – территориального, предполагающего, что на всей территории страны формируется единая гражданская нация.

Новая Россия ищет стратегию национальной и федеративной политики, и от этого выбора во многом будет зависеть судьба федерации. Проблема заключается не только в выборе между централизованным и децентрализованным управлением, но в адекватном применении принципа плюрализма при построении новой Российской Федерации.

Важно помнить, что политический плюрализм, позволяя полно реализовать демократическое управление, имеет и оборотную сторону.

В обществах переходного периода, где отсутствует опыт конкуренции при взаимодействии различных структур власти, он чаще всего понимается и реализуется как вседозволенность для всех субъектов федерации. Это ведет к тому, что последние стремятся всячески продемонстрировать свою “самодостаточность”, объясняя это стремлением к независимости⁸. Такое понимание оборачива-

ется на практике произволом, как со стороны центра, так и со стороны регионов. Ничем нерегулируемая свобода многих, а не одного, как прежде, центров власти, способствует своего рода картелизации интересов отдельных субъектов федерации, а не складыванию союза свободных государств⁹.

Практика федеративных отношений в российском государстве на протяжении всего последнего десятилетия подтверждает стремление субъектов Федерации к обособлению как на вертикальном уровне (Центр-регионы), так и на горизонтальном (регион-регион).

Таким образом, плюрализм при отсутствии опыта компромиссного взаимодействия, конкуренции, установления многосторонних связей на горизонтальном уровне в образовавшемся “прерывистом” политико-правовом пространстве России влекут за собой отрицательные последствия.

Историческая ретроспектива России показывает, что полиэтничность и поликонфессиональность населения являлись факторами, влияющими на формирование российского государства на протяжении веков.

Переход к имперской форме государственности в XVIII в. мало, что изменил во внутренней политике властей.

Главным отличием российской истории было выстраивание особых отношений центральной власти с народами, проживавшими на землях, включенных в состав России.

Для стран Западной Европы имперское строительство было естественным следствием продвижения “за моря” в поисках новых торговых путей и редких товаров, завоевания сокровищ, которыми обладали туземцы или ослабевшие правители да-

леких стран, наконец, способом монополизации и вытеснения конкурентов с новых рынков сырья и сбыта.

Для России империя, как мы видим, изначально означала нечто другое.

Форма государственного единства в имперский период мало чем отличалась от той, что складывалась в период “собирания земель”.

Октябрьская революция 1917 г. заложила основы федералистского устройства, основанного на этническом принципе, чем окончательно уничтожила форму государственного единства, которая существовала в Российской империи. Уже в первые месяцы существования новых органов власти возникли две исторические тенденции: уменьшение территории России и формирование Федерации на советских принципах. Обе они опирались на провозглашенное революцией право наций на самоопределение¹⁰.

Во второй половине 80-х годов XX в. в сфере межнациональных отношений демократизация и “перестройка” должна была привести к ослаблению централизации СССР. Предполагалось, что союзные республики получат широкие экономические и политические права, а центральные власти больше не смогут вмешиваться в решение вопросов, отнесенных к республиканскому ведению. Центральная власть должна была остаться гарантом суверенитета союзных республик, который защищало и закрепленное в Конституции СССР право выхода из его состава.

Однако национальные республиканские элиты истолковали курс на

демократизацию иначе, потребовав подтверждения суверенных прав своих государств. Крушение партийной монополии и переход к рыночным отношениям в экономике, начавшийся социальный хаос и крах довершили дискредитацию советского строя, развязали руки националистам, опиравшимся на сепаратистские идеи.

Объективное уменьшение роли Центра в регулировании межнациональных отношений и решении местных вопросов привело к ослаблению государственного единства, возникновению ряда острых межнациональных конфликтов.

Рост центробежных тенденций в начале 90-х годов XX в. под влиянием идеи “либерального федерализма”, надежд (часто иллюзорных), что существует возможность опереться только на собственные силы, был связан с предшествующим развитием событий.

Большинство союзных республик, начиная с Прибалтики, ранее объявивших о своем суверенитете, пошло дальше и провозгласило независимость, обратившись за признанием к мировому сообществу, прежде всего, к западным демократиям. Они объявили собственность Союза республиканской и перестали принимать участие в материальном содержании органов Союза.

Утратив прежние классовые или, как их называли, партийные ценности, большинство советских граждан оказалось лишенными основ для самоидентификации не только в социальном или экономическом смысле (появились новые виды собственности, и связанные с ними новые общественные слои и прослойки), но и в нравственном и политическом смысле. Относительно надежным крите-

рием политической грамотности стала демократия, а моральным ориентиром – благо своего народа, что в многонациональном государстве легко перешло в идеализацию критериев этничности и традиционной религии.

Определяющее важной является проблема, заключающаяся в том, что на пути создания федеративного государства в России стояла и стоит существующая система общественных отношений и институтов, которые можно только последовательно трансформировать, постепенно создавая соответствующие отечественным реалиям социально-экономические основы федеративных отношений.

При этом вся советская история свидетельствовала о том, что федерализм как государственно-политический феномен автоматически не выступает универсальным средством для развития подлинной современной экономики, строительства правовых и демократических институтов, которые обеспечивают защиту государства, процветание граждан и общества, в котором они живут.

В ходе подготовки и обсуждения нового Федеративного Договора стало ясно, что наиболее сильны позиции сторонников этнополитического национализма¹¹.

Работа над проектом нового федеративного договора проходила в обстановке жесткого лоббирования национальными и региональными элитами своих эгоистичных интересов и отсутствия у московских реформаторов какой бы то ни было продуманной стратегии. Вместо разработки стратегии происходило “оперативное реагирование” на ситуацию в регионах с целью любой ценой сохранить над ними контроль Центра.

Подписанный всеми субъектами (на тот момент кроме Татарии и Чечни) 31 марта

1992 г. Федеративный Договор не устранял противоречий в государственном устройстве России. Неравенство субъектов Федерации сохранялось. Не были гарантированы и права русских, составлявших в то время 85% населения страны и не имевших собственной государственности в рамках Федерации.

Федерализм в России формировался в неразрывной связи с общим ходом политического процесса, когда в короткий срок почти революционными темпами происходила смена политического режима, утверждалась новая идеологическая парадигма, предусматривавшая вытеснение социалистического интернационализма национально-либеральным прагматизмом.

Необходимо отметить, что в демократическом обществе федерализм предполагает наличие сложных многоуровневых связей, объединяющих интересы наднационального объединения федерального уровня, интересы субъектов федерации, а также интересы индивидуальных граждан, ради блага которых, в конечном счете, формируется федерализм¹². Именно поэтому судьба демократических основ российского федерализма во многом зависит от общественной поддержки, от степени зрелости гражданского общества.

“Перестройка” и неотделимые от нее “гласность” и “демократизация” привели руководство к пониманию необходимости восстановления исторической справедливости, защиты интересов каждого отдельного человека. Это стало свидетельством роста гражданской зрелости населения.

Известно, что в классическом западном понимании гражданским является только то общество, которое способно защитить индивидуальные свободы и частный интерес от посягательств государства, призванного

представлять интересы власти и некий совокупный интерес всех граждан как единой общности.

Однако в первые годы независимости России в условиях политического и социально-экономического кризиса произошла почти необратимая потеря сформировавшихся в период гласности, ростков постсоветского гражданского общества.

Следует отметить, что в определяющий момент распада СССР со стороны оппозиционных политиков “нация” не воспринималась как понятие многоэтничной государствообразующей общности. Прочные позиции в их представлениях принадлежали этнонациональной идее. Представление о “гражданской нации” было робко признано только в Литве и лишь несколько лет спустя – не менее осторожно – в Казахстане и Украине, а затем – в Латвии и Эстонии. В России же на этот счет существовали различные, зачастую, противоположные доктринальные представления. Развитие идей парламентаризма, демократии, гражданского общества началось лишь после дезинтеграции СССР во многом под влиянием лозунгов, пришедших из националистически настроенных бывших “окраин”, особенно западных.

Можно говорить о том, что, таким образом, доктрина этнонациональной государственности не способствовала реализации гражданских прав и свобод личности. Она уводила Россию в сторону от формирования подлинной федерации. Реализация концепции этнонациональной государственности в России в 90-е годы реально мешала формированию в стране единого гражданского общества, утверждению в жизни

страны приоритета прав человека над законами государства, равноправия граждан, народовластия, демократического разделения властей, сильного правопорядка, гуманитарной культуры¹³.

Таким образом, дальнейшему развитию и усилению российского государства должно содействовать гражданское общество соответствующего своим задачам формата.

Гражданское общество призвано обеспечить в России участие всех его членов, вне зависимости от их этнической принадлежности, в управлении им через институты политической демократии. Только ему под силу обеспечить механизмами политической демократии подлинный “национальный суверенитет” всех этносов, проживающих в границах федерации, гарантировать успех любых мероприятий по нациестроительству, понимая под ним создание возможностей расцвета национальной духовно-нравственной, политической, экономической культуры единой гражданской нации.

Примечания

- ¹ *Авксентьев В.* Этнические проблемы России в контексте современных мировых этнических процессов. Третье пленарное заседание “Этническое измерение федерализма” // <http://www.prof.msu.ru/publ/book/eifl.html>
- ² *Смирнов В.* Способствует ли российский федерализм решению национальных проблем? Третье пленарное заседание “Этническое измерение федерализма” // <http://www.prof.msu.ru/publ/book/eifl.html>
- ³ *Бусыгина И., Захаров А.* Федерализм. Общая тетрадь // Вестник Московской школы политических исследований. 2002. № 4 (23). С. 96–99.
- ⁴ *Кинг П.* Федерализм: многомерная модель исследования // Полис. 2000. № 5.
- ⁵ *Самохвалов А.* Федерализм в США, в Европе и в России // Свободная мысль. 2001. № 9. С. 41; *Фарукиши М.Х.* Федерализм и демократия: сложный баланс // Полис. 1997. № 6. С. 167.
- ⁶ *Petersen J.* Quo vadis, Italia? Ein Staat in der Krise. München, 1995. S. 64.
- ⁷ *Diamanti I.* Il male del Nord. Lega, localismo, secessione. Roma, 1996. S. 27–42.
- ⁸ Проблема самодостаточности этносов: теоретико-методологические вопросы. Казань, 1998. С. 97.
- ⁹ Этноконфессиональный мир против “ревности не по разуму” // НГ-религии. 1998. 15 июля. С. 2.
- ¹⁰ *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы. М., 1995.
- ¹¹ *Тишков В.А.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Исторические записки. Т. 1 (119). 1995. С. 120.
- ¹² *Скуратов Ю.* Выступление на Всероссийской научно-практической конференции “Государственно-правовые проблемы развития федерализма”. Стенограмма. Москва, 20 января 1998 г. М., 1998.
- ¹³ *Аришин А.Н.* Реформирование государственного устройства Российской Федерации: состояние и перспективы. М., 1999. С. 6.

Военно-гражданские отношения в государстве

Олег Лавров,
Северо-Западная академия госслужбы
(Санкт-Петербург)

Роль вооруженных сил в жизни российского общества и их влияние на население страны всегда были огромны. Армия была почитаема и любима народом. Армейскую школу мужества и героизма, порядка и дисциплины, ответственности и воспитания проходила основная часть мужчин нашей страны.

Армия в России всегда была важной частью общества в целом и составляла значительную долю самой массы “державного корабля”, что придавало ему остойчивость и инерционность. Редко участвуя в определении политического курса, армия не позволяла государственному кораблю делать поспешные маневры, резко менять направление движения. Не случайно события 1917 г. стали возможны именно вследствие её раскола. Как не случайно и то, что в преддверии 90-х годов XX в. первый сокрушительный и деморализующий удар “реформаторов” пришелся именно по армии.

Взаимоотношения между вооруженными силами и обществом, вооруженными силами и политикой интересовали людей на протяжении многих веков, однако в разное время глубина и интенсивность их изучения были различными.

Вот что, например, писал Месснер Е.Э. в работе “Российские офицеры” о роли армии в государстве и ее взаимосвязи с политикой в бытность Российской Империи: “Офицерство воспитывалось и воспитывало армию и флот в сознании, что войско является не только защитником Отечества от врагов внешних, но опорой Царского строя от врагов внутренних. Вопреки общеупотребительной, но ошибочной формуле “Армия вне политики”, армия была инструментом государственной политики, воспитывая солдат, а через них и весь народ, в преданности Вере, Царю и Отечеству”¹.

Во время существования СССР классовый подбор и непрерывные чистки армии, а также введение в армии институтов политкомиссаров (политработников) и особых отделов КГБ привели к тотальному государственно-политическому контролю над ней. До начала 90-х годов XX в. исследование взаимоотношений военных и гражданских в России находилось под запретом. Само выделение проблемы считалось вредным, так как априори предполагалось, что военные и гражданские живут в полном согласии, являются равноправными хозяевами страны, единодушно поддерживают политику государства и исповедуют единую идеологию.

Вопрос о взаимоотношениях армии и общества впервые полноштабно встал в конце XX в.

Из авторов, его изучающих, можно отметить Баранова Н., Владимирова А., Гольбаха П., Грабовского И., Дайсона Ф., Кузьмина Я., Малюкова С., Салуцкого А., Свечина А., Серебрянникова В., Степанову Е., Сумбатяна Ю., Шапошникова Б. и других. Большинство авторов рассматривают какую-либо узкую составную часть военно-гражданских отношений, а также не разясняют категорий "военные" и "гражданские", полагая их само собой разумеющимися.

Другие, напротив, доводят их до абсолютного противопоставления, считая, видимо, что они отражают различные миры – "мир военных", "мир гражданских", "сферы гражданской и военной жизни"².

Военно-гражданские отношения рассматриваются как взаимодействие двух сообществ (военного и гражданского), каждое из которых представляет собой сложную корпоративную структуру со своими интересами, принципами и организационной культурой. Ядром военного сообщества является его профессиональная часть – вооруженные силы. При этом в состав военного сообщества включены не только военнослужащие, но и гражданские служащие в вооруженных силах, отставники (резервисты), в той или иной мере сохранившие связь с вооруженными силами, а также военизированные подразделения других силовых ведомств.

Военные отличаются от гражданских образом жизни (готовностью в любой момент выполнить приказ, сменить место пребывания и т.д.), ограниченностью прав и свобод (запрещение состоять в политических партиях и движениях, заниматься предпринимательством, раз-

глашать определенные сведения о своей деятельности). Подобный образ жизни компенсируется обществом рядом привилегий и престижностью статуса военных, что зависит от возможностей общества и ситуации внутри общества.

Возникающие в процессе использования армии для решения вмененных ей задач военно-гражданские отношения распадаются на два больших блока: отношение гражданских к военным и отношение военных к гражданским.

По своему характеру каждый из этих блоков подразделяется на познавательные, чувственно-эмоциональные, поведенческие действия друг по отношению к другу. С точки зрения направленности, силы взаимодействия, влияния на общественную жизнь, военно-гражданские отношения бывают спокойно-гармоничными, стабилизирующими, взаимодоверительными, напряженно-противоречивыми, враждебно-конфликтными.

Они изменяются в связи с социальной и духовно-культурной эволюцией, особенно в связи с изменением отношения общества к войне и военному насилию в целом.

Относительно общности людей, которую можно назвать народом, и социального института – армии, военно-гражданские отношения делятся на отношения народа к армии и отношения армии к народу

Отношение народа к вооруженным силам бывает позитивным (священно-трепетное, романтически-любственное, уважительное, доверительное, заботливое и т.п.) или негативным (отстраненно-равнодушное, настороженное, неприязненное, враждебное). Эти отношения определяются многими факторами: международной обстановкой, состоянием и возможностями страны, историческими заслугами армии, степенью ее соответствия потребностям защиты, совпадением или расхождением ее морально-политического облика с ожиданиями на-

рода, авторитетом военно-политического руководства и верховного командования.

Отношение армии к народу бывает тоже весьма многообразным: благодарного слуги к заботливому хозяину, “бедной золушки” к злой мачехе, надсмотрщика, насильника, бездумного инструмента управления, устрашения, подчинения, дисциплинирования и т.д.

В вопросе взаимодействия общества и армии важным является внутренний аспект государства. Он подразумевает эффективность государства как системы государственного управления и экономического состояния, а также то, какое внимание уделяет общество и государство устранению недостатков, имеющих в этих взаимоотношениях. Этот аспект определяется природой общества, внешними и внутренними условиями, особенно политическим режимом. Одним из недостатков взаимоотношений является стремление общества гражданских конкурировать с обществом военных (и наоборот).

Интересны на этот счет мысли Гольбаха: “Если неблагоприятные обстоятельства заставляют какой-либо народ держать под ружьем большое количество солдат, то его защитники вскоре подчиняют его себе”³.

При господстве деспота, армия является самым опасным врагом Родины.

При относительно благоприятной геополитической ситуации в мире и внутренней ситуации в государстве недостатки взаимоотношений общества и армии малозначительны. В этом случае вероятность возникновения войны или внутреннего конфликта низка. Соответственно, незначителен фактор социальной на-

пряженности, той напряженности, которая может появиться в обществе ввиду какого-нибудь неправильного, непродуманного или непринятого гражданами действия со стороны государственной власти, либо возникших трений между самими гражданами. В случае возникновения напряженности в обществе неминуемо возникновение напряженности и в армии, как неотъемлемой его части.

Политические факторы социальной напряженности в вооруженных силах, прежде всего, обусловлены деятельностью органов государственной власти, политических партий и общественных движений в сферах, затрагивающих вопросы безопасности страны и военного строительства, использования вооруженных сил для решения как внешнеполитических, так и внутригосударственных задач.

Опыт нашей истории показал, что военно-гражданские отношения могут стать как причиной развала армии и государства, так и источником их могущества. Источником силы они могут стать только тогда, когда систему военно-гражданских отношений формирует общество и навязывает ее государству.

Отношение общества к армии определяется тем, насколько она служит его интересам, содействует всестороннему прогрессу. Если эти показатели не будут соответствовать необходимому уровню, то появляется вероятность возникновения различных проблем, в корне которых лежит это несоответствие.

Можно выделить шесть основных проблем, которые влияют на взаимоотношения армии и общества.

Первой из важнейших проблем армии является низкий престиж сре-

ди граждан России, как Вооруженных Сил Российской Федерации, так и военной службы. Не секрет, что в последние годы престиж военной профессии упал как среди населения страны, так и среди военных кадров.

Об этом, к примеру, свидетельствует практика набора в военные училища и ход призыва в ряды вооруженных сил молодежи. Престиж армейской службы снизился до критической отметки, а молодые люди и их родители просто запуганы армейскими трудностями и лишениями.

Атмосфера в казармах зависит от того, кто попадает на срочную службу.

В настоящее время 40% призывников на момент призыва нигде не работают и не учатся, 16% имеют очень низкий уровень образования.

Попадают по-прежнему в части и солдаты со снятой или непогашенной судимостью.

Отсюда видно, что армия не оторвана от народа. Вместе с народом она ощущает на себе трудности жизни, последствия политических и экономических реформ, сложность и остроту межнациональных отношений в ряде регионов страны. Бурная политизация жизни общества накладывает свой отпечаток на настроения в армейской среде.

Как России в целом, так и армии в частности, **нужна национальная идея** и вытекающая из нее национальная военная идеология, которая может стать основой сопряжения и гармонизации военно-гражданских отношений, основой государственной идеологии воинской службы. Институтом, который смог бы сформировать эту идею, должно стать государство.

Национальная идея – это всегда какой-то положительный образ.

Составной частью разработки национальной идеи является создание положительного образа Вооруженных Сил Российской Федерации сначала в глазах самих граждан России, а затем и народов других стран. Объединение общества должно начаться с решения задачи изменения репутации армии в сторону позитива.

Репутация армии – это потенциал ее развития, важнейший фактор влияния на те или иные качественные процессы, либо ускоряющие, либо тормозящие ее строительство в целом. Хотя имеется некоторая поляризация мнений, пока что сформировавшийся в общественном сознании образ армии работает, в основном, против нее.

Преодоление негативного отношения общества к армии невозможно без проведения целенаправленной эффективной работы по изменению облика вооруженных сил.

В связи со сказанным встает *вторая проблема*: о **вооруженных силах** как объекте политического влияния и возможных последствиях этого влияния. Основным фактором здесь является степень присутствия политики в вооруженных силах. По этому вопросу имеются два противоположных мнения:

1. Вооруженные силы должны последовательно выводиться из сферы политической борьбы. Нельзя допускать политической поляризации среди военнослужащих. Армия не должна принимать политических решений.

2. Требуется максимальное вмешательство государственной власти во все дела армии, включающие назначение специальных, наделенных большими полномочиями президентских представителей во все структу-

ры вооруженных сил, вплоть до каждой воинской части.

У каждой из этих идей есть свои сторонники и свои противники.

Например, приверженцем первой идеи является Элеонора Рузвельт, которая в одной из своих работ излагает мысль о недопущении политики в вооруженных силах. Она писала: "Военные, вступающие на поприще политики или дипломатии, должны сначала подать в отставку и порвать всякую связь с вооруженными силами"⁴.

Вторую позицию поддерживает С.Малюков, исследующий вопрос о взаимосвязи армии и политики.

Он пишет: "Понимание лозунга "Армия вне политики" как абсолютное исключение армии из политической сферы, отстранение ее от политики расходится с той реальной ролью, которую выполняли вооруженные силы в конфликтах на территории бывшего СССР и в межгосударственной политике с ближним зарубежьем. Будучи, по сути, специфическим средством государства (властного политического института), армия не может существовать вне политики. Представления же об "армии вне политики" имеют рациональный смысл только в том понимании, что вооруженные силы не должны быть средством и проводником конъюнктурной и антиконституционной политики, тем более политики негосударственных политических образований (партий, организаций и движений)"⁵.

Одним из предназначений вооруженных сил является защита государства от войны с помощью ведения военных действий, проявляющихся "из той политической обстановки, которая порождает войну. Работа над определением характера предстоящей войны требует усилий и политика и стратега. В его высшей плоскости военное искусство становится политикой... Политическое руководство не должно ограничиваться открытием военных действий, но должно проходить непрерывной нитью через всю войну, политические требования должны быть учитываемы при решении каждого вопроса"⁶.

Также можно отметить, что политика определяет численность воору-

женных сил, которые необходимо держать в мирное время или мобилизовать для войны, а ответственность за эту политику падает на правительство⁷.

Политический и экономический планы не ограничиваются рамками какого-либо одного ведомства; политические и экономические директивы, вытекающие из них, должны пронизывать всю государственную деятельность и являются, прежде всего, обязательными и для военного ведомства.

Из сказанного можно сделать вывод, что разлучить политику и армию не представляется возможным.

Третья проблема включает в себя **связь между партийными структурами и армией.**

Армия – это элемент государства, а не партии. И никакая партия не должна руководить вооруженными силами. Армия должна быть руководима только высшим органом государственной власти. Однако вооруженные силы часто являются объектом политических игр.

В программах различных партий избирателям предлагаются разнообразные проекты связанных с армией законов. Кроме того, всегда есть скрытые формы вовлечения армии в политическую жизнь.

Так, общественно-политические движения, партии стремятся привлечь армию на свою сторону, сделать ее союзником и доброжелателем, просто сочувствующим или не мешающим в борьбе. Это делается посредством программ, специальных обращений к военнослужащим, выступлений перед ними, провозглашений проектов укрепления и совершенствования армии, улучшения жизни военных.

Охота за поддержкой армии обостряется в периоды выборов, кризисов, взлетов социальной напряженности.

На протяжении истории человечества выработало различные формы взаимодействия политических партий с армией:

1. Монополярная партизация армии правящей партией. При этом армия непосредственно подчиняется правящей партии, деятельность других партий в ней запрещена.

2. Жесткая департизация. Деятельность любых партий в армии запрещена. Жесткая департизация означает полного разрыва связей между армией и политическими партиями. Важно, что в этом случае командованию запрещается вести агитацию среди своих подчиненных.

3. Гибкая композиция. При этом партии не имеют организаций в армии и не ведут в ней работу, как в первом случае. Однако военнослужащим разрешается состоять в партиях, вести партийную работу вне воинских частей во внеслужебное время и без формы.

4. Плюралистическая партизация. Часто используется в ходе революций с целью развалить верную старую армию, ослабить ее внутренними противоречиями.

5. Конспиративная партизация. Тайное проникновение партий в армию, создание в ней конспиративных групп и организаций. Характерна для диктаторских и тоталитарных государств.

6. Милитаризация партии. Создание партией своих боевых отрядов и групп, вооруженных сил. Обеспечение членов партии личным оружием. Характерна для государств, в которых ведутся повстанческие действия, вооруженная борьба за смену политического строя или власти⁸.

Что может произойти, если руководящий состав вооруженных сил будет вступать в партии?

Наличие в армии офицеров различных партий, при некоторых обстоятельствах, может привести к столкновениям внутри армии. Она может перестать быть управляемой. Люди с оружием под партийным нажимом пойдут против чего и кого угодно. Чтобы такого не произошло, необходимо выведение армии из-под партийного влияния. В связи с этим федеральным законом "Об обороне" вводится ограничение на деятельность политических партий и общественных объединений, а также ведение любой политической пропаганды и агитации в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах.

Однако военнослужащие как равноправные представители российского общества, в соответствии с федеральным законом "О статусе военнослужащих", имеют право состоять в общественных, в том числе религиозных, объединениях, не преследующих политические цели, а также, в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, законами субъектов Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в референдуме и в других формах осуществления местного самоуправления.

Четвертой проблемой является степень обладания военными государственной властью.

На практике она весьма различна: от нулевой до значительной и даже полной. Их властное положение может ослабевать или укрепляться, они могут находиться в подчиненном положении или верхово-

дить во властном механизме, но чаще всего их истинная роль тщательно маскируется.

Поэтому уместно говорить о степени милитаризованности власти. В качестве ее объективного критерия надо установить, какое начало – гражданское или военное – определяет государственную политику, выдвижение и смещение высших должностных лиц, изменение механизма управления страной, цели и масштабы применения военной силы в осуществлении политической воли.

Некоторые исследователи полагают, что подавляющее присутствие гражданских в высших законодательных, исполнительных и судебных органах автоматически обеспечивает им власть, в том числе и над армией. Тем не менее, военные, находящиеся во властных структурах и опирающиеся на поддержку армии, обладают влиянием, многократно превышающим их численность. Поэтому политика гражданской власти, если в нее вкраплены армейские представители, может стать военизированной. Политики, поддерживаемые армией, обретают подавляющее превосходство над другими. Разумеется, нельзя забывать, что среди гражданских политиков также есть немало людей, поклоняющихся силе. Они способны подогреть воинственные настроения среди самих военных. Это стимулирует воинственный подход к решению политических проблем.

Отсюда можно сделать вывод, что “опасность военной дипломатии очевидна; военные имеют в своем распоряжении армию, а армия будет прогрессивной силой лишь до тех пор, пока она служит орудием про-

грессивной внешней политики⁴. Вот почему, как бы авторитетны и благородны ни были эти люди, они не должны иметь возможности одновременно руководить и внешней политикой и вооруженными силами”.

Пятой проблемой являются **трудности военной социализации гражданских и гражданской социализации военных**, появляющиеся в связи с тем, что военные возникают из гражданских, и, в конечном счете, возвращаются в их структуру. Соответственно, и военно-гражданские отношения в обществе во многом зависят от процесса формирования военных из гражданских и, наоборот, гражданской социализации военных.

Социализация в роли военного требует большего опыта, чем для обычной гражданской жизни, так как не только дает возможность общаться между собой посредством освоенных социальных ролей, но и обеспечивает сохранение общества. Хотя количество его членов постоянно меняется, так как люди рождаются и умирают, социализация способствует сохранению самого общества, прививая новым гражданам общепринятые идеалы, ценности, образцы поведения.

Шестой проблемой является **присутствие демократических настроений в армии**.

В демократическом государстве любое действие государственного служащего (включая лиц, находящихся на военной службе) должно, в конечном итоге, исходить от выбранного официального лица или являться следствием закона.

Военный человек живет и действует по закону военной организации, по принципу единоначалия,

когда приказы выполняются беспрекословно и обсуждению не подлежат. Из этого ясно, что основные принципы функционирования военных структур противоречат принципам демократического общества.

Проще говоря, в армии не может быть демократии: система единоначалия, без которой армия не может существовать, предполагает наличие иерархии, начальников и подчиненных, приказа и его выполнения. Военные структуры не могут строиться на демократических принципах.

Это не означает, что армия обязательно должна быть антидемократическим институтом. Все, что направлено на укрепление армейских устоев, единоначалия, армией принимается, но отвергается то, что противоречит этим принципам. Иначе армия не будет армией. Здесь также можно отметить, что при демократическом режиме нахождение военных в структурах власти неизбежно втягивает армию в политическую борьбу.

Производным от указанных основных проблем является **показатель вовлечения армии в политику**, вытекающий из социально-политической сущности армии в силу следующих причин:

1. Армия всегда была и остается государственной организацией, важнейшим орудием политической власти, и, как правило, ее строительство и деятельность есть реализация четко определенных и оформленных политических установок, политических решений, политических действий.

2. Армия – элемент политической надстройки общества. Она является одним из главных субъектов силовой политики, инструментом в руках господствующих классов, слоев и

групп при проведении ими своей политики иными, насильственными средствами.

3. Армия выступает в качестве инструмента политики, то есть института, за который идет борьба классов, партий, социальных групп. Это объект руководства со стороны государственных органов и специально создаваемых структур управления для непосредственного воздействия на вооруженные силы.

4. Армия всегда находилась и находится в центре политических процессов из-за того, что она является наиболее мобильным, организованным, дисциплинированным и, самое главное, владеющим оружием институтом государства.

5. Армия во многих случаях могла обеспечить достижение тех политических целей, которые ставило перед собой руководство государства, а также выступала и выступает той силой, которая гарантирует стабильность сформировавшегося политического режима.

6. Армия – наиболее стабильный и политически инертный институт государства.

Большинство государственных структур ликвидируются, самораспускаются, уходят в отставку. Вооруженные силы, как правило, претерпевают незначительное реформирование, оставаясь опорой политической группировки, которая пришла к власти.

Именно эти причины, вытекающие из внутренней сущности армии, при нарушении социально-политической стабильности и назревании конфликтной ситуации позволяют государству опереться на вооруженные силы для изменения политической ситуации в обществе. Тем са-

мым армия втягивается в политическую борьбу и, соответственно, испытывает усиление политического воздействия.

Индикаторами и показателями степени вовлеченности армии в политическую борьбу выступают:

– факты наличия в ней очагов открытой конфронтации с высшим военно-политическим руководством и властью в целом;

– “мятежные” генералы и их окружение;

– “неблагополучные” в политическом отношении части, соединения и объединения;

– возможность применения и реальное применение армии в разрешении внутривойсковых конфликтов;

– участие военнослужащих, а также запасников и отставников в политических кампаниях;

– политические ориентации, пристрастия, предпочтения военнослужащих, результаты их голосования на выборах и референдумах⁹.

Итак, военно-гражданские отношения делятся на отношения народа к армии и армии к народу.

Во взаимоотношениях общества и армии важным является внутренний аспект государства, который зависит от многих причин, в том числе от фактора социальной напряженности в обществе, существует тесная взаимосвязь между вооруженными силами и государственной политикой. При этом вооруженные силы являются неотъемлемой частью общества и современная армия не живет вне внутренней политики¹⁰.

Примечания

¹ Месснер Е. Российские офицеры. (Е. Месснер, С. Вакар, Ф. Вербицкий и др. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания / Сост.: А.И. Каменев, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов, А.Е. Савинкин. Ред. А.Е. Савинкин). М.: Военный университет: Русский путь, 2000 // Российский военный сборник. № 17. С. 136.

² Дайсон Ф. Оружие и надежда. М.: Прогресс, 1990.

³ Гольбах П.А. Избранные произведения. В 2-х томах. М., 1963.

⁴ Рузвельт Э. Его глазами. Пер. с англ. А.Д. Гуревича и Д.Э. Кушиной. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. С. 253, 252.

⁵ Малоков С. Армия и политика // Обозреватель–Observer. 1994. № 14.

⁶ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.: Воениздат, 1928. С. 22.

⁷ Свечин А.А. Стратегия. М.: Военный вестник, 1927.

⁸ Баранов Н.А. Армия, политика, человек // Мировая политика и идейные парадигмы эпохи. Сборник статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. 2004. С. 43–51.

⁹ Серебрянников В.В. Армия в общественно-политических взаимодействиях // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 67–74.

¹⁰ Шапошников Б.М. Мозг армии. М.: Воениздат, 1927.

Регулирование монополизма в Евросоюзе

Алексей Толоконников

Ст. 86 Римского договора о создании Европейского экономического сообщества 1957 г. (*Римский договор*) предусматривает, что любое злоупотребление доминирующим положением в пределах общего рынка Европейского союза (ЕС) или значительной его части со стороны одного или нескольких предприятий запрещается как несовместимое с принципами общего рынка ЕС (*Общий рынок*). Такое злоупотребление может выражаться в прямом или косвенном фиксировании несправедливых покупных или продажных цен или несправедливых торговых условий; снижении объемов производства, маркетинга и технического развития в ущерб потребителям; применении неравных условий к аналогичным сделкам с другими торговыми партнерами; заключении контрактов при согласии других сторон, имеющих дополнительные обязательства, которые по своему характеру или согласно коммерческому обычаю не имеют отношения к предмету контракта.

Субъектом данного нарушения может быть как одно предприятие, так и несколько. Несколько предприятий совместно занимают доминирующее положение чаще всего, когда речь идет о группе юридически независимых, но экономически связанных предприятий (группе компаний). Однако теоретически возможно и злоупотребление доминирующим положением несколькими юридически и экономически независимыми предприятиями.

Ст. 86 Римского договора не содержит четкого определения понятия “*доминирующее положение*”. Его толкование содержится в довольно обширной правоприменительной практике по данному вопросу.

Правоприменительные органы ЕС при применении норм о злоупотреблении доминирующим положением руководствуются так называемым принципом легальных предположений, который в существенной мере облегчает процесс доказывания факта доминирующего положения. Согласно мнению, сформулированному Европейским судом, предприятие признается доминирующим, если оно располагает возможностью такого

поведения на рынке, которое не может быть ограничено конкурентной средой без внешнего вмешательства.

Факт доминирующего положения на рынке доказывается путем выявления относительной доли монополиста на рынке, путем установления факта наличия договорных отношений монополиста с потенциальными конкурентами; особой системы взаимоотношений с заказчиками и поставщиками, не отвечающей принципам справедливой конкуренции на соответствующем рынке.

При установлении факта доминирующего положения на рынке учитывается финансовый потенциал монополиста, отсутствие конкурентов, наличие потенциальной зависимости третьих лиц от монополиста.

Чтобы определить наличие доминирующего положение на рынке, необходимо определить границы соответствующего рынка. В ст. 86 Римского договора говорится об Общем рынке или части его. Все пространство Общего рынка – это максимальная территориальная граница, совпадающая с внешними границами государств-членов ЕС. Однако в некоторых случаях речь может идти и об определенных локальных рынках в рамках территории Общего рынка. Кроме того, речь должна идти о конкретном рынке того или иного товара. При этом в расчет обычно принимается аналогичный товар и товары-заменители, так как они могут свободно конкурировать в процессе обращения.

Анализ того, являются ли товары или услуги одинаковыми или взаимозаменяемыми не раз вызывал сложности в правоприменительной деятельности.

В конце концов, в 1973 г. Европейский суд в решении по делу *"Europeemballage and Continental v. Commission"* пришел к выводу, что факт сходства или взаимозаменяемости товаров или услуг должен устанавливаться в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств и условий функционирования соответствующего рынка и с учетом *"тех признаков данного товара, которые делают его (а) наиболее подходящим для удовлетворения остающейся постоянной потребности и (б) лишь в малой степени заменимым другими товарами"*. Так, Европейский суд не согласился с тем, что бананы заменимы другими свежими фруктами, а витамины взаимозаменяемы, поскольку бананы и витамины обладают специфическими индивидуальными особенностями.

В то же время, Европейский суд признал взаимозаменяемость упаковок из легких металлов для мясных и рыбных консервов и упаковок из легких металлов для других продуктов.

Определив размеры рынка, можно установить долю, достаточную для доминирования. В одних случаях доля присутствия предприятия настолько велика, что один лишь ее размер однозначно свидетельствует о доминирующем положении. В других случаях, когда размер этой доли меньше, вопрос о том, является ли положение компании доминирующим, решается с учетом и других факторов. В частности, важное значение может иметь доля других компаний на данном рынке.

Так, например, если компания производит всего 20% от общего объема товара, присутствующего на рынке, а остальные 60% распределены между множеством мелких производителей, можно говорить о доминирующем положении.

В некоторых случаях принимается в расчет и степень открытости рынка – возможность проникновения на него других участников. Может иметь значение и политика, осуществляемая на рынке рассматриваемым предприятием.

Первым из правоприменительных актов по данной проблеме стало решение Европейской комиссии по делу *"GEMA"*. Позиция Европейской комиссии по этому делу была основана преимущественно на экономических понятиях, таких как *товарный рынок, географическое положение рынка, временной фактор*.

Юридические критерии для определения *"доминирующего положения"*, были сформулированы в решении по делу *"United Brands"*.

Под доминирующим положением в нем понимается *"экономическое господство предприятия, позволяющее ему ограничи-*

вать свободную конкуренцию в определенной рыночной сфере и предоставляющее предприятию возможность сохранять значительную независимость от своих конкурентов, клиентов и в целом от потребителей”.

В решении по делу *"Hoffmann-La Roche"* Европейский суд добавил, что среди прочих факторов особое внимание уделяется наличию крупной доли предприятия на рынке. Точные размеры такой доли участия Европейским судом не были определены.

В деле *"United Brands"* было установлено, что такой долей является 40–45%, хотя во внимание были приняты и другие факторы.

В то же время в деле *"Hoffmann-La Roche"* Европейский суд отменил решение Европейской комиссии, установившей доминирующее положение предприятия на рынке витаминов при 43% доле всего рыночного объема, так как никаких иных доводов в пользу решения Европейской комиссией приведено не было.

В то же время в этом же решении Европейский суд подчеркнул, что наличие 50% доли на рынке является само по себе достаточным фактором для квалификации положения предприятия как доминирующего.

Среди иных факторов, применяемых при определении доминирующего положения, можно выделить соотношение между долями предприятия и его ближайших конкурентов, технологическое преимущество предприятия над своими конкурентами, наличие высокоразвитой системы продаж и отсутствие потенциальных конкурентов.

В доктрине существует два подхода к доминирующему положению.

Согласно одному из них, сама по себе доминирующая позиция считается неправомерной. Реализация данного подхода на практике приво-

дит к созданию законодательных препятствий для роста предприятий до таких масштабов, когда их положение становится доминирующим. Предприятия, уже достигшие доминирующего положения, подвергаются специальным мерам для изменения этой ситуации – реструктуризации.

Согласно второму подходу само по себе доминирующее положение является правомерным, неправомерно только злоупотребление таким положением. Однако доминирующее положение делает предприятие объектом более пристального внимания контролирующих органов, поскольку оно создает объективную возможность для подавления конкуренции.

Законодательство ЕС строится на основании второго подхода. В практике Европейского суда была сформулирована позиция, согласно которой доминирующее положение предприятия само по себе является правомерным, но налагает на предприятие обязанность воздерживаться от поведения, нарушающего конкуренцию на территории Общего рынка.

Таким образом, применение норм ст. 86 Римского договора требует, чтобы предприятие не злоупотребляло своим доминирующим положением. Такими злоупотреблениями в самом общем виде признаются объединения нескольких юридических лиц, отказ в поставке, ценовая дискриминация, установление грабительских цен.

Понятие злоупотребления доминирующим положением было дано Европейским судом по делу *"Hoffmann-La Roche v. Commission"*. Суд указал, что концепция злоупотребления связана с поведением предприятия, занимающего доминирующее положение. Это поведение должно быть

таковым, чтобы само присутствие этого предприятия на рынке приводило к ослаблению конкуренции. Такое поведение характеризуется действиями, отличными от тех, которые предприятия совершают при нормальной конкуренции, и приводит к затруднению поддержания конкуренции или препятствует ее развитию. При этом такие действия должны находиться в причинной связи с наличием доминирующего положения. Субъективная сторона поведения предприятия значения не имеет. Неважно, произошло ли злоупотребление умышленно или в результате пренебрежения интересами конкурентов или потребителей. При этом Европейский суд особо подчеркнул, что злоупотребление доминирующим положением является основанием для применения ст. 86 Римского договора, только если оно оказывает негативное воздействие на торговлю между государствами-членами ЕС.

Перечень наиболее типичных случаев злоупотребления доминирующим положением приведен в ч. 2 ст. 86 Римского договора. К их числу были отнесены:

1. *Навязывание прямо или косвенно несправедливых цен купли-продажи или других несправедливых условий торговли.*

Неоправданно высокие цены могут навязываться продавцом, занимающим доминирующее положение. В ряде решений Европейского суда несправедливая цена рассматривается как цена, существенно превышающая себестоимость товара. Однако, как обоснованно отмечалось рядом авторов, такой подход основан на неоправданном упрощении действия рыночного механизма. Высокие прибыли предприятия, полученные в результате того, что себестоимость продукции на нем ниже средней, могут быть результатом высокой эффективности функционирования предприятия, его лучшей технической оснащенности. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо тщательно проверять, была ли цена действительно завышена в результате доминирующего положения. Возможно и на-

меренное занижение производителем, занимающим доминирующее положение, цены, по которой продается товар, чтобы вытеснить с рынка экономически менее мощных конкурентов. При этом производитель несет временные потери, но затем, когда его конкуренты, не выдержав такого соревнования, уйдут с рынка, он останется на нем абсолютным монополистом. В отдельных случаях, при ограниченности рынка сбыта покупатель товара, занимающий доминирующее положение, может диктовать его продавцам неоправданно низкие цены.

2. *Предприятия, занимающие доминирующее положение, могут ограничить производство или техническое развитие в ущерб потребителям.*

Поскольку предприятие, занимающее доминирующее положение, действует на рынке в условиях отсутствия конкуренции, обычно стимулирующей к расширению рынка и улучшению качества товара, чтобы выиграть в конкурентной борьбе, оно может вместо этого уменьшить производство товара, снизить уровень инвестиций на осуществление исследований, направленных на повышение его качества.

3. *Злоупотреблением признается применение к одинаковым сделкам с различными партнерами неодинаковых условий торговли, ставящих их в неблагоприятные условия.*

Речь идет о намеренной дискриминации торговых партнеров, преследующей цель ограничения конкуренции. Предприятия, занимающие доминирующее положение, в некоторых случаях могут злоупотребить им, отказавшись от совершения сделок, не выходящих за рамки обычной деловой практики и обычно совершаемых с данным или с любым контрагентом. В ряде решений Европейского суда был выработан подход к данному виду злоупотреблений. Предприятие, занимающее доминирующее положение на рынке, не вправе отказаться от совершения сделок с предприятием, которое являлось его постоянным клиентом. В частности, предприятие, контролирующее рынок сырья, не вправе отказаться от

его продажи перерабатывающему предприятию, которому оно осуществляло постоянные поставки, на том основании, что оно само намерено заняться переработкой этого сырья. Отказ от продолжения деловых отношений в данном случае является действием, направленным на вытеснение с рынка конкурента путем использования доминирующей позиции на рынке.

4. *Запрещено ставить условия о принятии контрагентом дополнительных обязательств, которые по своему характеру или в соответствии со сложившейся торговой практикой не связаны с предметом заключаемого договора.*

В данном случае речь идет об условии продажи одних товаров покупкой других, навязыванием контрагенту других невыгодных условий.

Римский договор уделяет особое внимание понятию коллективного доминирования на рынке, которое, в свою очередь, конкретизируется в практике Европейского суда. Выделяют три условия, при наличии которых имеются основания утверждать о наличии коллективного доминирования:

– Каждый субъект коллективного доминирования должен иметь возможность с незначительными издержками получать информацию о том, как ведут себя другие субъекты коллективного доминирования. Это необходимо для обеспечения эффективности мониторинга на предмет соответствия данных действий установленным общим целям. Большое значение имеет результат анализа информационной структуры рынка, указывающий на применяемые механизмы производства, передачи и использования информации участниками рынка, а также на содержание передаваемой информации.

– Участники коллективного доминирования должны обладать возможностями воздействия на того хозяйствующего субъекта, который в случае существования ограничивающего конкуренцию соглашения, а также согласованных действий, не предполагающих достижения формального или неформального соглашения, отклоняется от общей политики на данном рынке.

– Ожидаемая реакция конкурентов как действующих, так и потенциальных, не должна оказывать ощутимого влияния на ожидаемые результаты согласованных действий (общей политики участников коллективного доминирования на целевом рынке).

Таким образом, экономическое содержание коллективного доминирования определяется как особое состояние структуры рынка, которое предполагает возможность оказания решающего влияния на условия обращения товара на рынке со стороны двух и более хозяйствующих субъектов при сравнительно невысоком уровне издержек на координацию их действий.

Применяя положения ст. 86 Римского договора Европейский суд в своем решении по делу "ECS/AKZO" постановил, что доминирующие на рынке предприятия не могут устанавливать цены ниже средне переменных и средних общих затрат, если цены являются частью плана борьбы с конкурентами.

В отличие от ч. 2 ст. 85 Римского договора ст. 86 напрямую не устанавливает последствий злоупотребления доминирующим положением (применение уполномоченными органами ЕС штрафов сводятся не к констатации злоупотребления, а к установлению факта нарушающих конкуренцию договоренностей). Поэтому его последствия регулируются применимым правом соответствующего национального государ-

ства-члена ЕС. Вопрос о применимом праве в данной ситуации разрешается на основе коллизионных норм международного частного права.

Представляется, что конструкция ответственности за злоупотребление доминирующим положением согласно законодательству ЕС восприняла аналогичные по содержанию нормативные модели национального законодательства государств-членов ЕС. В частности, в случае злоупотреблений доминирующим положением не требуется доказательств вины субъекта. Достаточно лишь самого факта злоупотребления и нарушения целей Общего рынка, а также наличия помех в торговле между государствами-членами. Таким образом, по сути, применяется *конструкция* так называемого *объективного злоупотребления*.

Между тем, акцент при анализе проблемы злоупотребления доминирующим положением, особенно, в его коллективном варианте, вновь ставится на согласованных действиях, соглашениях и иных договоренностях хозяйствующих субъектов, совершенных в той или иной форме.

В этой связи следует отметить, что европейское антимонопольное

законодательство и принимаемые на основе европейских региональных правовых актов национальные законы закрепляют два самостоятельных способа противодействия такого рода договоренностям – *гражданско-правовой и административно-правовой*.

В первом случае лицо, чьи права ущемлены, вправе подать в суд иск о признании недействительным соответствующего соглашения или о признании незаконными согласованных действий. Кроме того, к числу форм гражданско-правовой защиты от монополистических действий отнесен иск о понуждении монополиста к заключению договора на недискриминационных условиях.

Во втором случае уполномоченный национальный государственный орган или орган ЕС во внесудебном порядке признает соответствующее соглашение недействительным, а согласованные действия незаконными и применяет штрафные санкции к виновному лицу. К числу мер административного воздействия также отнесено применение так называемых структурных мер, как правило, сводящихся к принудительной реструктуризации монополистического образования.

В своем докладе на заседании Европейской комиссии по вопросам применения антимонопольного права ЕС бывший комиссар Европейской комиссии М.Монти отметил, что для эффективного противодействия монополистическим действиям необходимо сочетание административных и гражданско-правовых механизмов воздействия на монополистов.

Было отмечено, что достижение целей антимонопольного законодательства ЕС невозможно без активных действий со стороны национальных административных и судебных органов государств-членов ЕС.

Теракты и общественное мнение

Владислав Долгий,
кандидат социологических наук

*“Наши страсти делают мир живым.
Наши коллективные страсти созидают
историю человечества. Ни одно общественно-политическое начинание не может отлиться в жесткие формы государственных границ, правительств, армии, флота, школ и дорог, законов и постановлений, до тех пор, пока людине дадут своим коллективным страстям объединить себя.*

Разные правительства, разные цивилизации будут культивировать и эксплуатировать их, или наоборот, подавлять и ограничивать те или иные страсти нашей души...”

Огейн Розеншток-Хюсси

“Великие революции.

Автобиография западного человека”

Террористические акты еще в большей мере, чем агитационные кампании, способны оказывать влияние на общественное мнение, так как подвергают его воздействию весьма чувствительных раздражителей. Они приносят в сознание широких масс озабоченность и возмущение, создавая тем самым благоприятную среду для распространения политических призывов или этических предписаний. При определенных обстоятельствах этого достаточно, чтобы спровоцировать конфликт в системе общепринятых ценностей, инициировать процессы их переосмысления в выгодном для заинтересованных сил направлении.

Этот процесс имеет форму циклического движения, отправной точкой которого являются спонтанные реакции огромного количества людей на действия террористов. Их замыкающей выступает общественное признание определенных идеологических концепций, юридических актов, моральных воззрений. Он может длиться от десятка календарных месяцев до жизни целых поколений. Хотя его итоги и продолжительность зависят, в конечном счете, от остроты сопутствующих социально-экономических проблем, религиозных, этнических или геополитических разногласий. Террористическая деятельность иг-

рает, однако, в данном случае свою, особую роль катализатора политических, классовых и иных трений, позволяет вырваться наружу фобиям и протестным настроениям, сдерживаемым до определенного момента общественными отношениями. Ее дестабилизирующее влияние на равновесие сложившихся взглядов и нравов происходит вне зависимости от того, ставится осознанно такая цель или нет. В подобных условиях возникают предпосылки для популяризации идеологических течений, пользовавшихся ранее успехом в основном в маргинальных кругах.

Наиболее масштабными и массовыми становятся террористические объединения, выросшие из просветительских и миссионерских традиций.

Так, пропагандистские демарши "Земли и Воли" и "Черного передела" привели сотни русских интеллигентов-разночинцев в XIX в. в анархические, а затем марксистские группировки. Многочисленные последователи джихада в арабском мире, как и иранские фундаменталисты, появились благодаря активности исламистских проповедников.

Популярность террористических методов имеет тенденцию к росту по мере ограничения у их адептов доступа к открытой и равноправной полемике со своими оппонентами. Поэтому, как правило, наибольшей востребованностью эти методы пользуются у подпольных экстремистских организаций со скромным финансированием, для которых терроризм является практически единственным способом привлечь к себе внимание общественности, попытаться обратить ее из пассивного наблюдателя в активного союзника.

Терроризм как метод воздействия на сознание общества проявляется как умение превращать вероломные убийства в акт героической борьбы, или наполнять их каким-либо иным высоким смыслом. Ключевым фактором становится способность внедрить в общепринятые представления идеологические догмы, которые отвечали бы чаяниям и ожиданиям широких слоев населения и оправдывали бы проявления их агрессивных инстинктов, предлагая логичное и недвусмысленное объяснение событий. Эти догмы в большинстве своем имеют социально-философскую, религиозную или национально-патри-

отическую окраску, что, в принципе, не исключает существования и других разновидностей.

Плодами таких усилий становятся довольно пестрый перечень учений и принципов, черпающих жизнестойкость в образах героев-мучеников, тираноборцев, самодостаточных нигилистов и т.п. Наиболее дальновидные из участников этого процесса изначально придают предлагаемым ими идейным постулатам достаточную универсальность и гибкость с тем, чтобы со временем они могли отвечать меняющейся конъюнктуре ожиданий их последователей. Однако каким бы ни было их концептуальное обрамление, его ценность с точки зрения конечных целей террора определяется способностью резонировать с подавляемыми социумом амбициями, преобразовать заостреннее чувство угнетенности в каскад освободившихся страстей и наоборот.

Террористическим группировкам, которые делают расчет на результативную обработку общественного и индивидуального сознания, приходится считаться с носителями конфронтационных идей, как минимум, с трех точек зрения. Первая из которых объединяет их активных сторонников и сочувствующих. Вторая – тех, кто не приемлет лозунги террористов. К третьей же относятся люди со значительно атрофирован-

ным чувством социальной ответственности, которые склоняются в пользу более успешной из противостоящих сторон.

Пропорциональное распределение представителей этих трех страт зависит от конкретного случая, а их географическое нахождение может не совпадать с границами страны и даже региона. Так, террористические организации, за которыми стоят национальные меньшинства, как правило, делают расчет на консолидацию своей диаспоры за рубежом. Некоторые исламистские формирования в борьбе за источники финансирования стремятся произвести впечатление, на элиты арабских стран.

Энергия громадной людской массы, пребывающей в нервном возмущении, становится объектом притязаний не только террористических движений, но и других сколько-нибудь значительных сил от политических партий до религиозных сект. Каждая из них стремится получить право на ее эксплуатацию, для чего по мере возможностей создает собственные идеологические ниши, пытаясь с их помощью получить рычаги управления мыслями и действиями выбитого из равновесия общества. Однако практические шаги многих из таких структур предопределены особенностями их положения в конъюнктуре политических и общественных объединений.

В подавляющем большинстве случаев правящим кругам ничего не остается, как призывать общество к консолидации вокруг установленного порядка. Оппозиционным партиям приходится критиковать их курс, указывая на неспособность обеспечивать безопасность граждан, а неформальным молодежным и религиозным организациям отстаивать свое видение ситуации. Эти меры в целом вполне обоснованы, так как

при появлении депрессивных явлений в социально-экономической сфере и в условиях неоднородности политического ландшафта последствия терактов могут привести к существенному перераспределению баланса общественных симпатий и антипатий.

Подверженность влиянию террористических актов сознание различных социальных групп определяется преобладающими в их среде ценностными ориентирами, стереотипами мышления и поведения. Наиболее чувствительными в этом смысле являются те слои общества, у которых сильны критические и негативные настроения по отношению к окружающим реалиям. Вместе с тем у них сохраняются надежды на улучшение своего положения, часто не связанные с конкретными планами, а потому опирающиеся на утопические домыслы. Этим объясняется восприимчивость к террористическим призывам образованной, но малоимущей молодежи, не сумевшей найти себе полноценное применение в жизни.

Для боевых экстремистских организаций эта социально-демографическая группа представляет превосходную среду для рекрутирования новых членов. Она также является наиболее мощным транслятором для выдвигаемых террористами лозунгов. Её провокационно агрессивная субкультура в обществе, пораженном терроризмом, значительно способствует обострению идейных разногласий.

Эта закономерность прослеживается практически в любой социально-культурной среде и обнаруживает себя во всех социально-политиче-

ских системах, где терроризм стал массовым явлением.

Во время развития революционного движения в России многочисленные разночинцы, чей средний возраст не превышал 27 лет, при любом удобном случае стремились бросить вызов интеллектуальному лидерству дворянства и церкви.

Не имея практически никаких шансов интегрироваться в элиту и быть услышанными, они оказывались в положении, которое способствовало переходу фрондерских настроений в агрессивное неприятие реалий, открывало дорогу в ряды анархических, социал-революционных и марксистских группировок.

Неудовлетворенность своим положением и потребность в самореализации настолько захватывала их, что не просто создала условия для широкого сочувствия террору. На определенном этапе это вылилось в практику вылазок, проводимых боевиками-одиночками. Чувством неостребованности пронизывает признания, сделанные некоторыми из них. "У меня был наган и я чувствовал, что сейчас же с оружием в руках можно начать борьбу за социализм"¹.

Еще красочнее случай с эсером Лаговским, задумавшим самостоятельно совершить покушение на Победоносцева. "В бесплодных попытках выследить Победоносцева он остался без гроша в кармане, мучимый голодом и бессонницей, измотавшийся, нервно уставший, доведенный почти до отчаяния..."¹. В итоге Лаговский не нашел ничего лучшего, как выстрелить из пистолета в окно государственного чиновника.

Участие ущемленной безденежьем и безработицей арабской молодежи, прошедшей обучение в религиозных университетах, стало решающим для появления того разнообразия исламистских течений, которое наблюдается в мире с конца XX в. Для этих людей, отброшенных на периферию жизни третьего мира, как ни для кого другого символическое значе-

ние терактов состояло в призыве к действию.

Буйную толпу палестинской интифады составляли и продолжают составлять в основном те, чей возраст не превышал 25 лет. "Хезболла", созданная из членов шиитской общины, довольно искусно поставила себе на службу культ мученичества, характерный для этого направления ислама и потому не испытывала недостатка в смертниках-камикадзе из числа молодых людей. Несколько иные методы, но те же принципы использовал Исламский фронт спасения, следовавший наиболее распространенной в Алжире суннитской традиции.

Подобным же образом из учащихся медресе было сформировано движение "Талибан", позволявшее себе укрывать одиозных исламистов и вести крупные военные операции.

Отчужденность социально активных молодых людей превращает их в удобный объект идеологических манипуляций не только в странах с невысоким уровнем жизни. Рост как правых ультранационалистических элементов, так и левых троцкистских, анархических и иных группировок в странах Европы был и остается связан с уровнем занятости молодежи, способностью государства предоставлять выпускникам вузов рабочие места, отвечающие их профессиональным и творческим амбициям.

Наиболее очевидным подтверждением тому стали во второй половине XX в. всплески активности в ФРГ, Италии и др. странах "Красных бригад", "Фракции Красной Армии" и некоторых других подобных им организаций. Относительное благополучие развитых стран позволяло им в целом избежать повсеместного появления широко разветвленных террористических сетей, что не исключает изменения ситуации по мере оседания на их территории гигантских миграционных потоков из стран третьего мира.

Высокая подверженность влиянию терактов прослеживается в сознании и остальных малоимущих и обездоленных классов, безработных, занятых низко оплачиваемым трудом, не имеющих высокой квалификации, или не владеющих профессиями. Однако в отличие от бедной образованной молодежи, эта, в целом, более возрастная категория не так чувствительна к революционным концепциям и сконцентрирована, в основном, на повседневных бытовых проблемах, чем и определяются особенности ее поведенческой модели.

Представители низкооплачиваемого пролетариата и люмпенизированных слоев сталкиваются с проблемой качества своей повседневной жизни и стеснены своим положением в низших эшелонах общественной иерархии. Их более приземленные, чем у студенчества, ожидания концентрируются в основном на получении доступа к имущественным привилегиям, имеющимся у других слоев, а их амбиции находят свое выражение в агрессивной критике институтов власти.

Данный контингент, если он ощущает себя потенциальной жертвой террористических угроз, склонен, как никто другой, осуждать государство за недостаточное усердие в защите населения. Таким образом, он проецирует перманентное недовольство своим положением, которому, в данном случае, можно дать выход в виде возмущения неспособностью власти предотвращать теракты, неквалифицированными действиями силовых структур, ошибочностью политического курса, ведущего к конфронтации и т.п.

Исследование Института социологии РАН зафиксировало эту закономерность.

На вопрос: *Как респонденты оценивают работу силовых структур?* Был дан ответ: "Пол, возраст, образование в данном случае на результатах не сказались. Разве что меньше всех были довольны малообеспеченные граждане с доходом менее 1500 руб. на члена семьи"².

В случае, когда осуществляемые террористами взрывы и покушения используются для инспирации массовых волнений и беспорядков, неимущие классы, как и студенчество, с готовностью поддерживают такого рода призывы. Однако если университетская молодежь чаще увлечена идеологическими посылами и по этой причине тяготеет к целенаправленному участию в террористических движениях, то менее образованные городские низы преимущественно дают спонтанный выход накопившейся агрессии.

Их способность к самоорганизации значительно слабее, а к объединительным идеям они относятся с врожденным скепсисом. В условиях отсутствия политических сил, способных направить в определенное русло их активный протест, он приобретает форму непредсказуемого, разрушительного и бессмысленного бунта.

Это не меняет существующего положения дел. Яркий пример – беднейшие страны третьего мира, например, Гвинея-Конакри, где примерно раз в десятилетие многочисленная толпа потомственных нищих устраивает погромы, не выдвигая никаких реалистичных требований. Не редко, спустя три-четыре дня, погромщики расходятся по домам, прославляя правительство, которое до того собирались свергать.

В целом, контингент, образующий этот сегмент общественного мнения чутко реагирует на сообщения о терактах, которые в отдельных случаях позволяют ему заявить о не-

довольстве своим положением. Но если его возмущение не находит концептуального оформления, по возможности в виде идеологической догмы, оно в лучшем случае проявляет себя как всплеск негативных эмоций и никак не сказывается на эволюции общепринятых ценностей.

В периоды экономической стагнации теракты могут вызвать обостренные оппортунистические настроения у буржуазии, для которой характерна приверженность спокойствию и стабильности. Озабоченность возможными потерями прибылей, снижением темпов финансовой и экономической активности, отсутствием перспектив развития располагает бизнес к партнерству с материально ущемленными классами. Владелец капиталов привлекает возможность их использования для давления на правящую элиту с целью пересмотра неблагоприятной для предпринимательства ситуации. Видя в террористических актах эффективный, хотя и этически неправомерный, путь к стимулированию протестных настроений социальных групп со скромным и очень скромным бюджетом, отдельные представители торгово-промышленных кругов могут решиться на субсидирование боевых экстремистских организаций, оказание им информационной и технической поддержки.

Тем не менее, такой поворот событий является скорее отклонением от нормы, которая предполагает отрицательное отношение состоятельных людей к террористической деятельности и порождаемым ею нежелательным рискам. Эта социальная группа может принимать как курс на силовое противодействие террору,

так и тактику переговоров с экстремистами в зависимости от того, насколько это способствует поддержанию деловой активности.

Уровень личной безопасности представителей буржуазии в целом выше, чем у остального населения: их образ жизни, как правило, не связан с общественным транспортом и местами плотного скопления людей, они могут себе позволить услуги охранных агентств. Это накладывает свой отпечаток на видение террористических угроз, среди которых наиболее опасными им представляются покушения на государственных деятелей, а также нападения на учреждения.

Таким образом, реагируя на теракты, деловые круги реализуют свои ожидания в уверенной и последовательной позиции государства, отстаивающего их интересы, не проявляя при этом чрезмерно высокой эмоциональной напряженности и ограничиваясь моральной солидарностью с возможными жертвами и потерпевшими.

Резкость и глубина впечатлений от террористических актов снижаются по мере удаления от густонаселенных мегаполисов и приобретают почти аморфные очертания в отдаленных сельских районах. Для жителей уединенных хуторов, схожих с ними в этом смысле зрителей таежных угодий или кочующих в тундре оленеводов, это почти потустороннее явление, весьма фрагментарно связанное с их непосредственной жизнью.

Придерживаясь в целом отстраненного отношения к акциям политического насилия, они однозначно не отождествляют себя ни с одной из противоборствующих сторон, оставаясь практически невосприимчивыми к идеологическим призывам.

Находясь в таком положении и составляя невысокий процент от общего количества населения развитых стран, эта категория оказывает слабое, почти символическое, влияние на состояние общественного мнения.

Заметную роль в формировании социальных стереотипов, связанных с реакцией на теракты играют электронные и печатные СМИ, PR-структуры и соответствующие исследовательские центры. Значительные объемы информации, внедряемые ими в общественное сознание, задают рамки понимания текущих событий, подводят рядового обывателя к определенному видению целей и масштабов деятельности террористов. До некоторого предела это позволяет влиять на распределение симпатий и антипатий, усиливать или ослаблять агрессивные настроения, в особенности, если в распространяемых материалах допускаются отклонения от полноты и достоверности исходных данных.

Однако, взаимодействуя с политическими силами, медиа-сообщество само находится в положении потребителя информации, которую зачастую просто передает по каналам СМИ. В большинстве случаев оно изначально не является первоисточником сведений, предлагаемых широкой общественности, а лишь обнародует данные, полученные от спецслужб, и оценочные суждения, исходящие из экспертных кругов. В равной мере это касается и ситуаций с заявлениями террористических организаций, которые появляются в Интер-

нете и просачиваются через телефонные звонки.

К тому же возможности прессы недостаточно велики для того, чтобы сделать отношение к терроризму исключительно продуктом своей информационно-пропагандистской работы. Последнее, в конечном счете, складывается из базовых потребностей и коренных интересов основных классов и сословий, образующих социум. Кампании же в печати едва ли могут навязать идеи анархизма финансовым олигархам или подавить расистские настроения в экономически депрессивных анклавах.

Особое значение в этом плане приобретают образовательные учреждения, религиозные кафедры и другие инстанции, закладывающие основы мировоззрения и ценностные ориентиры. Ими обозначаются пределы оправданного насилия и допустимой терпимости, одобряются нормы поведения, в том числе в ситуациях, продиктованных наличием серьезных угроз.

Тем самым создаются те формы самовыражения, на которых останавливает свой выбор население, спровоцированное террором. Таким путем предопределяется направленность и интенсивность реакции общественного мнения. Соответственно изменения в состоянии этих социальных институтов могут привести как к большей уязвимости общества перед негативным влиянием террора, так и, наоборот, сделать его более уверенным и защищенным.

Примечания

¹ Литвинов Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность / Под ред. С.Е.Вицина. М. Воронеж: ВИ МВД России, 1999.

² Российская газета. 2006. 26 мая.

Политизация ислама и столкновение цивилизаций

Николай Косухин,
доктор исторических наук,
(Институт Африки РАН)

В лекциях по философии истории Гегель утверждал: "... ислам уже давно сошел с всемирной исторической арены и вновь возвратился к восточному покою и неподвижности"¹. Сегодня на фоне событий, происходящих в так называемых мусульманских странах и во всем мире, вряд ли правомерно это гегелевское утверждение.

Уже в XIX в. с зарождением и усилением антиколониального движения ислам стал одним из важнейших факторов политической жизни. В период антиколониальной борьбы религия была в глазах угнетенных народов символом их былой независимости, предопределило ее важную роль в формировании идеологии национально-освободительного движения.

Притягательность этой религии объясняется тем, что она в отличие от христианства не связана с колонизацией и эксплуатацией, напротив, ислам в значительной мере ассоциируется с борьбой против колонизаторов.

Низшие слои населения привлекают эгалитаристские тенденции в исламе. Ислам как религия и цивилизация заимствуется теми обществами, которые переходят от первичной формации к классовому обществу и должны обрести соответствующую ему религиозно-политическую идеологию и элементы цивилизации.

Существенное значение для возрастания его роли имеют повышение авторитета арабских государств на международной арене и увеличение экономической зависимости многих стран от богатых нефтедобывающих государств. Усиление влияния ислама определяется также тем, что в отличие от других мировых религий ислам представляет собой целую систему. Она определяет как мировоззрение человека, так и регулирует социальную и культурную жизнь общества и, отчасти, экономические отношения, распространяет свои функции на политику.

Важная особенность политизации религии на государственном уровне состоит в том, что ислам интегрируется в национализм в качестве средства легитимизации власти и стабилизации политического положения. Наконец, многофункциональный характер ислама как своеобразной социальной и культурной общности, духовной силы выразился в выдвижении идеи "исламского социализма", "третьего или среднего пути" развития. В его основе лежит "исламское государство" и "исламская экономика".

Немаловажное значение имеет также стремление политических лидеров использовать ислам как средство вовлечения народных масс в политическую жизнь, используя разочарование мусульман в западных концепциях развития. В этих условиях ислам нередко становится символом самобытности и былого могущества мусульман. Обращение к нему дает возможность поднять свое национальное достоинство и противопоставить Западу, опередившему в материальной области, “нетленные ценности”.

Таким образом, ислам, как форма религиозного сознания, во многом определяет идейное содержание тех социально-политических процессов, которые происходят сейчас в странах с мусульманским населением.

Примечательной чертой исламско-го возрождения является противопоставление Западу не ислама вообще, а именно первоначального ислама, то есть ислама в идеале, в своей истинности.

Такой подход находит отклик и понимание не только в наиболее отсталых и невежественных массах крестьянства и городских низов, но и привлекает на свою сторону значительные слои рабочего класса, средней буржуазии и интеллигенции. Культурно-духовные проблемы западных обществ также укрепляют уверенность сторонников ислама в высоких социальных ценностях исламской системы. В результате политический ислам востребован, поскольку выражает чаяния широких общественных слоев.

Во многих развивающихся странах ислам провозглашен официальной идеологией*. Конституции этих стран декларируют верность законам шариата, гарантируют религиозное образование, признают в той или иной степени авторитет мусульманских богословов и правоведов, предусматривают создание различного рода советов улемов (священников) с совещательными функциями, министерств религий и т.д.

Современное идейно-политическое “возрождение ислама” в широком смысле следует также рассматривать в контексте стремления освободившихся государств бороться за переустройство международных отношений. Ислам, претендующий на роль универсальной религии, стоящей над нациями и народами, используется развивающимися странами в качестве идейной основы их объединения на международной арене.

Некоторые исследователи отмечают не просто политизацию ислама, его “возрождение”, а “исламский бум”, который связан с появлением в начале 70-х годов миллиардов нефтедолларов. Консервативные режимы в мусульманских странах (Саудовская Аравия, Иран и другие страны Персидского залива) готовы были потратить на нужды “исламской солидарности”, создание “исламского мирового порядка” значительные средства.

Идеи “исламской солидарности” нашли отражение в религиозных аспектах ближневосточного и ливанского кризисов, Афганистана, “исламской ядерной альтернативе” Израиля и Индии.

Это выразилось в создании в сентябре 1969 г. Организации Исламской Конференции с сетью ее специализированных учреждений.

* Численность мусульман в мире достигает свыше 1 млрд. чел. В 40 странах они составляют большинство, а в 30 – влиятельное меньшинство. В Европе насчитывается 13 млн. мусульман, а в США – 6 млн. (Кирабаев Н.С. Ислам и мусульманская цивилизация в современном мире. Феномены истории. М., 2005).

“Исламский бум” достиг апогея в иранской революции (1979 г.), когда был провозглашен лозунг “Ислам не знает границ”.

Возникновение термина “исламское возрождение” объясняется тем социально-политическим оживлением, которое сейчас переживают исламские страны.

Возрожденческие тенденции вызваны активизацией двух взаимосвязанных процессов.

С одной стороны, это стремление народных масс найти в веками устоявшейся догматике выход из углубляющихся социально-экономических невзгод и политических разочарований, а с другой – желание правящих кругов направить этот процесс в необходимое для себя русло.

Усилению этих процессов в значительной степени способствовало более широкое включение в политику наиболее приверженных религии слоев населения: крестьянства и городских мелкобуржуазных слоев. В этом же направлении действовала изменившаяся после достижения независимости ориентация образования, в частности курс на изучение религии как части национальной культуры.

Факторы близости отдельных элементов мусульманской догматики традиционным обрядам, культам и верованиям, роль ислама в борьбе мусульман с колонизаторами, психологическое неприятие христианства как религии европейцев, а также увеличение зависимости развивающихся стран от экономической помощи богатых нефтедобывающих государств, создают благоприятную почву для распространения ислама даже там, где население исповедывало христианство или традиционные верования².

Исламская альтернатива, своеобразный исламский путь модернизации выражается в особом “третьем” пути развития свободного как от капиталистического угнетения, так и от “коммунистического безбожия”.

Разрабатываются модели “исламского государства” и “исламской экономики”.

Модель “исламской экономики” покоится на постулате, что ислам содержит непреходящие ценности, полностью сохраняющие свое значение для всех сфер человеческой жизни, включая экономическую. В исламском обществе якобы создаются истинно гуманные условия для жизни и деятельности индивида, освобождения человека от идолопоклонства, устранения всех социальных недугов и установления гармонии между личностью и государством.

Основу социально-экономической доктрины ислама составляет понятие собственности. Его сущность сводится к признанию того, что “богатство в руках людей – это богатство бога, а они – лишь его управители”. Поскольку собственность, согласно исламскому вероучению, “дар божий”, она священна и неприкосновенна. “Не желайте того, чем Аллах дал вам одним преимущество перед другими”, – гласит Коран.

В то же время ряд предписаний ислама призван обеспечить “справедливость”, “ограничить злоупотребления” собственностью. Такими важными социально-экономическими предписаниями являются указания касательно “закята” (налог в пользу бедных), порядка наследования и запрещения ростовщичества.

Суть “исламской экономики” заключается в осуществлении принци-

па “производство – по способностям и потребление – по благочестию”. Последнее подразумевает довольствоваться малым в соответствии с идеалом самоограничения. Уравнительные принципы раннего ислама, идеал “ограничения потребностей” признаются гарантиями осуществления социальной гармонии, всеобщего братства и взаимопомощи в рамках исламского общества. В одном из хадисов говорится, что “пастбища, источники, огонь и соль” не могут быть частной собственностью, а принадлежат всем³. Собственность выступает в трех видах: государственной, кооперативной и частной.

Исламизация экономики означает не отказ от капиталистического пути развития, а смягчение социальных противоречий.

В своей основе “исламская экономическая стратегия” представляет собой государственный капитализм.

В последние десятилетия исламские идеологи активно разрабатывают исламскую альтернативу социально-экономического развития своих стран.

В связи с этим возникает вопрос, способен ли ислам решить экономические проблемы развивающихся стран?

Неотложность социально-экономических проблем в мусульманских странах такова, считает известный французский исламовед Луи Гарде, что от ислама ждут не возрождения веры, не одушевления умов и сердец, не уроков праведной и богобоязненной жизни, а выработки конкретных мероприятий по более справедливому распределению материальных благ и непосредственного политического действия. В целом, опыт стран, где исламисты находятся у власти (Иран, Афганистан во время правления талибов, в значительной степени Судан), продемонстрировал пределы возможностей исламских государств.

Исламские теоретики правого толка стремятся соединить необходимые изменения в развивающемся обществе с религиозной догматикой. В этом течении пользуются взгляды основателя и “верховного наставника” организации “Братья-мусульмане” в Египте Х. аль-Банна.

В его трудах, которые популярны в мусульманских странах ислам рассматривается как “совершенная социальная, политическая и идеологическая система, которая охватывает все жизненные дела”⁴.

Об исламе как о всеохватывающей системе писал иранский аятолла Хомейни: “В исламе содержатся все предписания, касающиеся человека и общества”.

Они же провозглашают превосходство своего вероисповедания. Из него выносятся на первый план наиболее ортодоксальные черты, которые претендуют на придание исламу универсального характера. Больше того, они стремятся превратить ислам в идеологию активного действия, а политика провозглашается частью религии.

“Тот, кто думает, что это учение касается только духовной или ритуальной стороны, – утверждал Х. аль-Банна, – ошибается, ибо ислам – это доктрина, вера, отечество, нация, религия, духовность, Коран и меч”.

Моральным ценностям “прогнившего”, “материалистического” Запада с его культом индивидуализма исламисты противопоставляют “возрожденную и обновленную” общину верующих, опирающихся на национальные традиции и духовное наследие.

В 80-е годы XX в. широкую популярность приобрели мусульманские движения, характеризующиеся как фундаменталистские. Они проповедовали возвращение общества к основным принципам раннего ислама, к обычаям мусульманской общины

времен Мухаммада. В русле фундаменталистских течений возникло немало экстремистских организаций, исповедующих террор как главное средство борьбы за свои идеалы.

Антагонизм в отношении Запада – это общее положение в программах мусульманских организаций фундаменталистского толка. Он имеет место частично из-за его благосклонного отношения к Израилю, но часто и потому, что Запад поддерживает коррумпированные режимы. Фундаменталисты утверждают, что хотя американские и европейские лидеры торжественно провозглашают по всему миру свою поддержку демократии и правам человека, фактически же они на стороне абсолютистских и авторитарных режимов всюду, где это отвечает их целям.

По мнению российского исследователя К.И.Полякова, фундаменталистские движения имеют ряд характерных черт:

– обращение к истокам вероучения в целях перестройки общественных отношений на основе базовых религиозных ценностей (возрождение “истинного” ислама);

– активные действия по установлению исламской власти (“хакимийи”), приведению законодательства в соответствие с положениями Корана и сунны (“шариа”), по продвижению во все сферы общественной жизни норм морали, существовавших во времена Пророка и его ближайших сподвижников;

– более или менее радикальный характер проводимых в соответствии с исламом преобразований⁵.

Однако не следует однозначно отождествлять фундаментализм с экстремизмом.

Суть фундаментализма – поиск модели развития альтернативной западной христианской цивилизации. Не исключено, что со временем умеренное крыло фундаменталистов

войдет в состав правящих структур, основанных на коалиционных принципах.

Экстремисты, отчасти побочный продукт отказа правительства допустить их к участию в системе демократизации общественной жизни. Это происходит во многом из-за распространенного мнения о том, что демократия в исламе имеет потолок, которым служит шариат.

Однако надо признать, что одной из важнейших причин усиления социально-политической и идеологической роли ислама было обострение демографической ситуации, рост городского населения и его обнищание, а также бурное проникновение европейской культуры наряду с социально-экономическими реформами. Традиционные исламские общества начали деформироваться, появились новые нетрадиционные структуры. Быстрый слом и резкая модернизация неизбежно вызывает социальные и политические конфликты.

В странах исламской культуры фундаментализм принимает жестокие формы.

В октябре 1981 г. при активном участии экстремистской мусульманской организации был убит президент Египта А.Садат.

Боевики исламского подполья из Алжира, “Аль-Каиды, индийского Кашмира и южнофилиппинских островов – экстремисты крайней степени.

Ислам демонстрирует широкий диапазон политической приспособляемости к самым различным социально-экономическим структурам и бурным политическим потрясениям конца XX в. Исламская альтернатива – это специфическая форма ответа на вызов глобализации, стремление определить собственную, исламскую нишу в мировом развитии⁶.

Исламский фундаментализм неотделим от ислама. Это одно из его течений, которое ставит своей целью укрепить веру в фундаментальные источники этой религии, привести нормы общественной и личной жизни в соответствие с заповедями ислама, выполнять все предписания Корана и шариата, утверждать основы исламской экономики.

Для крайних, экстремистских течений фундаментализма характерны резко агрессивное неприятие европейско-христианских духовных ценностей, повышенная политическая активность, готовность прибегнуть к насильственным методам, включая террористические. Исламский фундаментализм – серьезная политическая сила, которая сформировалась за вторую половину XX в., в том числе из-за близорукости и беспечности великих держав, которые поддерживали исламистов в их противостоянии с СССР.

Политический ислам прошел или проходит иерархическую схему: он вышел из мечетей и университетов, проследовал через арабскую деревню с тем, чтобы завоевать беднейшие кварталы городов арабского мира и превратиться в массовое политическое движение, претендующее на власть.

Следует отметить, что арабо-израильский конфликт и палестинская проблема оказали наибольшее влияние на радикализацию политического ислама.

Обострение ситуации в зоне Персидского залива и военные действия против Ирака, присутствие здесь американских войск стало катализатором резкого роста арабского национализма, антиамериканизма и исламизма.

Большую материальную и идеологическую поддержку исламистам оказывают Иран, Саудовская Аравия. При этом иранская революция имела огромный демонстрационный

эффект на многие мусульманские страны.

Ответственность за рост исламизма в мусульманском мире должны разделить США.

Именно Вашингтон с появлением исламизма стал широко его использовать в борьбе против коммунистического влияния, и в этом преуспели американские спецслужбы. Крах Советского Союза, других социалистических стран, отступление социалистической идеологии объективно привели к появлению новой идеологии неимущих социальных слоев.

Такой идеологией и стал политический ислам.

Правомерно ли утверждать о столкновении цивилизаций?

Теоретически можно видеть в арабо-израильском конфликте цивилизационное и религиозное измерение, но в реальности речь идет о территориальных спорах, требованиях палестинцев к Израилю по поводу еврейских поселений и восточного Иерусалима. Арабо-израильский конфликт оказывает воздействие на взаимоотношения мусульманского и немусульманского миров.

Разумеется, нынешние действия США в Афганистане и Ираке также можно отнести к цивилизационно-религиозным противоречиям.

Известная оговорка Дж.Буша о “крестовом походе”, сделанная им после трагедии 11 сентября, также работает на идею столкновения цивилизаций.

Однако и в данном случае речь идет о действиях единственной сверхдержавы, диктующей миру свою волю и образ жизни. Такая политика стимулирует идеологию антиамериканизма, особенно после заявления Буша 11 августа 2006 г. о деятельности “исламских фашистов”. Вместе с тем, 11 сентября

было воспринято исламистами как свидетельство силы ислама, его способности противостоять даже такому могущественному государству, как США.

События "черного вторника" 11 сентября 2001 г. в США вновь напомнили концепцию американского политолога С.Хантингтона о столкновении цивилизаций.

В статье "Столкновение цивилизаций"* С.Хантингтон писал, что "столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики".

Особое внимание Хантингтон уделяет конфликту между западной и исламской цивилизациями, который, по его утверждению, длится уже 1300 лет и не обнаруживает признаков угасания. Исламская цивилизация на протяжении многих веков была и есть главным противником "иудейско-христианского наследия", — полагает он.

После статьи Хантингтона вся мусульманская цивилизация стала рассматриваться как потенциальный источник конфликтов в современном мире.

При таком подходе международный терроризм представляется как закономерное явление, связанное с цивилизационными различиями, в основе которых культурные и религиозные ценности. Следует также учитывать, что различие цивилизаций в целом совпадает с разделением мира на бедные и богатые страны, что усиливает социальную направленность теории С.Хантингтона.

Напомним, что в колониальный период европейские страны взломали все замкнутые цивилизации Востока, опиравшиеся на религиозные традиции. Социальный и антизападный протест вылился в политизацию мусульманской религии.

"Восстаньте народы мусульманский стран, угнетенные и мусульма-

не всего мира! Боритесь за свои права"⁷, — писал в своем Завещании иранский аятолла Имам Хомейни.

После событий 11 сентября 2001 г. С.Хантингтон, ранее предсказывавший возможный сценарий "столкновения на разломах цивилизаций", поспешил успокоить своих соотечественников.

На прямо поставленный вопрос, можно ли рассматривать случившееся как начало такого столкновения, он ответил, что не усматривает "неотвратимости межцивилизационной войны даже с началом операции возмездия в Афганистане". Больше того, он считает, что во всем мире ислама между самими мусульманами конфликтов и войн произошло больше, чем "межцивилизационных столкновений в масштабах всей планеты"⁸.

Таким образом, концепция "столкновения цивилизаций" С.Хантингтона — это идея, которая в основе своей имеет социальное содержание.

Идею столкновения цивилизаций мусульманский мир трактует как экономическую и культурную экспансию Запада и прежде всего США. К этому относится включение в "ось зла" мусульманских стран, удар по Афганистану, война против Ирака⁹. Вместе с тем, в мусульманских странах формируется позиция активного противостояния сторонникам концепции "столкновения цивилизаций", которые возводят терроризм исключительно к вероучению ислама, представляя всех мусульман едва ли не прирожденными террористами.

Воинствующие исламистские группировки действуют под девизом джихада на локальном и международном уровне. На правительственном же уровне, в части арабских

* Русский перевод опубликован в журнале "Полис". 1994. № 1.

стран консолидируются усилия по борьбе с терроризмом.

В 1998 г. министрами юстиции и внутренних дел ряда арабских стран было подготовлено "Арабское соглашение о борьбе с терроризмом".

Этот документ подписали 18 из 22 арабских стран.

Они взяли на себя обязательства препятствовать проникновению на их территорию террористов из-за рубежа, не допускать их подготовки на своей территории, не финансировать их деятельность, собирать информацию и обмениваться ею, производить аресты террористов, предавая их суду¹⁰.

Важным шагом на пути организации борьбы против международного терроризма стал созыв по инициативе Саудовской Аравии первой Международной антитеррористической конференции в начале 2005 г. в Эль-Рияде.

Процесс взаимодействия и взаимопонимания между западной и исламской цивилизациями является объективным фактором, несмотря на различие культур, религий, социально-экономических и иных факторов.

В этом контексте весьма важное мнение высказывает бывший президент Ирана аятолла М.Хатами. Он полагает, что диалог цивилизаций должен стать "новой парадигмой, пользующийся универсальным признанием, он должен быть в состоянии подняться от уровня простой терпимости до уровня широкомасштабного политического сотрудничества"¹².

Очевидно, что в равноправном межцивилизационном общении первый шаг за западными странами и США. Высокомерие, попытки навязать свой образ жизни должны уйти из политики западных стран.

Более продуктивным должно стать уважение мусульманских ценностей и традиций, особенно к растущей мусульманской диаспоре в Европе.

Численность мусульман особенно велика во Франции (6 млн. чел., то есть 9,9% общей численности населения), Германии (2 млн. чел., 2,4%), Великобритании (2 млн., 3,3%), Италии (1 млн. чел., 1,8%), России (13 млн. чел., 9%)¹³.

Надо признать, что в европейских странах рост мусульманской диаспоры воспринимается как угроза социальной стабильности, поскольку обостряется конкуренция за рабочие места, а мусульмане-мигранты являются питательной средой для преступности. События октября 2005 г. во Франции показали, что проблема интеграции мусульманской диаспоры в западное общество сложный и неоднозначный процесс и зависит от обеих сторон.

На конференции были проанализированы концепции и причины терроризма, его связь с отмыванием денег, торговлей наркотиками и оружием, выработаны конкретные методы борьбы с ним.

Была принята декларация "Одолеть терроризм" и создан Международный центр по антитерроризму.

Наследный принц Саудовской Аравии Абдалла бин Абдель Азиз, выражая общее мнение, заявил на конференции: "Терроризм не принадлежит к какой-нибудь культуре, или религии, или политической системе. Это глобальное преступление, совершаемое злонамеренными умами, исполненными ненавистью к человечеству... Эта конференция выражает волю международного сообщества бороться с этим преступлением в любом аспекте, противопоставляя злу справедливость, извращенной мысли мудрость и благородные идеи и, отвечая на вызов экстремизма умеренностью и терпимостью"¹¹.

Примечания

¹ Гегель Г.В. Философия истории. Соч. Т. 8. М., 1935. С. 339.

- ² Косухин Н.Д. Современные идеологические системы. М., 1999. С. 91–92
- ³ Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. М., 1999. С. 196.
- ⁴ Нуэйши Мурси Абдессаттар. Идеиные концепции и общественно-политическая практика движения “Братья – мусульмане” (1928-1949 гг.) – период Хасана Аль-Банни. Автореф. канд. дисс. М., 1989.
- ⁵ Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. М., 2000. С. 33.
- ⁶ Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламский проект. М., 2006.
- ⁷ Великий Аятолла Имам Хомейни. Завещание. М. б/г. С.53.
- ⁸ Медведко Л.И. Россия, Запад, ислам: “столкновение цивилизаций”? М., 2003. С. 10.
- ⁹ Вишневский М.Л. Рах-Америсана и страны Африки. М., 2003. С. 89–114.
- ¹⁰ Азия и Африка сегодня. 2003. № 8. С. 13.
- ¹¹ Известия. 2005. 15 февраля.
- ¹² Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001. С. 64-65.
- ¹³ Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. Вып. 2. М., 2004. С. 44.

**Подписка на 2007 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Становление двухпалатного парламента Франции

Ирина Артемьева

Демократизация государственных институтов неизбежно ведет к повышению роли верхних палат парламентов. Это находит подтверждение в том, что подавляющее число legislatures в демократическом государстве является двухпалатными.

На примере истории французского парламента четко видно, что однопалатное устройство законодательного органа по преимуществу характерно для революционных ситуаций, в то время как периоды эволюционного развития демократии характеризуется двухпалатной конструкцией.

Желая перевернуть кровавую страницу террора, вина за который возлагалась на режим Конвента, бывший по своему конституционному устройству, по существу, однопалатным, термидорианский законодатель постановляет разделить законодательную власть, что в свое время уже предлагал сделать Мирабо, сосредоточив ее в двух палатах, избираемых сроком на три года и имеющих, фактически, одинаковые полномочия:

– Совет пятисот, состоявший из 500 депутатов не моложе 30 лет, с правом законодательной инициативы.

– Совет старейшин из 250 депутатов не моложе 40 лет, которые утверждали или отклоняли законопроекты, принятые Советом пятисот, без права вносить изменения; институциональный диалог между двумя Советами, то есть движение законопроектов для согласования

разногласий между палатами на данном этапе отсутствовало.

С самого начала Совету старейшин отводилась роль противовеса.

Известно изречение Буасси д'Англа, огласившего текст новой Конституции: "Совет пятисот – это творческое начало Республики, а Совет старейшин – ее здравый смысл"¹.

Таким образом, пройдя через революционный террор, победившая буржуазия нуждалась в механизмах, которые бы укрепляли и развивали достижения буржуазной революции, а также защищали бы ее от повторения ужасов диктатуры большинства однопалатного Национального собрания.

Революция действовала по своим законам, ей был удобен однопалатный парламент, так как считалось, что вторая палата либо соглашается, и тогда она не нужна, либо не соглашается, и тогда она вредна, а революция, особенно периода террора

1791–1793 гг. (конституция сентября 1791 г. ввела однопалатный парламент), требовала быстрого, безоговорочного принятия решения в интересах революционного большинства. Безусловно, таким мог быть только однопалатный парламент.

При Наполеоне верхняя палата получала римское название “Сенат”. Оно появилось в политическом лексиконе 13 декабря 1799 г. По сути своей он был консервативным органом, так как обслуживал исключительно интересы императорской воли, выраженной в статьях наполеоновской конституции.

В толковом словаре “*Petit Robert*” можно прочесть, что наделенный обширными политическими полномочиями Сенат, по сути, никогда ими не пользовался. Традиционно сенаторы работали только на укрепление личной власти сначала Первого консула (Наполеона), а потом императора Франции. Наполеон присвоил себе право не выбирать сенаторов, а назначать пожизненно, при этом самые благонадежные становились пожизненными сенаторами.

Сенат состоял из 80 сенаторов, “несменяемых и пожизненно назначенных, не моложе 40 лет” (ст. 15) и обеспечивает контроль за соблюдением Конституции, то есть “утверждал” или отменял законодательные акты, которые передавались в Сенат из Трибуната или Правительства как противоречащие Конституции.

24 декабря 1799 г. Сенат начинал работать в Люксембургском дворце. Изменения, внесенные в Конституцию в соответствии с чрезвычайными законами “сенатус-консультами” от 2 и 4 августа 1802 г.), расширяли полномочия консервативного Сената. Отныне посредством издания “сенатус-консультов” ему надлежит принимать решения по “вопросам, не оговоренным в Конституции, но необходимым для ее исполнения”.

Сенат, на заседаниях которого председательствовал Первый консул Бонапарт, получил право роспуска Трибуната и Законодательного корпуса, а также отмены су-

дебных решений, “посягающих на безопасность государства”.

Конституция Империи от 18 мая 1804 г. закрепила положение, согласно которому членами Сената могли являться не только придворная элита Франции и высшие должностные лица Империи, но и любые граждане страны, “которых Император сочтет достойными титула Сенатора”.

Однако именно Сенату Империи законом от 3 апреля 1814 г. было суждено объявить об отрешении Императора от престола, после чего в дневниках с о-ва Святой Елены Наполеон с горечью напишет: “Я проиграл Сенат”.

После крушения бонапартистской диктатуры Францию преследовала череда революций, монархий и империй, но двухпалатный парламент выстоял и в это непростое время. Верхняя палата теперь именовалась по образцу Палаты лордов Палатой пэров.

Палата пэров в период Реставрации (1814–1830 гг.), согласно ст. 24 Конституционной хартии от 4 июня 1814 г., являлась “важнейшей частью законодательной власти”. Она созывалась одновременно с Палатой депутатов.

Пэров назначает король. Их число не было ограничено: “Король по своему разумению назначает пэрами граждан разных санов и званий, пожизненно или с правом наследования”.

На заседаниях Палаты председательствовал Хранитель Печати Франции (министр юстиции) или же, в его отсутствие, пэр, назначаемый королем.

Заседания проводились в закрытом режиме.

Палата пэров имела прерогативу брать на себя функции Верховного суда при рассмотрении случаев государственной измены или посягательства на безопасность государства.

Самым известным процессом, впрочем, единственным открытым процессом,

стал суд над маршалом Неем, приговоренным к смертной казни 128 голосами против 22 6 декабря 1815 г.

В период Реставрации во Франции удалось временно возродить господство крупной землевладельческой аристократии. Поэтому Палатой пэров практически полностью манипулировал король и она была закрыта от общества.

После свержения династии Бурбонов во время июльской революции 1830 г. буржуазия приводит к власти герцога Луи-Филиппа Орлеанского. В период с 1830 по 1848 г. он поддерживал не всю буржуазию, а только ее финансовые круги. Но все равно это не могло не сказаться на представительстве и работе Палаты пэров, которая получила право законодательной инициативы, а дебаты стали проводиться публично.

Для нарождающихся капиталистических отношений была необходима более активная, открытая и гибкая законотворческая деятельность, которая нуждалась в поддержке широких слоев буржуазии и в большей гласности.

Революция 1848 г. была осуществлена союзом радикально-буржуазных слоев общества, а также социалистами, которые победили на баррикадах. Хотя созданное временное правительство состояло в значительной степени из людей, ненавидевших социализм и боящихся пролетариата.

Декретом от 5 марта 1848 г. это правительство упразднило Палату пэров и предоставило право выработки конституции Учредительному собранию.

Парламент как и во время Великой буржуазной революции становится однопалатным. О второй палате речь не шла – слишком сложной и запутанной была политическая ситуация. Монарх, назначавших пэров был свергнут, и власть в стране разделалась на законодательную, которую представлял однопалатный парламент, и прези-

дента, представлявшего исполнительную власть.

Следует отметить, что при выборах в Учредительное собрание провинция оказалась пассивной. И кто знает, завершилась ли бы Вторая республика очередным монархическим переворотом, если бы Палата пэров была преобразована в палату регионов (провинций) Франции?

После заката однопалатной Второй Республики (1848–1851 гг.) будущий Наполеон III, осуществивший 2 декабря 1851 г. государственный переворот, заявил о своей воле восстановить вторую палату, “сформированную из выдающихся деятелей страны, палату, которая стала бы уравновешивающей властью, хранительницей общенационального договора и общественных свобод”.

В своем воззвании к французскому народу от 14 января 1852 г. Президент Республики Луи Наполеон, подчеркивал специфическую особенность Сената: “Сенат уже не то бледное отражение Палаты депутатов, чем была в свое время Палата пэров, обсуждавшая с опозданием в несколько дней все то же самое, но в иной тональности; сегодня Сенат – выразитель общенационального договора и конституционных свобод ...и, пользуясь уважением, которое присуще органу, занятому исключительно рассмотрением или претворением в жизнь великих принципов, Сенат в структуре государства играет независимую, спасительную, консервативную роль прежних Парламентов”.

Число сенаторов не должно превышать 150 чел.: ими могут быть кардиналы, маршалы, адмиралы или же граждане, “которые Президент Республики посчитает достойными высокого звания сенатора”.

Сенат был консервативен в том смысле, что он мог отклонить принятие законов, которые представлялись ему противоречащими “Конституции, религии, морали, свободе церковной деятельности, личной свободе, равенству граждан перед законом, неприкосновенности собственно-

сти, принципам несменяемости судебного корпуса” (ст. 26 Конституции от 14 января 1852 г.).

Сенат в период Второй Империи являлся не столько законодательным органом, сколько органом, контролирующим конституционный порядок.

В соответствии с сенатус-консультом от 2 февраля 1861 г., дебаты в Сенате (а также в законодательном корпусе), изначально проходившие за закрытыми дверями, отныне “стенографируются и публикуются в подробном изложении на следующий день в *“Журналь Оффисьель”*. Более того, группа секретарей-редакторов под руководством Председателя Палаты составляла отчеты о дебатах и каждый вечер направляла их во все газеты.

Начиная с 1869 г., государство проводило “либеральные реформы”. Одним из направлений такой “либерализации” было преобразование Сената в настоящую вторую палату парламента.

Согласно сенатус-консульту от 21 мая 1870 г., “законодательная инициатива принадлежала Императору, Сенату и законодательному корпусу”.

“Законопроекты, вносимые по инициативе Императора, могли быть направлены, по его усмотрению, в Сенат или в законодательный корпус”. “Сенат обсуждал и ставил законопроекты на голосование”.

Итак, в парламентской практике впервые возникла возможность согласовательного процесса законопроектов между органами власти.

Как отмечал Паскаль-Рафаэль Амброжи², авторы закона о формировании Сената от 24 февраля 1875 г., видели вторую палату “как орган консервативный”.

В той же степени, что и институт президентства, Сенат представлялся

в качестве бастиона против республиканского авантюризма.

Сенат становится ключевым фактором конституционного компромисса между правыми и республиканцами.

Вторая палата состояла из 300 сенаторов. 225 из них избирались выборщиками, являющимися, главным образом, представителями муниципалитетов (один представитель от коммуны).

75 сенаторов в качестве “несменяемых” назначались пожизненно Национальным собранием на объединенном заседании Палаты депутатов и Сената*. Сенаторы (не моложе 40 лет) избирались сроком на 9 лет с обновлением одной трети состава Сената каждые 3 г.

На выборах в январе 1876 г. правые получили незначительное большинство в Сенате. После событий Парижской коммуны Сенат заседал в оперном зале Версальского дворца. Выборы 5 мая 1879 г. расстроили планы монархистов, поскольку республиканцы завоевали большинство мест в Сенате.

В обстановке националистических беспорядков во время буланжистского кризиса или рассмотрения дела Дрейфуса в Сенате утвердились республиканские традиции.

Виктор Гюго, который заседал в Люксембургском дворце с 1876 г. и до своей кончины в 1885 г., еще в 1852 г. резко критиковал необходимость возрождения Сената: “Мы уже привыкли к тому, что санитарная обстановка в обществе улучшается и общественные места содержатся в чистоте, ...мы полагаем, что в наших Конституциях Сенату уже не место”.

А спустя 24 года это уже другой Гюго: “Франция, которой управляет единственная

* Согласно закона от 1884 г., закрепившего идею “республиканского устройства правления”, упразднены должности “несменяемых” сенаторов. (Les immortels du Sénat. Les cent seize inamovibles de la Troisième République. Les Publications de la Sorbonne, 1995).

палата, все равно, что океан, которым правит ураган”.

А вот слова Жоржа Клемансо (1907 г.): “В моей жизни был период, который уже относится к истории, а не к сегодняшнему дню, когда я верил, что Франции нужна единая парламентская палата, которая является отражением народного доверия. Во время путешествия по южной Америке мое мнение изменилось. Некоторые события привели меня к мысли о том, что народу необходимо время для размышления: а время для размышления – это Сенат”³.

Получив, таким образом, признание отцов-основателей республики, Сенат в 1879 г. возвращается во дворец Марии Медичи. У Сената такие же полномочия, как и у палаты депутатов. Более того, принятие любого закона предполагало наличие согласия Сената.

Президент республики мог осуществить свое право роспуска только “по получении соответствующего уведомления от Сената”.

В течение 64 лет существования Третьей республики Сенат исполнял свою изначальную роль сдерживания посредством осуществления “стратегии нескольких центров”, которая позволяла препятствовать проведению неразумной (для своего времени) политики как с точки зрения правого, так и левого флангов.

Как сказал сенатор от департамента Вогезы и Председатель Сената Жюль Ферри: “Сенат консервативен, да, господа, но это Сенат Республики”.

Роль Сената в качестве противовеса тем более эффективна, что Сенат имел полномочия делать запрос в парламенте о работе министров.

Так, Сенат отправил в отставку 10 кабинетов министров либо после парламентских запросов, либо после отклонения важных законопроектов. 10 апреля 1925 г. Сенат

положил конец политике “левого картеля” под руководством Эдуарда Эррио, бывшего сенатора, который назвал Сенат “собранием персонажей с навязчивыми идеями, влияние которого, к счастью, уменьшается за счет прогрессирующей смертности”.

Критические выступления правительства Народного фронта в 1937 г. укрепили социалистов в их недоверии к “антидемократическому” Сенату. Здесь кроются причины того, что после освобождения от гитлеровской оккупации первый проект новой Конституции предлагал вариант однопалатного парламента.

На референдуме 5 мая 1946 г. французы 53% голосов отвергли первый проект Конституции. Причин такого решения несколько. Это вопросы, связанные с правом собственности, частным образованием, но также и традиционное недоверие к однопалатному парламенту.

Второе Учредительное собрание, избранное 2 июня 1946 г., подготовило новый проект, предусматривавший умеренный вариант двухпалатного парламента.

Статус палаты депутатов Третьей Республики возвышен до положения Национального собрания, а Сенат превращается в Консультативное собрание под названием Совет Республики. Однако, изменились не только названия.

Совет Республики полностью утрачивает статус парламентского собрания: упразднено “челночное” движение документов между палатами, Национальное собрание единолично принимает законы, а Совет Республики имеет исключительно консультативные функции.

Срок полномочий членов Совета Республики сокращен до 6 лет, а сам Совет Республики подлежит обновлению на половину каждые 3 года. Более того, Национальное собрание выбирает по принципу пропорциональности шестую часть членов

Совета, ослабляя, таким образом, институт сенаторского представительства от местных территориальных объединений.

В этот период была популярна фраза: "Выгоните Сенат за дверь, он вернется через окно".

Начиная с сентября 1948 г. избирательный закон полностью восстанавливает принцип выборности сенаторов представителями территориальных объединений, а конституционные поправки от 7 декабря 1954 г. восстанавливают принцип "челночного" движения документов между палатами, что становится, по выражению Председателя Моннервиля, "возвращением Советом Республики властных позиций". "Все законопроекты и законодательные предложения последовательно рассматриваются в обеих палатах парламента с целью принятия единого текста документа".

Восстановлены также права сенаторов на законодательную инициативу и внесение поправок.

Совет Республики устанавливает срок в 2 месяца для обсуждения документов, проголосованных в Национальном собрании; для бюджетных документов этот срок не может превышать срок их обсуждения в Национальном собрании. В случае, если по истечении 100 дней с момента передачи документа в Совет республики для второго чтения согласие не будет достигнуто, Национальное собрание имеет прерогативу одобрить последний проголосованный собранием проект или же изменить его, приняв одну или несколько поправок к проекту, предложенных Советом Республики (данное положение является прообразом ныне действующей ст. 45 Конституции).

Для Мишеля Дебре, избранного сенатором в 1948 г., конституционные поправки 1954 г. были, несомненно, образцовыми.

В своих мемуарах⁴ Мишель Дебре пишет: "Здравый смысл и республиканские

традиции подтверждают необходимость второй палаты, называемой Сенатом и обеспечивающей представительство от территориальных объединений. Будучи в числе тех, кто руководил второй палатой Четвертой Республики и сознавая свою ответственность, я мечтаю, в 1958 г., не о том, чтобы возродить архаичный Сенат Третьей Республики, а о том, чтобы выковать новый Сенат, Сенат Пятой Республики"⁴.

Выступая в Байе 16 июня 1946 г., генерал де Голль так очертил контуры двухпалатной системы управления, ставшей в дальнейшем Пятой Республикой: "Ясно и понятно, что право окончательного принятия законов и бюджета должно принадлежать собранию, избранному всеобщим и прямым голосованием. Вместе с тем, основная деятельность такого собрания не всегда бывает отмечена прозорливостью и объективностью.

Стало быть, есть необходимость наделить второе собрание, избранное и сформированное иным образом, полномочиями открыто обсуждать документы, принятые первым собранием, формулировать поправки и вносить проекты.

Итак, если основные направления политической жизни естественным образом находят свое отражение в палате депутатов, то и жизнь на местах имеет свои особенности и права...

Все ведет нас к тому, чтобы учредить вторую палату, в которую изберут своих представителей, главным образом, генеральные и муниципальные советы.

Эта палата дополнит первую, подчеркнув важность административных особенностей страны, которые в процессе законодательства зачастую игнорируются таким чисто политическим собранием, как палата депутатов".

Будущий основатель Пятой Республики предсказал также повестку референдума 1969 г.: "Было бы правильным ввести ... представителей хозяйственных и семейных организаций, интеллигенции, с тем, чтобы в государстве звучали голоса о великих свершениях в стране". В

процессе подготовки новой Конституции законодатель отказывается от идеи социально-экономического представительства в пользу конституционного признания нового органа – Экономического и социального совета.

Предварительный проект от 10 июля 1958 г. намечает двухраздельную структуру Сената: "Сенат формируется из двух палат. Одна состоит из сенаторов, избранных от департаментов и коммун, другая – из сенаторов, избранных в заморских территориях Франции. Французы, проживающие за пределами Франции, могут быть представлены в Сенате"⁵.

В окончательной редакции Конституция 4 октября 1958 г. сохраняет целостность Сената и восстанавливает полноту его прав, как парламентского собрания.

"Закон принимается голосованием в парламенте" (ст. 34); Конституция признает принцип двойного рассмотрения законов и конституционные права депутатов и сенаторов (и правительства) вносить изменения с ограничительной оговоркой о возможности предоставления правительством права "последнего слова" Национальному собранию.

Укрепление исполнительной власти происходит через восстановление равновесия между палатами законодательной власти. Как в 1795 г. или 1875 г. главное – это создать противовес всемогущей палате.

О применении старого принципа "разделяй и властвуй" говорил Мишель Дебре, выступая на общем собрании государственного Совета (27 августа 1958 г.): "Разделение на две палаты является целесообразным для парламентской формы правления, поскольку в лице второй палаты прави-

тельство может найти последнюю поддержку в противостоянии с первой палатой. И к тому же избирательный корпус Сената весьма похож на электорат Президента Республики".

Дуайен Сената Прело даже заявил, что "Пятая Республика, это и есть Сенат"⁶.

Такое воодушевление от "Сенатской республики" зиждилось на надежде, что, опираясь на Сенат, сможет противостоять Национальному собранию, большинство в котором удерживали партии, пришедшие из предыдущей республики.

Если мажоритарная система выборов самим фактом своего существования все меньше подталкивала исполнительную власть искать опору в Сенате*, то стремление генерала де Голля ввести на президентских выборах 1962 г. всеобщее и прямое голосование могло самым существенным образом подорвать влияние Сената. Чтобы не зависеть от возможных препон со стороны Сената, генерал де Голль пошел по пути организации референдума, на который вынесено обсуждение ст. 11, а не ст. 89, где шла речь о поправках в Конституцию.

На съезде радикальной партии 29 сентября 1962 г., проходившем в Виши, Гастон Моннервиль, который впервые был избран Председателем Совета Республики 18 марта 1947 г., расценил как "должностное преступление" методы генерала де Голля.

2 октября Председатель Моннервиль переизбран Председателем Сената. Генерал де Голль тут же подвергает Председателя Сената остракизму⁷.

* "Речь уже не идет о том, чтобы с помощью Сената умерять пыл Национального собрания, поскольку, вопреки ожиданиям, «народные массы» выбрали покорную палату, а «нотабли» – сдержанный Сенат". (*Prélot M. Institutions politiques et Droit constitutionnel. Paris: Dalloz, 1972. P. 600.*)

Ему было запрещено появляться в Елисейском дворце, а заседания представительства бюро Сената теперь ведет первый заместитель Председателя Мари-Элен Кардо. На открытых заседаниях, на которых председательствовал Гастон Монневиль, правительство представлял государственный секретарь, а именно Пьер Дюма, отвечавший за связи с парламентом или Робер Булен, государственный секретарь по вопросам бюджета.

Институциональный "бойкот" привел к "забастовке министров". "Волею мстительной исполнительной власти Сенат постепенно становится "псевдо-учреждением"⁸.

9 сентября 1968 г. генерал де Голль на пресс-конференции объявил о своем намерении, ссылаясь на статью 11 Конституции, принять на референдуме проект конституционных изменений, предусматривающий объединение Сената с Экономическим и социальным советом.

2 октября 1968 г. 135 голосами Сенат избирает "молодого" 59-летнего сенатора Алена Поэра, бывшего главного докладчика от комиссии по финансовым вопросам и председателя Европейского совета. Неожиданная кандидатура Алена Поэра, победившего в третьем туре, смогла объединить голоса "европейских" сенаторов от демократических левых сил и группы социалистов, кандидат которых, Андре Мерик, снимается с выборной дистанции.

Это избрание демонстрирует волю Сената перевернуть страницу институционального бойкота, а также освежить и придать больше динамики своему образу в преддверии конституционных сражений, которые обещают быть особенно тяжелыми.

Государственный министр Жан-Марсель Жанне вносит проект, согласно которому в рамках смелой региональной реформы Сенат как парламентское собрание целиком избираемое по принципу всеобщего избирательного права, упраздняется.

Новый Сенат должен состоять из двух категорий сенаторов: избранных территориальными объединениями или представителями французских граждан за рубежом, а также сенаторов, назначенных организациями, представляющими "живую силу нации", точнее говоря "экономическую, социальную и культурную сферы деятельности". Будучи частично сформированным из неизбранных, Сенат низводится до уровня советчика: "Закон принимается Национальным собранием после получения мнения Сената". Равным образом упраздняется право законодательной инициативы: сенаторы только формулируют предложения о поправках.

Имеющий влияние в Ассоциации мэров Франции, Председатель Поэр мобилизует местных избранных на публичные выступления и протесты против реализации "сена-тоубийственных" конституционных поправок, которые приведут, несмотря на законодательные приличия, к гибели Сената.

Проект закона (включающий в себя рядовые и конституционные положения) выносится на референдум 27 апреля 1969 г.

Проект был отклонен 12 007 102 голосами против при 10 901 753 голосов "за". В последующие годы Сенат извлечет из этого уроки, поскольку, по выражению заместителя Председателя Этьена Дайи, "чудеса случаются только один раз".

Генерал де Голль ушел в отставку.

Обязанности Президента впервые временно исполнял Председатель Сената Алэн Поэр, который позднее проиграл президентские выборы Жоржу Помпиду.

В период президентства Жоржа Помпиду отношения между Сенатом и исполнительной властью постепенно налаживаются.

Так, проект закона о создании региональных общественных организаций не затронул статус и прерогативы второй палаты.

Тем не менее, Сенат стремился обозначить свою специфику, проявляя себя, как гарант общественных свобод и защитник прав граждан.

Председатель Ален Поэр в 1971 г., выступив против закона, ограничивающего свободу общественных объединений, предоставил возможность Конституционному совету закрепить конституционные положения Преамбулы к Конституции 1958 г., ссылаясь на Декларацию прав человека и гражданина от 1789 г., Преамбулу от 1946 г. и на базовые принципы прав, утвержденные законами Республики. Таким образом, Председатель Сената инициировал введение контроля за конституционностью законов еще до внесения поправок в 1974 г., которые утвердили процедуру принятия дела к производству в Конституционном совете 60 голосами депутатов или 60 голосами сенаторов.

После кончины Жоржа Помпиду, Председатель Сената Поэр второй раз становится временно исполняющим обязанности Президента Республики.

При Президенте Жискаре д'Эстене (избран в мае 1974 г.) Сенат вступил в новую эру, так как находился в президентском большинстве. Действия сенаторов не потеряли от этого своей самостоятельности. Понятие "сенатское большинство" еще не существовало в полном смысле этого слова и нередко случалось, что сенаторы социалисты или коммунисты отдавали свои голоса центристам или правым, чтобы выступить против или существенно изменить тот или иной проект правительства.

Избрание 10 мая 1981 г. Франсуа Миттерана и последовавшая за этим победа союза левых сил на парламентских выборах стала новым ис-

пытанием для сенаторов, поддержавших правительство Жака Ширака и Рэмона Барра.

С 1981 по 1983 гг., уважая результаты выборов, сенаторы предпочитали придерживаться избирательно-оппозиционной или конструктивной позиции.

Если они отклоняли проекты национализации или первые социальные или фискальные реформы левых, то делали это под влиянием Председателя комиссии по законодательству Леона Жозо-Маринье (партия независимых республиканцев). Сенаторы принимали некоторые символические законы, такие как отмена смертной казни, упразднении Суда безопасности государства или "закон Кийо", который устанавливал новое соотношение прав и обязанностей съемщиков и владельцев жилья.

Действуя в рамках закона, Сенат не пытался в лоб атаковать Национальное собрание, а ограничивался тем, что отвоёвывал отдельные усовершенствования, уступки или смягчения законов благодаря работе смешанной комиссии. В 1982 г. Сенат предоставил право "последнего слова" Национальному собранию по важному "закону Деферра" о децентрализации (закон от 2 марта 1982 г. о правах и свободах коммун, департаментов и регионов).

Начиная с 1983 г., изменился расклад политической сил. С появлением у левых первых трудностей, Сенат, идущий в ногу с общественным мнением, становится одним из основных оппонентов правительства социалистов. Особую активность при этом проявляет Шарль Паскуа, в то время Председатель группы Объединения в поддержку Республики в Сенате.

В зале заседаний за насмешками следуют перепалки и как финальный аккорд – стремление затормозить прохождение и даже помешать принятию в 1984 г. "законопроекта Савари" об общественных службах в системе обучения.

В январе 1986 г. Андре Лабаррер заявил, что Сенат "не должен превращаться в храм бездарностей и социально отсталых". "Я не узнаю более мой Сенат", мог бы сказать на этот счет Председатель Моннервиль. В следующем месяце Председатель Сената приходит на помощь правительству, которое подвергается "обструкционистским" нападкам со стороны коммунистов, пытающихся накануне парламентских выборов в марте помешать принятию закона о гибком графике работы. И та и другая стороны используют все возможности регламента и всяческие процедурные ухищрения, но закон, в конце концов, принимается до выборов 1986 г.

В период с 1986 по 1988 гг. Сенат вновь играет роль опоры правительства. В результате отказа Главы государства поставить свою подпись под ордонансом о приватизации, сенатское большинство принимает решение о включении данного вопроса в повестку дня. Ввиду срочности вопроса, премьер-министр немедленно созывает смешанную согласительную комиссию, которая приходит к согласию. При оглашении результатов работы смешанной комиссии оппозиция оказывается обезоруженной.

После переизбрания Франсуа Миттерана Сенат снова ушел в оппозицию, не сжигая за собой мосты для диалога с Национальным собранием. Это было необходимо, так как правительство, не имевшее большинства в Бурбонском дворце, иногда нуждалось в поддержке Сената.

Так было в случае с принятием четырех томов уголовного кодекса, против которого голосовала коммунистическая фракция.

Затишье в отношениях между правительством и Сенатом отмечено тем, что премьер-министр Мишель Рокар ходатайствовал перед Сенатом об одобрении двух деклараций по международной политике:

от 20 ноября 1989 г. (О развитии событий в странах восточной Европы) и от 16 января 1991 г. (О политике на Среднем Востоке).

Но когда в конце 1992 г. правительство Эдит Крессон внесло предложение о реформе системы выборов в Сенат; оно столкнулось с сопротивлением. Тогда правительство отказалось от срочного принятия законопроекта, который был передан в Национальное собрание, где был оставлен без рассмотрения.

С 1993 по 1995 гг. приводит к новому "медовому месяцу" между Национальным собранием, Сенатом и правительством Эдуарда Балладюра. Взаимопонимание продолжается и после избрания на Президентский пост Жака Ширака (1995 г.); до роспуска в 1997 г. случилось лишь одно "последнее слово" Национального собрания по законопроекту о "...надцатой" реформе закона о временном содержании под стражей.

По отношению к разнопартийному большинству, возглавляемому премьер-министром Лионелем Жоспеном, Сенат пытался обрести свое лицо в новой для него ситуации. Впервые за все время "сосуществования" Сенат в своем большинстве оказался ближе к Президенту Республики, а не к Национальному собранию и правительству.

Во время президентства Жака Ширака в жизни французского Сената происходят существенные изменения.

Законом 30 июля 2003 г. сокращается срок действия сенаторского мандата с 9 до 6 лет, а также реформируется состав Сената для того, чтобы лучше отразить демографические изменения, происшедшие в стране.

По этому закону минимальный возрастной ценз для сенатора снижен до 30 лет и увеличено представительство в Сенате заморских территорий Франции, а также представительство французов, проживающих за границей.

Этот проект реформы рассчитан на несколько лет. Только в 2011 г. Сенат предстанет полностью обновленным, как это предусмотрено законом 2003 г.

Сегодня в составе Верхней палаты французского парламента – 331 сенатор. Согласно проекту, в 2008 г. число сенаторов возрастет до 341, а в 2011 – до 346 чел.

В целом, начиная с 1958 г., положение Сената в структуре власти было по большей части малокомфортным.

Можно ли говорить о том, что Сенат неизменно находился в оппозиции? В действительности все сложнее: Сенат всегда стремился поддерживать связи с Национальным собранием и правительством, несмотря на естественные политические разногласия. Кто-то считает, что наиболее эффективно Сенат играл роль противовеса, когда намечались расхождения во взглядах большинства в Бурбонском и Люксембургском дворцах.

Возможно, сила Сената заключается в его отличии от других институтов власти.

Пятая Республика – это, по сути, варианты двойного “сосуществования”. В первом случае – двух глав исполнительной власти, а во втором – двух по разному сформированных парламентских собраний.

Итак, в истории Франции очень четко прослеживается, что однопалатное устройство парламента присуще революционным периодам, тогда как эпохам поступательного эволюционного развития необходимы двухпалатные конструкции парламента, которые более всего способны обеспечить многомерное представительство интересов граждан в демократических институтах власти.

Примечания

¹ *Baugenard J.* Le Sénat, Que sais-je? PUF, 1997. P. 11.

² *Hérin J.-L.* Le Sénat en devenir. Montchrestien, EJA. 2001. P. 8.

³ *Monnerville G.* Clemenceau. Paris: Hachette, 1976. P. 149.

⁴ *Trois République pour une France, 1946–1958. Vol. 2.* Paris: Albin Michel, 1994.

⁵ *Carole E.* Le règlement du Sénat sous la V République. Economica, 1999. P. 21.

⁶ *Prélot M.* Pour Comprendre la nouvelle Constitution. Paris: Le Centurion, 1959. P. 59.

⁷ *Brunet J.-P.* Gaston Monnerville: Le Républicain qui défia de Gaulle. Paris: Albin Michel, 1997. P. 54.

⁸ *Ollé-Laprune J.* Quarante ans au service du Sénat de la République. Paris: Fayard, 2001. P. 93.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на дискете в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьи дается Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18-20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на литературные источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие основную информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц. В среднем количество ссылок не должно превышать 10–15.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, другие звания, должность и контактные телефоны.

Редакция перепиской с авторами не занимается.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 14.02.2007. Формат 70x100¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО “Джей Ти Принт”. Заказ № 979.

Герметичный мотокомпрессор, ГМК, разработан ФГУП “НИКИЭТ им. Доллежала” для работы с взрывоопасными, вредными и радиоактивными газами с учетом требований экологии, пожаровзрывобезопасности, компактности и энергосбережения.

В ГМК использована герметичная оболочка, что полностью исключает утечку в атмосферу и дает возможность подключать компрессор непосредственно к любой газовой сети. Использование ГМК в оболочке на автомобильной газонаполнительной компрессорной станции (ПГНКС) позволит резко сократить площадь землеотвода под газонаполнительную станцию.

Основные характеристики герметичного мотокомпрессора

Давление газа на входе в компрессор	0,3–1,6 Мпа (кгс/см)
Давление газа на выходе	25(250) МПА (кгс/см)
Производительность ГМК.....	360/960 нм ³ /ч
Мощность, потребляемая компрессором	Не более 75 кВт
Температура газа на входе	-45..+25°С
Расчетная температура газа на выходе.....	Не выше +38°С
Теплоотвод	36000 ккал/час

Номинальные габаритные размеры технологического блока без отдельно устанавливаемых узлов:

Глубина	1300 мм
Ширина	2650 мм
Высота	1140 мм
Масса ГМК.....	1450 кг

Назначенный ресурс ГМК:

До капитального ремонта.....	1000 ч
До текущего ремонта	8000 ч

28 апреля 2006 г. промышленный образец компрессорной установки решением Международного Жюри IX салона промышленной собственности «Архимед-2006» удостоен Диплома II степени и серебряной медали

Получен сертификат соответствия № РОСС RU.Н003.А01799

Россия, 101000, Москва, а/я 788,
Телетайп: 611569 МОМЕНТ
Телефакс: 975-20-19,
E-mail: nikiet@nikiet.ru,
<http://www.nikiet.ru>

Тел.: (495)263-73-95 – Параев Б.В.
(495)263-73-07
(495)268-92-14 – Николаев В.В.